

ОШО 100 миллионов читателей
Творчество

ОШО 100 миллионов читателей
Свобода
Храбрость бытия

ОШО 100 миллионов читателей
Разум
Творческий отклик на сейчас

ОШО 100 миллионов читателей
Радость

ОШО 100 миллионов читателей
Осознанность
Ключ к жизни в равновесии

ОШО 100 миллионов читателей
Интуиция
Знание за пределами логики

ОШО 100 миллионов читателей
Зрелость
Ответственность быть самим собой

ОШО 100 миллионов читателей
Близость
Доверие к себе и к другому

ОШО
КЛЮЧИ К НОВОЙ ЖИЗНИ
9 КНИГ

Ключи к новой жизни

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Ошо. Ключи к новой жизни. 9 книг

ИГ "Весь"

2023

УДК 159.9
ББК 86.39

Раджниш (Ошо) Б.

Ошо. Ключи к новой жизни. 9 книг / Б. Раджниш (Ошо) — ИГ
"Весь", 2023 — (Ключи к новой жизни)

ISBN 978-5-94-434731-2

Сборник состоит из книг: Близость. Доверие к себе и к другому; Зрелость. Ответственность быть самим собой; Интуиция. Знание за пределами логики; Осознанность. Ключ к жизни в равновесии; Радость. Счастье, которое приходит изнутри; Разум. Творческий отклик на сейчас; Свобода. Храбрость быть собой; Творчество. Высвобождение внутренних сил; Храбрость. Радость жить рискуя.

УДК 159.9
ББК 86.39

ISBN 978-5-94-434731-2

© Раджниш (Ошо) Б., 2023
© ИГ "Весь", 2023

Содержание

Храбрость. Радость жить рискуя	6
Предисловие	7
Что такое храбрость?	9
Дао храбрости	9
Путь сердца	12
Путь разума	16
Путь доверия	18
Путь невинности	22
Когда новое стучится в двери... Открой!	31
Храбрость любви	34
Не отношения, но состояние бытия	40
Это пирожное восхитительно!	41
Мир без границ	44
Ни легко, ни трудно – просто естественно	46
Отделись от толпы	52
Политика численности	54
Слушай свой «внутренний смысл»	55
Свобода дает тебе крылья	57
Свобода от, свобода для	58
Найди свое оригинальное лицо	59
Радость жить опасно	63
Что бы ты ни делал, жизнь – это тайна	65
Жизнь всегда в диких просторах	68
Предельная храбрость: ни начала, ни конца	70
В поисках бесстрашия	78
Медитационные техники и ответы на вопросы	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ошо

Ключи к новой жизни. 9 книг

OSHO

Все фотографические и графические материалы используются с разрешения

Osho International Foundation.

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation; www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Храбрость. Радость жить рискуя

Предисловие

Не говори, это неопределенность – назови это удивлением.

Не говори, это небезопасность – назови это свободой.

Я здесь не для того, чтобы дать догму. Догма делает человека уверенным. Я здесь не для того, чтобы что-то пообещать на будущее, – любое обещание создает определенность. Я здесь просто для того, чтобы сделать тебя бдительным и осознанным, то есть привести тебя в здесь-и-сейчас, во всей той незащищенности, что являет собою жизнь, во всей той неопределенности, что являет собою жизнь, во всей той небезопасности, что являет собою жизнь.

Я знаю, ты пришел сюда за некой определенностью, за неким кредо, «-измом»; в стремлении к чему-то принадлежать; в поисках кого-то, на кого можно было бы опереться. Ты пришел сюда из страха. Ты ищешь своего рода красивую тюрьму, в которой можно было бы жить без осознанности.

Мне же хочется сделать тебя более незащищенным, неопределенным, потому что именно такова жизнь, именно таков Бог. Когда велики неопределенность и опасность, единственный способ отозваться на это – осознанность.

Есть две возможности. Либо ты закрываешь глаза и становишься догматичным, становишься христианином, индуистом или мусульманином... и тогда превращаешься в страуса. Это ничего не меняет в жизни, это просто закрывает тебе глаза. Это просто делает тебя глупым, это просто делает тебя неразумным. В своей глупости ты чувствуешь себя в безопасности – все идиоты чувствуют себя в безопасности. Фактически, только идиоты чувствуют, что они в безопасности. По-настоящему живой человек всегда чувствует себя в небезопасности. Какая у него может быть безопасность?

Жизнь – не механический процесс, и она не может быть безопасной. Это непредсказуемое таинство. Никто не знает, что случится в следующее мгновение. Даже Бог, который, по-моему, обитает где-то на Седьмом Небе, даже он – если он есть – даже он не знает, что будет дальше!.. потому что если бы он знал, что будет дальше, жизнь была бы подделкой, все было бы расписано наперед, предопределено заранее. Как он может знать, что будет дальше, если будущее открыто? Если бы Бог знал, что случится в следующее мгновение, это сделало бы жизнь всего лишь мертвым механическим процессом. Тогда не было бы никакой свободы, а какая может быть жизнь без свободы? Тогда не было бы никакой возможности расти – или не расти. Если бы все было предопределено, не было бы ни славы, ни великолепия. Тогда вы были бы просто роботами.

Нет! – ничто не предопределено. Вот мое послание. Ничто не может быть определенным, потому что застывшая жизнь была бы хуже смерти. Ничто не определено. Жизнь полна неуверенности, полна неожиданностей – в этом ее красота! Никогда нельзя прийти к точке, в которой ты мог бы сказать: «Теперь я уверен». Если ты говоришь, что уверен, ты просто объявляешь о своей смерти; ты совершил самоубийство.

Жизнь продолжает двигаться в тысяче и одной неопределенности. Это ее свобода. Не называй ее небезопасностью.

Я могу понять, почему ум называет свободу «небезопасностью»... Не доводилось ли тебе провести несколько месяцев или лет в тюрьме? Если ты провел несколько лет в тюрьме... когда

приходит день выйти на свободу, заключенный начинает чувствовать неуверенность в завтрашнем дне. В тюрьме все было определено; все было мертвым и рутинным. Его обеспечивали едой, ему предоставляли защиту; он не боялся завтра остаться голодным, остаться без еды – не было ничего подобного, все было определено. И вот внезапно, через много лет, тюремщик подходит к нему и говорит: «Тебя скоро выпустят». Он дрожит. Снаружи, вне стен тюрьмы, вновь появится небезопасность; вновь ему придется искать, исследовать; вновь ему придется жить свободно.

Свобода вызывает страх. Люди говорят о свободе и в то же время боятся ее. Но человек еще не человек, если он боится свободы. Я даю тебе свободу. Я даю тебе понимание. Я не даю знания. Знание сделало бы тебя уверенным. Если я дам тебе формулировку, готовую формулировку, что есть Бог, и Святой Дух, и едиnorodный сын Иисус; есть Ад и Рай, хорошие и плохие поступки; грехи, и окажешься в Аду, делай то, что я называю добродетельным, и попадешь в Рай, – всему конец! – ты уверен. Именно поэтому столько людей решило быть христианами, индуистами, мусульманами, джайнами – они не хотят свободы, они хотят застывших формулировок.

Один человек умирал – внезапно, в дорожной аварии. Люди не знали, что он был евреем, поэтому позвали ему священника, католического священника. Он склонился к этому человеку – умирающему, стоящему на пороге смерти, – и спросил:

- Веришь ли ты в Единство Бога-Отца, Святого Духа и Сына?
- Умиравший открыл глаза и пробормотал:
- Надо же, я умираю, а он загадывает головоломки!

Когда смерть постучится в двери, все те вещи, в которых вы так уверены, окажутся просто головоломками, глупостями. Не цепляйтесь за определенные вещи. Жизнь неопределенна – сама ее природа неопределенна. И разумный человек всегда остается неуверенным.

Сама готовность оставаться неуверенным суть храбрость. Сама готовность быть в небезопасности суть доверие. Разумен тот, кто остается бдительным в любой ситуации – и откликается на нее всем сердцем. Не то чтобы он знал, что будет дальше; не то чтобы он знал: «Сделай *вот так*, и получится *вот это*». Жизнь – это не наука; это не причинно-следственная цепь. Нагрей воду до ста градусов, и она испарится – это определено. Но в реальной жизни ничто так не определено.

Каждая индивидуальность – это свобода, непознанная свобода. Невозможно ее предсказать, невозможно от нее ничего ожидать. Жить следует в осознанности и понимании.

Ты приходишь ко мне в поисках знания; ты хочешь вцепиться в готовые формулировки. Я не дам никаких формулировок. Фактически, если у тебя и есть какие-то формулировки, я их отниму! Мало-помалу я разрушу твою уверенность; мало-помалу я заставлю тебя колебаться все больше; мало-помалу я приведу тебя в большую и большую небезопасность. Вот единственное, что нужно сделать. Вот единственное, что должен сделать Мастер! – оставить тебя в полной свободе. В полной свободе, когда все возможности открыты, ничто не закреплено... тебе придется быть осознанным, тебе не останется ничего другого.

Вот что я называю пониманием. Если ты понимаешь, небезопасность становится неотъемлемой частью жизни – и хорошо, что это так, потому что это делает жизнь свободной, это делает жизнь постоянной неожиданностью. Человек никогда не знает, что будет дальше. Это удерживает его в постоянном удивлении. Не говори – это неопределенность, назови это удивлением. Не говори – это небезопасность, назови это свободой.

Что такое храбрость?

Поначалу разница между трусом и храбрым человеком невелика. Вот единственная разница: трус прислушивается к своим страхам и следует им, храбрый же человек откладывает их в сторону и идет вперед. Храбрый идет в неведомое вопреки всем страхам.

Храбрость означает: идти в неведомое вопреки всем страхам. Храбрость не значит бесстрашие. Бесстрашие случается, если ты продолжаешь быть храбрым, все более храбрым. Это предельный опыт храбрости – бесстрашие; это цветение храбрости, которая стала абсолютной. Поначалу разница между трусом и храбрым человеком невелика. Вот единственная разница: трус прислушивается к своим страхам и следует им, храбрый же человек откладывает их в сторону и идет вперед. Храбрый идет в неведомое вопреки всем страхам. Он знает, что такое страх; ему бывает страшно.

Когда ты отплываешь в необозначенные на картах моря, как Колумб, в тебе есть страх, безмерный страх, потому что никто не знает, что будет дальше. Ты покидаешь берег безопасности. У тебя, в определенном смысле, все было хорошо; недоставало лишь одного – приключения. Когда ты идешь в неизвестное, это приводит тебя в трепет. Вновь начинает биться сердце; снова ты жив, всецело жив. Жизнь пульсирует в каждой фибре твоего существа, потому что ты принял вызов неведомого.

Принять вызов неведомого вопреки всем страхам – вот что такое храбрость. Страхи есть, но если ты вновь и вновь принимаешь вызов, постепенно эти страхи исчезают. Опыт радости, которую приносит неведомое, придает тебе достаточно сил, наделяет тебя некой цельностью, обостряет разум. Впервые ты начинаешь чувствовать, что жизнь не только нудна, но и полна приключений. Тогда мало-помалу страхи исчезают; тогда ты все время ищешь приключений.

Но в своей основе храбрость означает: рискнуть известным ради неизвестного, знакомым – ради незнакомого, удобным – ради неудобного; это тяжкое паломничество к неизвестной точке назначения. Человек никогда не знает, получится у него что-то или нет. Это азартная игра – но лишь игроки знают, что такое жизнь.

Дао храбрости

Жизнь не слушается твоей логики; она продолжается по-своему, ни о чем не беспокоясь. Жизни должен слушаться ты; она не послушается твоей логики, ее не волнует твоя логика.

Что ты видишь, двигаясь в жизни? Налетает сильная буря, большие деревья падают. Согласно Чарльзу Дарвину, как раз они должны бы выжить, потому что они самые крепкие, сильные, могучие. Посмотри на древнее дерево, в триста футов высотой, в три тысячи лет от роду. Само присутствие этого дерева рождает силу, дает ощущение силы и мощи. Миллионы

корней проросли глубоко в землю, и дерево возвышается во всей своей мощи. Конечно, дерево борется – оно не хочет ни уступать, ни сдаваться, – но после бури оно лежит, поваленное; оно больше не живо, его мощи пришел конец. Буря была слишком сильной – буря всегда сильней, потому что буря приходит от целого, а дерево – это просто индивидуальность.

Есть небольшие растения, обычная трава – когда приходит буря, трава уступает, и буря не может причинить ей никакого вреда. Самое большее, она даст ей хороший душ, вот и все; она смывает всю накопившуюся грязь. Приняв хорошую ванну, после бури небольшие растения и травы снова радостно танцуют. У травы почти нет корней, ее может выдернуть из земли ребенок, но она победила бурю. Как же так?

Трава последовала пути Дао, пути Лао-цзы, а большое дерево – Чарльзу Дарвину. Большое дерево было очень логично: оно попыталось воспротивиться, проявить свою силу. Пытаясь проявить силу, ты будешь побежден. Все гитлеры, наполеоны, александры – большие деревья, сильные деревья. Они будут побеждены. Лао-цзы подобны небольшим растениям: никто не может их победить, потому что они всегда готовы поддаться. Как можно победить того, кто уступает, кто говорит: «Я уже побежден», кто говорит: «Господин, наслаждайся победой и ни о чем не беспокойся. Я уже побежден»? Даже Александр почувствует себя бессильным перед Лао-цзы; он ничего не сможет сделать. Это случилось; было именно так...

Один санньясин, мистик по имени Дандамис, жил во времена Александра. Когда он собирался завоевывать Индию, друзья попросили его привезти оттуда санньясина, потому что эти редкие цветы цветут только в Индии. Они сказали:

– Привези санньясина. Ты привезешь многое, но не забудь привезти санньясина; мы хотели бы ознакомиться с явлением санньясы: что это такое, что такое санньясин?

Он был так увлечен войной, борьбой и сражениями, что почти забыл об этом, но на обратном пути, на самой границе Индии, внезапно снова вспомнил. Покидая последнюю деревню, он послал своих солдат пойти и узнать, нет ли где-нибудь поблизости санньясина. Случайно оказалось так, что Дандамис жил у реки в той же деревне, и люди сказали:

– Тебе повезло, ты пришел вовремя. Санньясинов много, но настоящие санньясины редки, и один из них сейчас здесь. Ты можешь получить *даршан*, ты можешь пойти и посетить его.

Александр рассмеялся:

– Я здесь не ради даршанов, мои солдаты пойдут и приведут его. Я увезу его с собой в столицу моей страны.

– Это будет нелегко... – сказали жители деревни.

Александр не мог поверить – какие могут быть трудности? Он побеждал императоров, великих королей, какие же трудности могут быть с нищим, с санньясином? Его солдаты пошли разыскать этого Дандамиса, который стоял, обнаженный, на берегу реки. Они сказали:

– Александр Великий приглашает тебя сопровождать его в его страну. Тебе будут предоставлены все удобства, каких ты только пожелаешь. Ты будешь королевским гостем.

Голый факир рассмеялся и сказал:

– Пойдите и скажите своему хозяину, что человек, называющий себя великим, не может в самом деле быть великим. Никто никуда не может меня привести – санньясин движется, как облако, в полной свободе. Никто не может меня поработить.

– Должно быть, ты слышал об Александре, – сказали они, – это опасный человек. Если ты откажешь ему, он не послушает, он просто отрубит тебе голову!

– Лучше приведите своего хозяина сюда, – сказал он, – может быть, он меня поймет.

И Александру пришлось прийти самому, потому что солдаты вернулись и сказали:

– Это редкий человек, сияющий, и его окружает нечто от неведомого. Он голый, но в его присутствии не чувствуешь его наготы – это вспоминается позже. Он так силен, что в его присутствии просто забывается все на свете. Он притягателен, как магнит, и его окружает великое молчание, и все вокруг словно радуется этому человеку. Он стоит того, чтобы с ним увидеться, но кажется, ему, бедняге, придется плохо, потому что он говорит, что никто никому не может его увести, что никто не может сделать его своим рабом.

Александр пришел к нему с обнаженным мечом в руках. Дандамис рассмеялся и сказал:

– Опusti меч, здесь он не поможет. Вложи его в ножны; он бесполезен, потому что ты можешь только разрубить мое тело, а я и так давно его покинул. Твой меч не может меня разрубить, поэтому вложи его в ножны, не ребячась.

И говорят, впервые в жизни Александр последовал приказу кого-то другого – просто потому, что в самом присутствии этого человека он не мог вспомнить, кто он такой. Он вложил меч в ножны:

– Я никогда не встречал такого красивого человека.

И вернувшись в лагерь, он рассказал:

– Трудно убить человека, который готов умереть, его убивать бессмысленно. Можно убить человека, который готов сражаться, тогда в этом есть какой-то смысл; но нельзя убить человека, который готов и говорит: «Вот моя голова, можешь ее отрубить».

И Дандамис в самом деле сказал:

– Вот моя голова, можешь ее отрубить. Когда голова упадет, ты увидишь, как она падает на песок; я тоже увижу, как она падает на песок, потому что я – не мое тело. Я свидетель.

Александру, вернувшись, пришлось сказать своим друзьям:

– Там были санньясины, которых я мог привезти, но они не были настоящими санньясинами. Потом я столкнулся с человеком действительно редким – то, что вы слышали, правда, это редкий цветок, но никто не может его ни к чему принудить, потому что он не боится смерти. Если человек не боится смерти, как его заставить?

Именно страх делает тебя рабом – именно страх. Когда ты бесстрашен, ты больше не раб; фактически, именно страх заставляет вас поработать других, прежде чем они смогут поработать вас.

Человек, который бесстрашен, никого не боится сам и не стремится внушать страх другим. Страх исчезает полностью.

Путь сердца

Слово «храбрость» очень интересно. Оно происходит от латинского корня «*кор*»¹, что значит «сердце». Слово храбрость происходит от корня *кор* – *кор* означает «сердце», поэтому быть храбрым – значит жить из сердца. Слабаки и только слабаки живут из головы; испуганные, они окружают себя защитой логики. Полные страха, они закрывают все двери и окна – теологией, концепциями, словами, теориями – и прячутся внутри, за закрытыми дверями и окнами.

Путь сердца – это путь храбрости. Это значит жить в опасности; это значит жить в любви, в доверии; это значит двигаться в неизвестное. Это значит покинуть прошлое и позволить быть будущему. Храбрость означает: идти опасным путем. Жизнь опасна, и только трусы могут избегать опасности, но тогда они уже мертвы. Человек, который жив, жив по-настоящему, жив до трепета, всегда движется в неизвестное. Это опасно, но он идет на риск. Сердце всегда готово рискнуть, сердце всегда азартно. Голова – бизнесмен. Голова всегда рассчитывает – она коварна. Сердцу чужд расчет.

Английское слово «храбрость» красиво и очень интересно. Жить из сердца значит обнаружить его смысл. Поэт живет из сердца, и постепенно, в сердце, он начинает слушать звуки неизвестного. Голова не может слушать; она всегда далека от неизвестного. Голова наполнена известным.

Что такое твой ум? Это все то, что тебе известно. Это прошлое, мертвое, ушедшее. Ум есть не что иное, как накопленное прошлое, память. Сердце есть будущее; сердце – это всегда надежда, сердце всегда где-то в будущем. Голова думает о прошлом, сердце мечтает о будущем.

Будущему еще предстоит прийти. Будущее еще наступит. В будущем все еще есть возможность – оно наступит, оно уже наступает. В каждое мгновение будущее становится настоящим, а настоящее – прошлым. В прошлом никакой возможности нет, оно уже использовано. Ты уже отошел от него – оно исчерпано, это мертвая вещь, могила. Будущее подобно семени; оно наступает, всегда наступает, всегда приходит и встречается с настоящим. Ты всегда в движении. Настоящее есть не что иное, как движение в будущее. Это шаг, который ты уже совершил; это вступление в будущее.

Каждый в мире хочет быть истинным, потому что истина приносит столько радости, такое изобилие блаженства – зачем быть фальшивым? Ты должен набраться храбрости для немного более глубокого прозрения: почему ты боишься? Что может сделать с тобой мир? Люди могут посмеяться над тобой; это пойдет им на пользу – смех всегда целебен, полезен для здоровья. Люди подумают, что ты сумасшедший... ты не станешь сумасшедшим только потому, что люди подумают, что ты сумасшедший.

И если ты подлинный – в своей радости, в своих слезах, в своем танце, – рано или поздно найдутся люди, которые начнут тебя понимать, которые, может быть, даже присоединятся к каравану. Я сам начал путь один, затем стали приходить люди, и теперь это всемирный караван! Я никого не приглашал; я просто делал то, что чувствовал, что приходило из сердца.

¹ Англ. *courage*; лат. *cor.* – Прим. перев.

Я ответствен перед своим сердцем, ни перед кем другим в этом мире. Так же и ты ответ- ствен лишь перед собственным существом. Не иди против него, потому что идти против него значит совершить самоубийство, разрушить себя. Что ты выиграешь? Даже если люди будут тебя чтить, считать очень трезвым, респектабельным, уважаемым человеком, ничто это не будет питать твое существо. Ничто это не даст тебе прозрения в жизнь и ее безмерную красоту.

Сколько миллионов людей жило до тебя на этой Земле? Ты даже не знаешь их имен; жили они или нет, уже неважно. Были святые и грешники, были очень уважаемые люди, были всевозможные эксцентрики, сумасшедшие, но все они исчезли – и даже следа от них не оста- лось на Земле.

Единственной твоей заботой должно быть лелеять и защищать качества, которые ты можешь взять с собой, когда смерть разрушит твое тело, твой ум, потому что лишь эти каче- ства будут твоими спутниками. Лишь это настоящие ценности, и лишь люди, достигшие их, по-настоящему живут – они, и только они; другие только притворяются, что живут.

КГБ стучится в двери к Юселью Финкельштейну. Юсель открывает дверь.

– Здесь живет Юсель Финкельштейн?

– Нет, – отвечает Юсель, стоя в дверном проеме в полосатой пижаме.

– Нет? Как же тебя зовут?

– Юсель Финкельштейн.

Кэгэбэшник сшибает его с ног и орет:

– Почему ты только что сказал, что ты здесь не живешь?

– Ты называешь это жизнью?

Сама по себе жизнь – это не всегда жизнь. Посмотри на свою жизнь.

Можешь ли ты назвать ее благословением? Можешь ли ты назвать ее алтарем, даром существования? Хотел бы ты, чтобы она была тебе дана вновь и вновь?

Не слушайся священных писаний – слушай свое сердце. Вот единственная заповедь, которую я могу предписать: слушай внимательно, очень сознательно, и ты никогда не оши- бешься. И, слушая сердце, ты никогда не будешь расщеплен. Слушая свое сердце, ты начнешь двигаться в правильном направлении, никогда даже не задумываясь о том, правильно оно или нет.

Всем искусством нового человечества будет секрет слушания сердца: сознательно, бди- тельно, внимательно. И, следуя ему, иди, куда бы оно тебя ни привело. Да, иногда оно приведет тебя в опасность – но тогда вспомни: опасности нужны, чтобы сделать тебя зрелым. Иногда оно заставит тебя заблудиться – но снова вспомни: эти заблуждения являются частью роста. Много раз ты упадешь – поднимись снова, потому что именно так человек набирается сил: падая и снова вставая. Именно так человек становится интегрированным, цельным.

Но не следуй правилам, навязанным другими извне. Никакое навязанное правило не может быть правильным, потому что эти правила изобретены людьми, которые хотят тобой править! Да, иногда мир знал и великих просветленных – Будду, Иисуса, Кришну, Мухаммеда. Они давали миру не правила, они давали миру любовь. Но, рано или поздно, ученики собира- ются и начинают вырабатывать правила поведения. Лишь только Мастер ушел, лишь только свет померк, оставшись во тьме, они начинают нащупывать правила, которым можно было бы следовать, потому что теперь света, в котором они могли видеть, больше нет. Теперь им при- ходится опираться на правила.

То, что делал Иисус, было шепотом его собственного сердца, но то, что продолжают хри- стиане, – не шепот их собственных сердец. Они подражатели – а в то мгновение, когда ты ста- новишься подражателем, ты оскорбляешь свою человечность, ты оскорбляешь своего Бога.

Никогда не будь подражателем, всегда будь оригиналом. Не становись копией под копирку. Но именно это происходит во всем мире – копии с копий...

Жизнь не может быть настоящим танцем, если ты не оригинал – и тебе предназначено быть оригиналом. Посмотри только, как Кришна отличается от Будды! Если бы Кришна следовал Будде, мы лишились бы одного из самых красивых людей на этой Земле. Или, если бы Будда следовал Кришне, он был бы просто убогим. Только представь себе Будду играющим на флейте! – он отравил бы сон многим людям, он был бы ужасным флейтистом. Просто представь Будду танцующим; это выглядит так смешотворно – просто абсурд.

И то же самое – Кришна... сидя под деревом, без флейты, без короны из павлиньих перьев, без прекрасных одежд – просто сидя, как нищий, под деревом с закрытыми глазами, – никто вокруг него не танцует, никто не поет, – Кришна был бы таким бедным, убогим. Будда есть Будда, Кришна есть Кришна, а ты есть ты. И ты ни в каком смысле не меньше кого-либо другого. Уважай себя, уважай свой внутренний голос и следуй ему.

И запомни, я тебе не гарантирую, что он всегда поведет тебя правильно. Много раз он ошибется, ибо прежде чем прийти к нужной двери, человек должен постучать во множество ненужных. Это именно так. Если внезапно ты натыкаешься на правильную дверь, то не можешь распознать, что она правильна. Поэтому запомни: по большому счету никакое усилие никогда не потрачено впустую; все усилия вносят вклад в высочайший пик, предельную кульминацию твоего роста.

Поэтому не стоит колебаться, не стоит слишком тревожиться о том, как бы не пойти в неправильном направлении. Это одна из проблем: людей всегда учат никогда не делать ничего неправильного, и они становятся такими колеблющимися, такими испуганными, так боятся сделать что-то неправильно, что вообще застревают. Они не могут двинуться с места, потому что может случиться что-то неправильное. И они становятся, как камни, теряют всю подвижность.

Делай как можно больше ошибок, только помни одно: не совершай одну и ту же ошибку дважды. И ты будешь расти. Право сбиться с пути входит в твою свободу, право пойти против – даже против Бога – есть часть твоего достоинства. И иногда красиво пойти даже против Бога. Именно таким образом у тебя вырабатывается внутренний стержень; миллионы людей вокруг совершенно бесхребетны.

Забудь обо всем, что тебе говорили: «Это правильно, это неправильно». Жизнь не такая окостеневшая. Правильное сегодня может быть неправильным завтра, неправильное в этом мгновении может быть правильным в следующем. Жизнь нельзя разложить по полочкам; ты не можешь так просто обклеить ее этикетками: «Правильно», «Неправильно». Жизнь – это не аптека, в которой каждая бутылочка подписана, и ты знаешь, что внутри. Жизнь – это таинство: в одно мгновение что-то подходит, и это правильно; следующее мгновение – и уже столько воды утекло в Ганге, что это больше не подходит, это неправильно.

Что я называю правильным? То, что гармонирует с существованием, – правильно; то, что в дисгармонии с существованием, – неправильно. Тебе нужно быть очень бдительным в каждое мгновение, потому что в каждое мгновение придется решать заново. Ты не сможешь опираться на готовые ответы о правильном и неправильном. Только дураки опираются на готовые ответы, потому что тогда можно не быть разумным, нет никакой необходимости. Ты уже знаешь, что правильно и неправильно, ты можешь заучить список наизусть; он не очень длинный.

Вот Десять Заповедей – так просто! – и ты знаешь, что правильно, а что – нет. Но жизнь постоянно продолжает изменяться. Не думаю, что если Моисей вернется, он даст те же самые десять заповедей – не может быть. Как можно дать те же самые заповеди через три тысячи лет? Ему придется придумать что-то новое.

Но в моем собственном понимании, если даются заповеди, они только осложняют людям жизнь, потому что устаревают уже к тому времени, как даны. Жизнь движется так быстро; она динамична, не статична. Это не застойный пруд, это Ганг, который постоянно течет. Жизнь

никогда не остается прежней даже в два мгновения, следующие друг за другом. Поэтому одно и то же может быть правильным в это мгновение и неправильным – в следующее.

Что же тогда делать? Единственный выход – сделать людей осознанными настолько, чтобы они могли сами решить, как откликнуться на изменяющуюся жизнь.

Дзэнская история.

Два храма соперничали друг с другом. Два их Мастера – наверное, это были так называемые Мастера, должно быть, на самом деле это были священники, – не выносили друг друга до такой степени, что запрещали своим последователям даже смотреть на другой храм.

У каждого из священников был мальчик для услуг. Священник первого храма сказал своему молодому слуге:

– Никогда не разговаривай со слугой из другого храма. Эти люди опасны.

Но мальчишки есть мальчишки. Однажды они встретились на дороге, и мальчик из первого храма спросил второго:

– Куда ты идешь?

– Куда меня принесут ветры, – ответил второй. Наверное, у себя в храме он слышал великие дзэнские учения; он сказал: «Куда меня принесут ветры». Великие слова, сущее Дао.

Но первый мальчик был так смущен и обижен, что не нашелся с ответом. В разочаровании и гнев, к которым примешивалось чувство вины... «Мой мастер запретил мне разговаривать с этими людьми. Эти люди действительно опасны. Что это за ответ? Он унижил меня».

Он отправился к своему мастеру и рассказал ему о случившемся.

– Прости, что я с ним заговорил. Ты был прав, это странные люди. Что это за ответ? Я спросил его, куда он идет, – простой, формальный вопрос – зная, что точно так же, как и я, он идет на рынок. Но он ответил: «Куда меня принесут ветры».

Мастер сказал:

– Я тебя предупреждал, но ты не послушался. Теперь смотри, завтра встань на том же месте. Когда он придет, снова спроси его, куда он идет, и он ответит: «Куда меня принесут ветры». Тогда покажи, что и ты немного философ. Скажи: «А если у тебя нет ног? – потому что душа бестелесна, и ветер не может ее нести – ... Что тогда?»

Мальчик хотел подготовиться как можно лучше; всю ночь он снова и снова повторял свой ответ. На следующее утро он встал очень рано, пришел на то же место, и точно вовремя появился второй слуга. Первый был очень доволен: сейчас он покажет, что такое настоящая философия. И вот он спросил второго, куда тот идет, и стал ждать ответа...

Но второй мальчик ответил:

– На рынок за овощами.

Как теперь быть с выученной философией?

Такова жизнь. Ты не можешь к ней подготовиться, ты не можешь быть к ней готовым. Именно в этом ее красота, в этом ее чудо: она всегда застигает тебя врасплох, она всегда приходит неожиданно. Если у тебя есть глаза, ты увидишь, что каждое мгновение жизнь неожиданна, и к ней неприменим никакой готовый ответ.

Путь разума

Быть разумным – значит быть живым, быть разумным – значит быть спонтанным... Быть открытым, уязвимым. Это беспристрастность, это храбрость действовать без предварительных заключений. Почему я говорю, что это храбрость? Это храбрость потому, что когда ты действуешь из заключения, заключение защищает тебя; заключение обеспечивает тебе безопасность, защищенность. Ты его хорошо знаешь, ты знаешь, как ты к нему пришел, ты в нем очень умел. Действовать без заключения – значит действовать из невинности. Нет никакой определенности, и ты можешь пойти не в ту сторону, можешь сбиться с дороги.

Человек, который готов пуститься в поиск, называемый истиной, должен быть также готов совершить много промахов, ошибок – он должен уметь рисковать. Он может сбиться с пути, но именно так он прибывает к назначению. Много, много раз сбиваясь с пути, человек научается не сбиваться с пути. Совершая много ошибок, человек узнает, что такое ошибка и как ее не совершить. Познавая, что такое ошибка, человек подходит ближе и ближе к истине. Это исследование индивидуально; полагаться ни на какие чужие заключения нельзя.

Ты родился не-умом. Пусть это просочится тебе в сердце как можно глубже, потому что это открывает двери. Если ты родился не-умом, тогда ум – просто дело рук общества. Он не природен, он был в тебя вживлен. Он был наложен поверх тебя. Глубоко внутри ты по-прежнему свободен, ты можешь из него выбраться. Человек никогда не может выйти из своей природы, но из искусственного он может выйти в то самое мгновение, когда решит это сделать.

Существование предшествует мышлению. Так, существование – это не состояние ума, это состояние за его пределами. Путь к познанию фундаментального – быть, а не думать. Наука предполагает мышление, философия предполагает мышление, теология предполагает мышление. Религиозность не значит мышление. Религиозный подход – это не мыслящий подход. Он интимнее, он подводит тебя ближе к реальности. Он отбрасывает все, что преграждает путь, он разблокирует тебя; ты начинаешь течь в жизнь. Ты не думаешь, что отделен, когда смотришь. Ты не считаешь себя наблюдателем, отстраненным, отрешенным. Ты встречаешься, таешь и вливаешься в реальность.

Есть иной способ познания. Его нельзя назвать «знанием». Он скорее подобен любви, чем знанию. Он так интимен, что слова «знание» недостаточно, чтобы его выразить. Слово «любовь» адекватнее, выразительнее.

Первым, что эволюционировало во всей истории человеческого сознания, было волшебство. Волшебство было сочетанием науки и религии. В волшебстве есть нечто от ума и нечто от не-ума. Затем из волшебства выросла философия. Затем из философии выросла наука. Волшебство было и не-умом, и умом одновременно. Философия была только умом. Теперь сумма ума и эксперимента есть наука. Религиозность есть состояние не-ума.

Религиозность и наука – это два подхода к реальности. Наука подходит через вторичное; религиозность идет прямо. Наука – это косвенный подход; религиозность – непосредственный подход. Наука ходит кругами; религиозность же просто проникает в сердце реальности.

Еще одно... Мышление может думать об уже известном – пережевывать уже пережеванное. Мышление никогда не может быть оригинальным. Как можно думать о неизвестном?

Все, *о чем бы ты только не смог* подумать, относится к известному. Ты можешь думать только потому, что уже знаешь. Самое большее, мышление может создать новые сочетания. Ты можешь думать о лошади, которая летает по небу и сделана из золота, но в этом нет ничего нового. Ты знаешь птиц, которые летают по небу, ты знаешь золото, ты знаешь лошадей; ты сводишь три компонента вместе. Самое большее, мышление способно создать новые сочетания, но оно не может познать неизвестное. Неизвестное остается за его пределами. Так, мышление движется по кругу, вновь и вновь продолжая узнавать узнанное. Оно продолжает пережевывать пережеванное. Мышление никогда не оригинально.

Столкнуться с реальностью оригинально, радикально, приблизиться к реальности без всякого посредника – подойти к реальности так, словно ты первый в существовании человек, – вот освобождение. Сама эта новизна освобождает.

Истина – это опыт, не верование. Истина никогда не приходит в изучении ее; с ней нужно столкнуться лицом к лицу, истине нужно посмотреть в глаза. Человек, собирающий сведения о любви, подобен человеку, который собирает сведения о Гималаях, глядя на карту. Карта – это не гора! И если ты начнешь верить в карту, то навсегда лишишься горы. Если ты станешь слишком одержимым картой, гора всегда будет перед тобой, но ты не сможешь ее увидеть.

Именно так и происходит. Гора перед тобой, но твои глаза заняты картами – картами гор, картами одной и той же горы, созданными другими исследователями. Кто-то взобрался на нее с северной стороны, кто-то – с восточной. Они создали разные карты: Коран, Библию, Гиту – разные карты одной и той же истины. Но ты слишком переполнен этими картами, слишком обременен их весом; ты не можешь сдвинуться ни на шаг. Ты не можешь увидеть гору, которая прямо перед тобой, – с ее девственной вершиной, золотом сверкающей на утреннем солнце. У тебя нет глаз, чтобы ее увидеть.

Предубежденный глаз слеп, полное заключений сердце мертво. Слишком много предварительных заключений – и твой разум начинает терять остроту, красоту, интенсивность. Он тупеет.

Отупевший разум и есть то, что известно как интеллект. Ваша так называемая интеллигенция – всего лишь интеллектуалы. Интеллект – это труп. Ты можешь его украсить, ты можешь надеть на него великие жемчужины, бриллианты, изумруды, но труп останется трупом.

Быть живым – совершенно другое дело.

Наука предполагает определенность, абсолютную определенность в отношении фактов. А будучи абсолютно определенным в отношении фактов, ты не можешь почувствовать таинственного – чем более ты определен, тем более испаряется тайна. Для тайны нужно немного расплывчатости; для тайны требуется нечто неопределенное, неочерченное. Наука фактична; тайна не фактична, но экзистенциальна.

Факт является частью существования, и очень небольшой частью; наука занимается частями, потому что частями заниматься легче. Они меньше, их можно проанализировать; они не ошеломляют тебя, ты можешь держать их в руках. Их можно расчленить, пометить ярлыками; ты можешь быть абсолютно уверен в их качествах, количествах и возможностях – но в самом этом процессе погибает тайна. Наука – это убийство тайны.

Если хочешь пережить таинственное, тебе придется войти в другую дверь, из совершенно другого измерения. Измерение ума есть измерение науки, измерение медитации есть измерение чудесного, таинственного.

Медитация делает все неопределенным. Медитация приводит тебя в неизвестное, не обозначенное на картах. Медитация мало-помалу приводит тебя к некому растворению, когда наблюдатель и наблюдаемое становятся единым. Это невозможно в науке. Наблюдатель должен быть наблюдателем, наблюдаемое должно быть наблюдаемым, и это четкое разграниче-

ние необходимо постоянно поддерживать. Ни на мгновение ты не должен забывать себя; ни на мгновение ты не должен становиться заинтересованным, растворенным, ошеломленным, страстным, любящим в отношении объекта своего наблюдения. Ты должен быть отрешенным, ты должен быть очень холодным – холодным, абсолютно равнодушным. А равнодушие убивает тайну.

Если ты действительно хочешь пережить таинственное, тебе придется открыть в своем существе новые двери. Я не говорю, что ты должен перестать быть ученым, я просто говорю, что наука может остаться твоей периферийной деятельностью. Находясь в лаборатории, будь ученым, но выйдя из лаборатории, забудь все о науке. Тогда слушай птиц – и не с научной точки зрения! Смотри на цветы – и не с научной точки зрения, потому что, смотря на розу глазами ученого, ты видишь совершенно другие вещи. Это не та же самая роза, которую переживает поэт.

Переживание не зависит от объекта, переживание зависит от переживающего, от качества переживания.

Глядя на цветок, стань цветком; танцуй вокруг цветка, пой песню. Дует прохладный и свежий ветерок, греет солнце, и цветок распустился во всей красе. Цветок танцует на ветру, наслаждается, поет песню: «Аллелуйя!» Соучаствуй в нем! Отбрось равнодушие, объективность, отрешенность. Отбрось все свои научные мировоззрения. Стань немного более текучим, немного более растай, слейся. Позволь цветку поговорить со своим сердцем, позволь цветку войти в свое существо. Пригласи его в гости! И тогда ты испытаешь некоторый вкус тайны.

Это первый шаг к таинственному, а вот последний шаг: если ты можешь стать соучастником на мгновение, ты нашел ключ, узнал секрет. Теперь соучаствуй во всем, что делаешь. Когда идешь, не иди механически, не продолжай это наблюдать – будь этим. Когда танцуешь, не делай этого технически; техника не имеет отношения к делу. Ты можешь танцевать технически правильно, но упускать всю радость танца. Раствори себя в танце, стань танцем, забудь о танцующем.

Когда такое глубокое единство начинает случаться во многих, многих фазах твоей жизни, когда ты начинаешь переживать этот великий опыт исчезновения, без-эго-вости, ничто... когда цветок есть, а тебя нет, когда радуга есть, а тебя нет... когда облака плывут по небу – и внутри тебя, и снаружи, а тебя нет... когда царит полное молчание, насколько это касается тебя – когда внутри тебя никого нет, просто чистое молчание, девственное молчание, незамутненное, не тревожимое ни логикой, ни мыслью, ни эмоцией, ни чувством – вот мгновение медитации. Ум ушел, а когда ум уходит, входит тайна.

Путь доверия

Доверие есть вершина разума. Почему люди не доверяют? – потому что они не доверяют своему разуму. Они боятся, боятся, что их обманут. Они боятся; вот почему они сомневаются. Сомнение исходит из страха. Сомнение – это своего рода неуверенность в нашем собственном разуме. Ты не настолько уверен, чтобы доверять, чтобы идти в доверие. Для доверия требуются разум, храбрость, цельность. Чтобы идти в доверие, нужно великое сердце. Если у тебя недостаточно разума, ты защищаешь себя сомнением.

Если у тебя есть разум, ты готов идти в неизвестное, потому что знаешь, что даже если весь известный мир исчезнет, и ты останешься в неизвестном, то сможешь там обосноваться. Ты сможешь найти дом там, в неизвестном. Ты доверяешь своему разуму. Сомнение всегда на страже своих границ; разум же всегда остается открытым, потому что разум знает: «Что бы ни случилось, я смогу принять вызов, я смогу адекватно ответить». Посредственный ум не имеет такого доверия к себе. Знание посредственно.

Быть в состоянии не-знания есть разум, осознанность – и ничто не скапливается. В каждое мгновение случившееся исчезает, не оставляя за собой никакого следа, никакого экзистенциального следа. Человек выходит из случившегося снова чистым, снова невинным, снова подобным ребенку.

Не пытайся понять жизнь. Живи ее! Не пытайся понять любовь. Двигайся в любовь. Тогда ты узнаешь – и это знание придет из опыта. Это знание никогда не разрушит тайны: чем больше ты узнаешь, тем более знаешь, сколь многое остается непознанным.

Жизнь – это не проблема. Смотреть на нее как на проблему – значит предпринять ошибочный шаг. Это тайна, которую можно лишь проживать, любить, испытывать.

Фактически, ум, который всегда гонится за объяснениями, – это испуганный ум. Из-за этого великого страха он хочет все объяснить. Он не может пойти во что-то, прежде чем все ясно. Получив объяснение, он чувствует, что теперь территория знакома; теперь он знает географию, теперь он может вооружиться картой, путеводителем и расписанием. Он никогда не готов двигаться в незнакомую территорию, неописанную, без карты, без путеводителя. Но такова жизнь: не может быть никакой карты, потому что жизнь постоянно меняется. Каждое мгновение – это сейчас. Нет ничего старого под солнцем, я говорю тебе – все ново. Это безмерный динамизм, абсолютное движение. Лишь перемены постоянны, лишь перемены никогда не меняются.

Все остальное постоянно меняется, поэтому ты не можешь создать карты; к тому времени, как карта готова, она уже устарела. К тому времени, как карта в твоём распоряжении, она уже бесполезна; жизнь изменила свои тропы. Жизнь стала играть в новую игру. Ты не можешь справиться с жизнью, руководствуясь картой, ты не можешь навести справки о жизни в путеводителе, потому что путеводители возможны, лишь если все замерло. Жизнь не замирает, это динамизм, процесс. Ты не можешь составить ее карту. Она неизмерима, это неизмеримая тайна. Не проси объяснений.

И это я называю зрелостью ума: когда кто-то приходит к тому, чтобы смотреть на жизнь без вопросов, и просто ныряет в нее, с храбростью и бесстрашием.

Весь мир полон ложно-религиозных людей – церкви, храмы, гурудвары, мечети полны религиозных людей. Разве вы не видите, что мир абсолютно не религиозен? Столько религиозных людей, а мир абсолютно не религиозен – как происходит это чудо? Каждый религиозен, а все в целом – нет. Эта религия ложна. Люди «тренируются» в доверии. Доверие стало для них верованием, не опытом. Их научили верить, их научили знать – вот где человечество промахнулось.

Никогда не верь. Если не можешь доверять, сомневайся, потому что в сомнении заложена возможность того, что однажды возникнет доверие. Ты не можешь вечно жить в сомнении. Сомнение – это болезнь; это недуг. В сомнении ты никогда не почувствуешь себя состоявшимся; в сомнении ты всегда дрожишь, в сомнении ты всегда остаешься в тоске, разделенный и нерешительный. В сомнении ты в постоянном кошмарном сне. Поэтому, в тот или другой день, ты начнешь искать, как выйти за его пределы. Поэтому я говорю, что лучше быть атеистом, чем теистом, ложным теистом.

Тебя научили верить – с самого детства ум каждого был обусловлен верить: верь в Бога, верь в душу, верь в это, верь в то. Теперь это верование вошло тебе в плоть и кровь, но оно

по-прежнему остается верованием – ты не узнал. А пока ты не узнаешь, ты не можешь быть освобожден. Знание освобождает, только знание освобождает. Все верования заимствованы; их тебе дали; они не расцвели в тебе, как цветы. Как заимствованная вещь может вести к реальному, к абсолютно реальному? Отбрось все то, что взял у других. Лучше быть нищим, чем богатым – богатым не заработанным, но украденным; богатым заимствованным, богатым традицией, богатым наследством. Нет, лучше быть нищим, но быть при своем. В этой бедности есть богатство, потому что она правдива, а твое богатство верований очень убого. Эти верования никогда не могут быть очень глубокими; они не идут дальше, самое большее, глубины кожи. Стоит ее лишь немного оцарапать, и на поверхность выйдет недоверие.

Ты веришь в Бога; твой бизнес идет плохо, и внезапно возникает недоверие. Ты говоришь: «Я не верю, я не могу верить в Бога». Ты веришь в Бога, и умирает твой любимый, и всплывает недоверие. Ты веришь в Бога, и только из-за смерти любимого эта вера разрушена? Она немногого стоит. Доверие никогда не может быть разрушено – если оно есть, ничто не может его разрушить. Ничто, абсолютно ничто не может его разрушить.

Поэтому помни: есть огромная разница между доверием и верованием. Доверие лично; верование общественно. До доверия ты должен дорасти; в веровании ты можешь оставаться, кем бы ты ни был, верование может быть навязано любому. Отбрось верования. Будет страшно – потому что, если ты отбрасываешь верования, возникает сомнение. Каждое верование – это изгнание сомнения, подавление сомнения. Не беспокойся об этом; пусть придет сомнение. Каждый должен пройти через темную ночь, прежде чем достичь рассвета. Каждый должен пройти через сомнение. Долго путешествие, темна ночь. Но когда после долгого путешествия и темной ночи брезжит утро, ты знаешь, что игра стоила свеч. Доверие не может быть «внушенным» – никогда не пытайся его себе внушить; это делало все человечество. Насажденное извне доверие становится верованием. Найди доверие в себе, не бери его снаружи. Иди глубже в свое существо, к самому источнику своего существа, и обнаружь его.

Для исследования понадобится доверие, потому что ты отправляешься в неизвестное. Для этого потребуются огромное доверие и храбрость, потому что ты уходишь от традиционного и устоявшегося; ты уходишь от толпы. Ты выходишь в открытое море и не знаешь, существует ли другой берег.

Я не могу отправить тебя в такое исследование, не вооружив доверием. Это выглядит противоречиво, но что я могу сделать? – такова жизнь. Только человек великого доверия способен к великому сомнению, к великому поиску.

Человек небольшого доверия способен лишь к небольшому сомнению. Человек, лишенный доверия, может только притворяться, что сомневается. Он не может исследовать глубоко. Глубина приходит в доверии – это риск.

Прежде чем отправить тебя в не обозначенное на картах море, я должен подготовить тебя к этому великому путешествию, в которое тебе предстоит отправиться одному – но я могу подвести тебя к лодке. Сначала ты должен узнать красоту доверия, экстаз пути сердца – чтобы, когда ты отплывешь в открытый океан реальности, тебе хватило храбрости продолжать путь. Что бы ни случилось, ты должен достаточно доверять себе.

Просто пойми: как ты можешь доверять кому-то или чему-то другому, если не доверяешь себе? Это невозможно. Если ты сомневаешься в себе, как ты можешь доверять? Именно тебе предстоит доверять, а ты не доверяешь даже себе – как ты можешь доверять своему доверию? Абсолютно необходимо, чтобы сердце было открыто, прежде чем интеллект трансформируется в разум. В этом разница между интеллектом и разумом.

Разум – это интеллект, сонастроенный с твоим сердцем.

Сердце умеет доверять.

Интеллект умеет искать и исследовать.

Есть старая восточная история.

Двое нищих жили на краю деревни. Один был слепой, у другого не было ног. Однажды в роще, где они жили, случился пожар. Они, конечно, соперничали – конкуренты в одной и той же профессии, просящие милостыню у одних и тех же людей, – и постоянно злились друг на друга. Они были врагами, не друзьями.

Люди одной профессии не могут быть друзьями. Это трудно, потому что возникает соревнование, клиенты – ты всегда уводишь чужого клиента. Нищие помечают своих клиентов: «Запомни, этот мой; не беспокой его». Ты не знаешь, какому нищему принадлежишь, какой нищий тебя застолбил, но какой-то нищий на улице знает. Может быть, он сражался, выиграл битву, и теперь ты в его владении...

Я часто видел возле университета одного нищего; однажды я встретил его на рынке. Он постоянно вертелся возле университета, потому что молодые люди более щедры; с возрастом люди становятся прижимистее, потому что боятся. Смерть подходит ближе, и теперь помочь могут только деньги. К тому же, если у них есть деньги, им могут помогать другие; если у них нет денег, даже их собственные сыновья и дочери не будут о них беспокоиться. Но молодые люди могут быть мотами. Они молоды; они могут заработать еще; у них впереди жизнь, долгая жизнь.

Благодаря университетским студентам он был богатым нищим... В Индии студент попадает в университет, только если происходит из богатой семьи; иначе ему приходится бороться. Некоторым бедным людям это удастся, но болезненно и с большим трудом. Я тоже происходил из бедной семьи. Целыми ночами я работал, редактировал газету, а днем ходил в университет. Годами мне приходилось спать не дольше трех или четырех часов – когда только выдавалось время, днем или ночью.

Этот нищий был очень сильный. Никакой другой нищий не мог ступить на университетскую улицу, всякий доступ был закрыт. Все знали, кому принадлежит университет, – этому нищему! Однажды на его месте я увидел молодого человека; старика больше не было. Я сказал:

– Что случилось? Где старик?

– Это мой тесть. Он подарил мне университет.

Университет и не подозревал, что у него переменялся владелец, что теперь он принадлежит кому-то другому. Молодой человек сказал:

– Я женился на его дочери.

В Индии приданое дается, когда кто-то женится на чьей-то дочери. Ты не просто женишься на дочери: тесть должен тебе дать, – если он очень богат, – машину или дом. Если он не очень богат, он дает хотя бы мотороллер; если даже не мотороллер, то велосипед, но что-то он должен дать – радиоприемник, телевизор – и немного денег. Если он действительно богат, он даст тебе возможность поехать за границу учиться, стать образованным человеком, врачом, инженером – и оплатит это.

Когда вышла замуж дочь этого нищего, ее муж получил в приданое целый университет. Он сказал:

– С этого дня университет и прилегающая улица принадлежат мне. Тесть показал мне моих клиентов.

Я встретил этого старика на рынке и сказал ему:

– Ты хорошо сделал, отдав университет в приданое.

– Да, – сказал он. – У меня была только одна дочь, и я хотел что-то сделать для своего зятя. Я дал ему лучшее место, чтобы просить милостыню. Теперь я снова здесь, пытаюсь восстановить свою монополию на этом рынке. Мне приходится трудно, потому что здесь нищих много, старших, уже застолбивших клиентов. Но все будет в порядке. Я справлюсь; некоторых я отсюда выгоню.

И он, без сомнений, так и сделал.

И вот, когда лес загорелся, двое нищих на мгновение задумались. Безногий не мог выбраться из лесу, пересечь лес было невозможно – а пожар охватил весь лес. Он мог кое-как передвигаться, но это не могло его спасти. Нужен был выход, и очень скоро. Слепой тоже убедился, что не сможет выбраться. Он не знал, с какой стороны огонь, с какой стороны дорога, где горят деревья, а где не горят. Слепой... он бы заблудился. Но оба они были разумными людьми; они отбросили свою вражду, стали друзьями и спаслись.

Это восточная притча. Она об интеллекте и сердце. Она не имеет ничего общего с нищими, она о тебе. Она не имеет никакого отношения к лесному пожару, она относится к тебе – потому что ты горишь. Каждое мгновение ты горишь, страдаешь, в отчаянии, в тоске. Сам по себе твой интеллект слеп. У него есть ноги, он умеет быстро бегать, перемещаться, но, слепой, не может выбрать правильное направление. И он обречен постоянно спотыкаться, падать, причинять самому себе боль и чувствовать, что жизнь бессмысленна. Именно это говорят интеллектуалы всего мира: «Жизнь бессмысленна».

Причина, по которой жизнь кажется им бессмысленной, в том, что слепой интеллект пытается увидеть свет. Это невозможно.

Внутри у тебя есть сердце, которое видит, которое чувствует, но у которого нет ног; оно не умеет бегать. Оно остается там, где и было, оно бьется, ждет... однажды интеллект поймет и сможет использовать глаза сердца.

Когда я употребляю слово «доверие», я подразумеваю глаза твоего сердца.

Когда я употребляю слово «сомнение», я подразумеваю ноги твоего интеллекта.

Вместе они выберутся из огня; нет никаких проблем. Но помни: интеллект должен посадить сердце себе на плечи и понести. Должен. У сердца нет ног, лишь только глаза, и интеллект должен прислушиваться к сердцу и следовать его указаниям.

В руках сердца интеллект становится разумным. Это трансформация, тотальная трансформация энергии. Тогда человек становится не интеллектуалом, он просто становится мудрым.

Мудрость рождается из встречи сердца и интеллекта. И если ты научился этому искусству синхронизации биения сердца и работы интеллекта, в твоих руках – весь секрет, главный ключ, который отопрет и раскроет все тайны.

Путь невинности

На самом деле, суть не в храбрости, суть в том, чтобы знать, что известное мертво, неизвестное живо. Цепляться за известное значит цепляться за труп. Не нужно храбрости, чтобы перестать цепляться; фактически, храбрость нужна, чтобы продолжать цепляться за труп. Ты просто должен увидеть... То, что тебе знакомо, что ты уже прожил, – что оно дало? Чего ты достиг? По-прежнему ли ты пуст? Нет ли ощущения огромной неудовлетворенности, глубокого разочарования, бессмысленности? Кое-как ты продолжаешь справляться, скрывать истину и создавать ложь, чтобы оставаться увлеченным, занятым.

Вот в чем вопрос: увидеть ясно, что все, что ты знаешь, принадлежит прошлому, что это уже прошло. Это часть кладбища. Хочешь ли ты быть в могиле, хочешь ли быть живым? И это вопрос не только на сегодня; этот вопрос будет завтра, послезавтра. Этот вопрос останется с тобой до самого последнего вздоха.

Все, что ты знаешь и накапливаешь: информация, знание, опыт, – в то мгновение, когда ты что-то исследовал, покончи с этим. Теперь носить этот мертвый груз пустых слов – значит раздавить свою жизнь, обременить свою жизнь, помешать самому себе войти в живое, радостное бытие, которое ждет тебя каждое мгновение.

Человек понимания в каждое мгновение умирает для прошлого и рождается для будущего. Его настоящее – это всегда трансформация, рождение заново, воскресение. Дело совершенно не в храбрости – вот первое, что нужно понять. Дело в ясности. Суть в ясности, в том, чтобы ясно видеть, что есть что.

И во-вторых, когда дело действительно в храбрости, никто не может тебе ее дать. Это не то, что можно подарить. Это то, с чем ты родился, но чему ты просто не позволил вырасти и утвердить себя.

Невинность заключается одновременно и в ясности, и в храбрости.

Не нужно храбрости, если ты невинен. Не нужно и никакой ясности, потому что ничто не может быть более ясным, кристально ясным, чем невинность. Поэтому все дело в том, как защитить свою невинность.

Невинность – это не то, чего можно достичь. Это не то, чему можно научиться. Это не нечто подобное таланту: к живописи, музыке, поэзии, скульптуре. Она не похожа на все эти вещи. Она скорее подобна дыханию, чему-то такому, с чем ты рождаешься.

Как человек может не родиться невинным? Никто никогда не рождается иначе как невинным.

Как человек может родиться иначе как невинным? Рождение означает, что ты вошел в мир как *tabula rasa*², на тебе ничего не написано. У тебя есть только будущее, прошлого нет. В этом смысл невинности. Поэтому сначала попытайся понять весь смысл невинности.

Первое: нет прошлого, есть только будущее.

Прошлое развращает, потому что дает воспоминания, переживания, ожидания. Все это вместе делает тебя хитрым, но не ясным. Все это делает тебя коварным, но не разумным. Все это может помочь тебе преуспеть в мире, но в своем глубочайшем существе ты останешься неудачником. И весь успех мира ничего не значит в сравнении с поражением, с которым ты столкнешься, потому что в конце концов с тобой останется лишь глубочайшее существо. Все будет потеряно – твоя слава, твоя власть, твое имя начнут исчезать, как тени.

В конце концов с тобой останется лишь то, что ты принес с самого начала. Ты можешь взять из этого мира лишь то, что в него принес.

В Индии всем известно, что мир подобен залу ожидания на вокзале, это не твой дом. Ты не собираешься всегда оставаться в зале ожидания. Ничто в зале ожидания тебе не принадлежит – ни мебель, ни картины на стенах... Ты используешь их: ты видишь картины, сидишь в кресле, отдыхаешь на кровати, – но ничто тебе не принадлежит. Ты здесь лишь на несколько минут, самое большее – на несколько часов, прежде чем продолжить свой путь.

Да, то, что ты принес с собой в зал ожидания, ты заберешь, – это твое. Что ты принес в мир? Мир, несомненно, – это зал ожидания. Ожидание может длиться секунды, минуты, часы, дни, даже годы; но имеет ли значение, ждешь ты семь часов или семьдесят лет?

За семьдесят лет ты можешь забыть, что находишься в зале ожидания. Ты можешь начать думать, что ты хозяин дома, что ты его построил. Ты можешь повесить на зал ожидания табличку со своим именем.

Есть люди – я видел это, я так много путешествовал: люди пишут свои имена в вокзальных уборных. Люди выцарапывают свои имена на мебели в зале ожидания. Это кажется глупым, но то же самое делают люди в мире.

² Чистая доска. – Прим. перев.

В джайнских писаниях есть очень значительная история. В Индии верят, что если кому-то удастся стать императором всего мира, его называют *чакравартином*. Слово «чакравартин» просто значит... чакра значит «колесо». В древней Индии это было способом избежать ненужной борьбы и насилия: колесница, золотая колесница, очень ценная, запряженная сильными и красивыми лошадьми, приезжала из одного королевства в другое. Если другое королевство не сопротивлялось и впускало колесницу, это значило, что королевство приняло ее владельца как победителя. Не было необходимости сражаться.

Таким образом колесница двигалась, и везде, где люди ее останавливали, происходила война. Если колесницу нигде не останавливали, главенство ее короля было доказано без всякой войны: он становился чакравартином – тем, чье колесо объехало мир, и никто не смог его остановить. Это было желанием всех королей: стать чакравартином.

Несомненно, для этого нужно было больше власти, чем добился даже Александр Великий. Просто послать свою колесницу... за ней должна стоять огромная сила. Нужна абсолютная уверенность, что если колесница будет остановлена, за этим последует массовое насилие. Это значит, что человека уже признали сильнейшим, и если он хочет кого-то победить, помешать ему невозможно.

Но это очень символический способ, очень цивилизованный. Не нужно нападать, не нужно никого убивать; достаточно просто символического послания. Колесница отправляется в путь с флагом своего короля, и другой король чувствует, что нет смысла сопротивляться – борьба просто значила бы поражение и ненужное насилие, разрушение, – и приветствует колесницу, и в его столице ее осыпают цветами.

Это кажется гораздо более цивилизованным, чем то, что собираются сделать такие страны, как Америка и Советский Союз. Просто пошли золотую колесницу – но это значит, что ты должен быть абсолютно уверен в своей силе; и не только ты, но и все остальные. Лишь тогда этот символ может помочь. Так, каждый король желал однажды стать чакравартином.

История говорит, что один человек стал чакравартином – а это случается лишь раз во многие тысячи лет. Даже Александр Великий не стал завоевателем мира; многое осталось незавоеванным. И он умер очень молодым, ему было только тридцать три года, ему не хватило времени завоевать мир. Что говорить о завоевании, весь мир не был еще известен! Половина мира была неизвестна, и даже известная половина не была завоевана. Этот человек, о котором я собираюсь рассказать, стал чакравартином.

История говорит, что когда чакравартин умирает – потому что чакравартин случается раз в тысячи лет, это редкое существо, – когда он умирает, его принимают в раю с великой радостью и отводят ему специальное место.

В джайнской мифологии в раю есть горы, соответствующие Гималаям. Гималаи состоят просто из камней, земли и льда. Параллельные Гималаи в раю называются горой Сумеру. Сумеру означает «предельная гора»: ничто не может быть выше ее, ничто не может быть лучше ее. Она из чистого золота; вместо камней ее составляют бриллианты, рубины и изумруды.

Когда чакравартин умирает, его ведут к горе Сумеру, чтобы начертать на ней его имя. Это редкая возможность; это случается лишь раз в тысячи лет. Конечно, этот человек был очень взволнован, потому что вскоре ему предстояло надписать свое имя на горе Сумеру – внести его в этот предельный перечень всех великих, которые только когда-либо жили и будут жить. Этому императору предстояло присоединиться к сверхчеловеческой родословной.

Получив от привратника инструменты для гравировки имени, он захотел взять с собой еще несколько человек, которые покончили с собой только потому, что умирал их император, – они не могли представить себе жизнь без него. Его жена, его первый министр, его военачальник – все окружавшие его великие люди покончили с собой, чтобы его сопровождать.

Император захотел, чтобы привратник позволил им всем войти и увидеть, как он гравировал свое имя, – потому что какая радость, если ты один, и никто тебя даже не увидит? – потому что настоящая радость в том, что это должен увидеть весь мир.

Привратник сказал:

– Послушай моего совета, потому что эту профессию я унаследовал от предков. Мой отец был привратником, отец моего отца был привратником; веками мы были привратниками горы Сумеру. Послушайся моего совета: не бери их с собой, иначе ты раскаешься.

Император не мог понять, но все же не мог пойти против совета – потому что какой интерес этому человеку ему мешать? Привратник сказал:

– Если ты все-таки хочешь, чтобы они видели, сначала пойди один и начертай свое имя; затем вернись и позови их, если захочешь. Я не возражаю, даже если ты возьмешь их с собой сейчас, но если ты так решишь, шанса передумать не будет... они будут с тобой. Иди один.

Это было вполне здравым советом.

– Ладно, – сказал император. – Я пойду один, начертаю свое имя, вернусь и позову вас.

– Я совершенно согласен, – сказал привратник.

Император пошел и увидел Сумеру, сияющую в тысяче солнц, – потому что рай не может быть таким бедным, чтобы иметь только одно солнце – тысячи солнц, золотая гора выше Гималаев, а Гималаи простираются более чем на двести миль! На мгновение он не мог открыть глаз, так она сверкала. Затем он стал искать место, правильное место, но был очень озадачен: места не было; вся гора была исписана именами.

Он не мог поверить своим глазам. Впервые он осознал, кто он такой. До сих пор он считал себя сверхчеловеком, который случается лишь раз в тысячи лет. Но время существовало вечно; даже тысячи лет не имеют значения, столько чакравартинов уже случилось. На самой большой горе во вселенной не нашлось места, где он мог бы написать свое маленькое имя.

Он вернулся, и теперь он понял, что привратник был прав, когда советовал ему не брать с собой жену и приближенных. Хорошо, что они не увидели эту ситуацию. Они могли по-прежнему считать его редким существом.

Он отвел привратника в сторону и сказал:

– Но там же нет места!

– Именно это и я тебе говорил, – сказал привратник. – Ты должен стереть несколько имен и написать свое поверх. Именно так все и делают; всю жизнь я на это смотрю, и мой отец говорил, что это было и при нем. Отец моего отца... – никто из моих предков не видел Сумеру пустой, на ней никогда не было места. Когда приходил чакравартин, ему приходилось стирать несколько имен и писать свое поверх. Это не вся история чакравартинов. Много раз ее стирали и писали вновь. Просто сделай свою работу, и тогда, если хочешь показать ее своим друзьям, можешь пригласить их войти.

Император сказал:

– Нет, я не хочу, чтобы они видели, и не хочу даже писать свое имя. Какой смысл? – кто-то придет и сотрет его. Вся моя жизнь стала абсолютно бессмысленной. Это было моей единственной надеждой: Сумеру, священная гора в раю будет носить мое имя. Для этого я жил, для этого я поставил на карту всю жизнь, для этого я был готов убить весь мир. И любой человек может стереть мое имя и написать поверх свое? Какой смысл его писать? Я не буду его писать.

Привратник рассмеялся.

– Почему ты смеешься? – спросил император.

– Это странно, потому что и это я слышал от дедов и прадедов – чакравартины приходят, видят всю историю и просто разворачиваются и уходят; они не пишут своих имен. Ты не оригинален: любой, в ком есть хоть немного разума, сделал бы то же самое.

Чего ты можешь достичь в мире? Что ты можешь взять с собой? Свое имя, престиж, респектабельность? Деньги, власть – что? Ученость? Ничего. Все придется отбросить здесь. И в это мгновение ты поймешь, что все, чем ты владел, не было твоим; сама идея владения была неправильной. И именно этим владением ты был развращен.

Чтобы увеличить это владение: получить больше денег, больше власти, завоевать больше стран, – ты делал вещи, которые даже ты сам не можешь назвать правильными. Ты лгал, ты был нечестен. Ты имел тысячу лиц. Ты не был правдив ни на мгновение ни с кем-то другим, ни с самим собой; это было невозможно. Тебе приходилось быть фальшивым, ложным, притворяться, потому что эти вещи помогают преуспеть в мире. Подлинность не поможет. Честность не поможет. Правдивость не поможет.

Без собственности, успеха, славы кто ты такой? Ты не знаешь. Ты – твоё имя, твоё слава, твой престиж, твоё власть. Но помимо всего этого, кто ты? Вся эта собственность становится твоим отождествлением. Она даёт тебе ложное чувство существования. Это это.

Это – не нечто таинственное, это простое явление. Ты не знаешь, кто ты, а жить, не зная, кто ты, невозможно. Если я не знаю, кто я, что я здесь делаю? Все, что я делаю, становится бессмысленным. Первое и самое главное – это знать, кто я такой. Может быть, тогда я могу сделать что-то, что удовлетворит мою природу, сделает меня состоявшимся, приведет меня домой.

Но если я не знаю, кто я такой, и продолжаю что-то делать, как мне удастся достичь того, к чему была предназначена моя природа, куда меня должна была привести моя природа? Я бегаю туда-сюда, но никогда не достигну точки, где смогу сказать: «Теперь я прибыл, вот место, которое я искал».

Ты не знаешь, кто ты, поэтому в виде замены нужно ложное отождествление. Твоё владения дают тебе этот ложный заменитель.

Ты пришел в мир невинным наблюдателем. Каждый приходит таким образом, с одним и тем же качеством сознания. Но ты начинаешь идти на сделки со взрослым миром. Они могут дать тебе многое; у тебя есть лишь одно, и это твоё цельность, твоё самоуважение. У тебя мало что есть, только одно – можешь назвать это как угодно: невинность, разум, подлинность. У тебя есть только одно.

И ребенку, естественно, очень интересно все, что он видит вокруг. Ему постоянно хочется то одного, то другого; это часть человеческой природы. Если ты посмотришь на маленького ребенка, новорожденного ребенка, то увидишь, что он начал что-то нащупывать: его руки пытаются что-то найти. Он начал путешествие.

В этом путешествии он потеряет себя, потому что в этом мире ты ничего не можешь получить, не заплатив за это. И бедный ребенок не может понять, что отдаваемое им так ценно, что если положить весь мир на одну чашу весов, а его цельность – на другую, его цельность будет иметь больший вес, большую ценность. У ребенка нет никакого способа это узнать. В этом проблема, потому что то, что у него есть, просто есть. Он принимает это как должное.

Позвольте мне рассказать вам историю, которая это прояснит.

Один богатый человек, очень богатый, в конце концов очень разочаровался – это естественный результат любого успеха. Ничто так не тщетно, как успех. Успех важен, только если ты неудачник. Однажды добившись успеха, ты узнаешь, что был обманут миром, людьми, обществом. У этого человека было все возможное богатство, но не было покоя ума. Он стал искать покоя ума.

Именно это происходит в Америке. В Америке больше людей ищет покоя ума, чем в какой-либо другой стране. В Индии я никогда не встречал человека, который искал бы покоя ума. Сначала нужно позаботиться о покое желудка – покой ума слишком далеко. Ум отстоит от желудка на миллионы миль.

Но в Америке каждый ищет покоя ума, и, конечно, когда ты его ищешь, найдутся люди, которые тебе его предложат. Это простой закон экономики: там, где есть спрос, возникнут и предложения. Неважно, действительно ли тебе нужно то, чего ты просишь. Никто не беспокоится и о том, что даст тебе его предложение: ложная ли это реклама, пропаганда, или в этом есть нечто существенное.

Зная этот простой принцип: спрос рождает предложение, – коварные и хитрые люди сделали шаг вперед. Теперь они говорят:

– Не нужно ждать, пока появится спрос, создай спрос сам.

И в этом все искусство рекламы: создать спрос.

Прежде чем ты прочитал рекламу, у тебя не было никакого спроса, ты никогда не чувствовал, что это твоя потребность. Но, прочитав рекламу, внезапно ты чувствуешь:

– Боже мой, мне этого не доставало. Какой же я дурак, что никогда не подозревал, что такая вещь существует.

Прежде чем начать что-то производить, выпускать, за несколько лет до этого – за три, четыре года – производитель начинает рекламную кампанию. Продукта еще нет на рынке, потому что сначала спрос должен достичь умов людей. А как только есть спрос – к тому времени продукт будет готов.

Бернард Шоу говорит, что когда он был новичком и выпустил первую книгу, конечно, на нее не было спроса – никто даже не слышал о Бернарде Шоу. Как ты можешь сказать: «Я хочу книгу Бернарда Шоу, его драму»? Поэтому целый день он занимался тем, что... Он опубликовал книгу – он сам был ее издателем, он собрал деньги – и стал ходить из одного книжного магазина в другой, спрашивая:

– У вас есть книга Джорджа Бернарда Шоу?

– Джорджа Бернарда Шоу? Мы никогда не слышали этого имени, – говорили ему.

– Странно: такой великий человек, и вы никогда не слышали о нем, а еще содержите книжный магазин! Вы что, отстали от жизни? Первое, что вы должны были бы сделать, – это заказать книгу Джорджа Бернарда Шоу.

Он опубликовал только одну книгу, но стал рекламировать несколько книг, потому что, если уж этим заниматься, то только оптом. Одна книга не делает человека великим писателем.

Он приходил в разных нарядах – иногда в шляпе, иногда в очках. Люди стали приходить к Джорджу Бернарду Шоу домой. И ему пришлось делать все самому – рекламу, поставку; именно так он продал свою первую книгу. Он спрашивал людей на улице:

– Вы не слышали... потому что я столько слышу об определенной книге, написанной каким-то Бернардом Шоу. Люди говорят, это великая, потрясающая книга. Вы не слышали?

– Нет, мы никогда не слышали этого имени, – говорили ему.

– Странно, – говорил он, – а я считал Лондон культурным городом.

И он ходил в библиотеки, клубы, в каждое возможное место, где была возможность создать спрос, и он его создал. Он продал книгу, и в конце концов – он делал это постоянно – в конце концов стал одним из величайших писателей своего века. Он создал спрос.

Но если ты добиваешься успеха, никому не нужно создавать спрос на покой ума. Добиваясь успеха, в пути ты теряешь покой ума. Это естественный порядок вещей. Успех отнимает у твоего ума весь покой. Он просто высасывает все, что было значительного в жизни: покой, молчание, радость, любовь. Он продолжает отнимать у тебя все. В конце концов твои руки полны мусора, а все, что было ценного, потеряно. И внезапно ты осознаешь, что необходим покой ума.

Немедленно появляются поставщики, которые ничего не знают об уме, которые ничего не знают о покое. Я читал книгу, которая называется «Покой ума», написанную еврейским раввином, Джошуа Либманом. Я прочитал всю книгу; этот человек ничего не знает ни о покое, ни об уме. Это бизнесмен. Он проделал хорошую работу, ничего не зная ни об уме, ни о покое.

Его книга стала одним из мировых бестселлеров, потому что каждый, кто хочет покоя ума, рано или поздно обязательно найдет книгу Джошуа Либмана. И он написал ее очень красиво. Он хороший писатель, очень выразительный, впечатляющий; она на тебя повлияет. Но покой ума останется так же далеко, что и раньше, или, может быть, даже дальше после прочтения этой книги.

Фактически, если человек знает, что такое покой и что такое ум, он не может назвать книгу «Покоем ума», потому что ум является причиной всего беспокойства, всего отсутствия покоя. Покой есть, когда ума нет. Поэтому никакого товара, подобного «покою ума», не существует.

Если есть ум, покоя нет. Если есть покой, нет ума. Но написать книгу «Покой не-ума»... никто ее не купит. Я думал об этом... но я решил, что никто не купит «Покой не-ума». Для людей это будет бессмыслицей, но именно в этом состоит истина.

Ребенок не осознает, что он принес с собой. Этот богатый человек был в таком же положении. У него были все богатства мира, и теперь он искал покоя ума. Он ходил от одного мудреца к другому, и все они давали ему великие советы, но советы никогда никому не помогают.

Фактически, только дураки дают советы, и только дураки их принимают. Мудрые люди очень неохотно дают советы, потому что мудрый человек знает, что единственное, что в мире дается бесплатно, – это совет, и единственное, что никто не берет, – это совет. Зачем напрасно беспокоиться?

Мудрый человек сначала готовит тебя к тому, чтобы принять совет. Он не просто дает совет; ты должен быть к нему готов. Годы могут потребоваться, чтобы подготовить почву, и лишь тогда можно посеять семена. Только дурак будет разбрасывать семена на камни и скалы, не беспокоясь о том, что растрчивает их впустую.

Все эти мудрецы давали ему советы, но ничто не помогало. В конце концов человек, которого он ни о чем не спрашивал и который ни в каком смысле не был известным человеком – напротив, он считался деревенским идиотом, – однажды остановил его на дороге и сказал:

– Ты напрасно тратишь время: никто из этих людей не мудрец. Я их прекрасно знаю, но, так как я идиот, мне никто не верит. Может быть, не поверишь и ты, но я знаю одного мудреца. Просто глядя, как ты постоянно изводишь себя этим покоем ума, я подумал, что лучше показать тебе правильного человека. Я идиот; никто не спрашивает у меня совета, и я никогда не даю никому советов. Но это было слишком: видя, как ты печален и несчастен, я нарушил молчание. Пойди к такому-то человеку в соседней деревне.

Богатый человек тут же отправился в путь с большим свертком драгоценных бриллиантов, на красивой лошади. Он прибыл в деревню и увидел человека – этот человек был известен среди суфиев как Мулла Насреддин. Он спросил Муллу:

– Не можешь ли ты мне помочь достичь покоя ума?

– Помочь? Я могу тебе его дать.

«Странно, – подумал богатый человек. – Сначала идиот предложил... и в отчаянии я подумал, что это не повредит, поэтому я пришел сюда. Этот человек кажется еще большим идиотом: он говорит, что может мне его дать».

– Ты можешь мне его дать? – сказал он вслух. – Я был у всех возможных мудрецов; все они давали советы – сделай это, сделай то, дисциплинируй себя, совершай акты благотворительности, помогай бедным, открывай больницы и так далее. Они говорили все эти вещи, и я действительно делал все эти вещи; ничто не помогает. Фактически, возникает больше и больше проблем. А ты говоришь, что можешь дать мне покой?

– Это так просто, – сказал Мулла. – Спустись с лошади.

И богатый человек слез с лошади. В руках он держал свой сверток, и Мулла спросил:

– Что это ты держишь так близко к сердцу?

– Это драгоценные бриллианты, – ответил он. – Если ты сможешь дать мне покой, я отдам тебе этот сверток.

Но прежде чем он смог сообразить, что произошло, Мулла выхватил сверток и пустился бежать!

Богатый человек на мгновение пришел в шок; он не мог сообразить, что ему делать. Затем он бросился в погоню. Но Мулла в своем городе знал каждый камень, и он бежал быстрее. Богатый человек никогда в жизни не бегал, он был такой толстый... Он плакал, задыхался и пыхтел, слезы катились по его лицу:

– Меня провели, как дурака! Этот человек отнял весь труд моей жизни, все мои сбережения; я остался ни с чем.

Собралась толпа, все стали смеяться. Он сказал:

– Вы что, идиоты? Это что, город идиотов? Вся моя жизнь разбита, а вместо того, чтобы поймать вора, вы смеетесь.

– Этот человек не вор, он великий мудрец, – сказали они.

– Этот деревенский идиот довел меня до беды! – сказал он.

Но из последних сил, задыхаясь, весь в поту, он следовал за Муллой. Мулла вернулся на прежнее место, где по-прежнему стояла лошадь богача. Он сел под тем же самым деревом со свертком в руках. К нему, плача и рыдая, подбежал богатый человек. Мулла сказал:

– Вот твой сверток.

Богатый человек взял сверток и прижал его к сердцу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Мулла. – Ощущается ли покой ума?

– Да, мне очень спокойно, – ответил богатый человек. – Ты странный человек, и у тебя странные методы.

– Никаких странных методов – простая математика. Все, что у тебя есть, ты начинаешь принимать как должное. Нужно просто дать тебе возможность это потерять; тотчас же ты осознаешь, что потерял. Ты не получил ничего нового; ты пришел с тем же свертком и без всякого покоя ума. Теперь тот же самый сверток ты прижимаешь к сердцу, и всем очевидно, каким спокойным ты выглядишь, сущий мудрец! Просто иди домой, не беспокоя больше людей.

У ребенка такая же проблема: он приходит с невинностью и готов променять ее на что угодно. Он готов взять любой мусор и отдать за него свою храбрость. Он готов купить игрушки – а что еще есть в мире, кроме игрушек? – и лишиться своей ясности. Лишь когда все эти игрушки окажутся в его собственности, он поймет, что они не приносят ему никакой радости, что он не видит никакого достижения, исполненности. Тогда он осознает, что потерял, – и потерял сам.

В лучшем мире каждая семья будет учиться у детей. Вы так торопитесь их учить. Кажется, никто не учится у них, а они могли бы научить многому. Вам же их научить нечему.

Только потому, что ты старше и у тебя больше власти, ты начинаешь заставлять их быть в точности похожими на себя, нисколько не задумываясь о том, кто такой ты сам, чего ты достиг, каково твое положение во внутреннем мире. Ты нищий; желаешь ли ты того же и своему ребенку?

Но никто не думает; иначе люди учились бы у маленьких детей. Дети столько приносят из другого мира, потому что они только что прибыли. Они все еще несут в себе молчание утробы, молчание существования.

Всегда помни: доверяй неизвестному. Известное есть ум. Неизвестное не может быть умом. Оно может быть чем угодно, только не умом. Об уме определенно можно сказать одно: ум – это накопленное известное. Поэтому, например, если ты видишь на дороге развилку, ум говорит: «Иди в эту сторону, этот путь знаком» – это ум. Если ты слушаешь свое существо, ему хочется идти в незнакомое, неизвестное. Существо – это всегда искатель приключений.

Ум очень ортодоксален, очень консервативен. Он хочет вновь и вновь двигаться по одному и тому же маршруту, по проторенному пути – по пути наименьшего сопротивления.

Поэтому всегда слушай неизвестное. И наберись храбрости двигаться в неизвестное.

Чтобы вырасти в свое предназначение, требуется великая храбрость, требуется бесстрашие. Люди, полные страха, не могут двигаться за пределы известного. Известное дает своего рода комфорт, безопасность, защищенность, потому что оно известно. Человек прекрасно знает, как с этим обращаться. Он может почти что спать и продолжать это делать – просыпаться не обязательно; это знакомство с известным.

В то мгновение, когда ты пересекаешь границу известного, возникает страх, потому что теперь ты будешь невежественным, теперь ты не будешь знать, что делать, чего не делать. Теперь ты не будешь так уверен в себе, теперь ты будешь совершать ошибки; ты собьешься с пути. Именно этот страх удерживает людей привязанными к известному, а если человек привязан к известному, он мертв.

Жизнь можно прожить только опасно – нет другого способа ее прожить. Только в опасности жизнь обретает зрелость, рост. Человек должен быть искателем приключений, готовым рискнуть известным ради неизвестного. И, раз испытал радость свободы и бесстрашие, человек никогда не раскаивается, потому что тогда он знает, что значит жить по оптимуму. Он знает, что значит зажечь факел своей жизни одновременно с двух концов. Одно мгновение этой интенсивности приносит больше удовлетворения, чем целая вечность жизни в посредственности.

Когда новое стучится в двери... Открой!

Новое не возникает из тебя, оно приходит из запредельного. Это не часть тебя. Все твоё прошлое поставлено на карту. Новое не продолжает тебя, отсюда страх. Ты жил и думал по определенному образцу, своими верованиями ты сделал жизнь комфортабельной. Теперь в двери стучится нечто новое. Теперь оно нарушит твой прошлый образец. Позволив новому войти, ты никогда больше не будешь прежним, новое тебя преобразит.

Это рискованно. Человек никогда не знает, куда приведет его новое. Старое известно, знакомо; ты жил с ним так долго, ты с ним знаком. Новое незнакомо. Оно может быть другом, может быть врагом, кто знает? Узнать никак нельзя! Единственный способ узнать – это позволить ему случиться; отсюда мрачные предчувствия, страх.

Не можешь ты и отвергнуть его, потому что старое так и не дало тебе того, что ты искал. Старое обещало, но не исполнило обещаний. Старое знакомо, но несчастно. Новое, может быть, будет неудобным, но в нем есть возможность – оно может принести блаженство. Поэтому ты не можешь ни отвергнуть его, ни принять; поэтому ты колеблешься, дрожишь, и великая боль возникает в твоём существе. Это естественно, это совершенно нормально. Так было всегда, так будет всегда.

Попытайся понять, как появляется новое. Каждый в мире хочет стать новым, потому что никто никогда не удовлетворен старым. Никто никогда не удовлетворен старым, так как, что бы то ни было, ты это уже узнал. Однажды познанное, это начинает повторяться; однажды познанное, это становится скучным, монотонным. Тебе хочется от него избавиться. Тебе хочется исследовать, тебе хочется приключений. Ты хочешь стать новым, и все же, когда новое стучится в двери, ты отступаешь, отскакиваешь, прячешься за старым. Это дилемма.

Как нам стать новыми? – каждый хочет стать новым. Нужна храбрость, и не простая храбрость; нужна незаурядная храбрость. Мир полон трусов, поэтому люди перестали расти. Как ты можешь расти, оставаясь трусом? От каждой возможности ты отскакиваешь, закрываешь глаза. Как ты можешь расти? Как ты можешь быть? Ты только притворяешься, что есть.

И, поскольку ты не можешь расти, ты находишь заменители росту. Ты не можешь расти, но растет твой счет в банке, – это заменитель. Для этого не нужно храбрости, это в полной гармонии с твоей трусостью. Растет твой счет в банке, а ты начинаешь думать, что растешь сам. Ты становишься более респектабельным. Растут твоё имя и слава, а ты думаешь, что растешь сам? Ты просто обманываешь себя. Твоя слава – это не ты, твоё имя – это не ты. Твой счет в банке – не твоё существо. Но если ты думаешь о существе, это приводит тебя в дрожь, потому что, если хочешь расти, тебе придется отбросить трусость.

Как нам стать новыми? Мы не становимся новыми из самих себя. Новизна приходит из запредельного, это весточка от Бога. Новизна приходит от существования. Ум всегда стар. Скопление прошлого, ум никогда не нов. Новизна приходит из запредельного; это дар Бога. Она происходит из запредельного и принадлежит запредельному.

Неизвестное и непознаваемое, запредельное имеет к тебе доступ. Оно имеет в тебя пропуск, потому что ты никогда не запечатан и не отделен; ты не остров. Может быть, ты забыл запредельное, но запредельное не забыло тебя. Может быть, ребенок забыл мать, но мать не забыла ребенка. Часть может начать думать: «Я отдельна», но целое знает, что она не отдельна. Целому открыт вход в тебя. Оно по-прежнему связано с тобой. Именно поэтому продолжает приходить новое, хотя ты и не приветствуешь его. Оно приходит каждое утро, оно приходит

каждый вечер. Оно приходит тысячью и одним путем. Если у тебя есть глаза, чтобы его увидеть, ты увидишь, что оно постоянно к тебе приходит.

Существование постоянно изливается на тебя, но ты закрыт в своей части. Ты почти что в своего рода могиле. Ты стал нечувствительным. Из-за своей трусости ты потерял чувствительность. Чувствительность означает ощущение нового – трепет нового, страсть к новому, – возникают приключения, и ты движешься в неизвестное, не зная, куда идешь.

Ум думает, что это безумно. Ум думает, что нерационально покидать старое. Но Бог всегда нов. Именно поэтому нельзя говорить о Боге в прошедшем или будущем времени. Нельзя сказать: «Бог был», нельзя сказать: «Бог будет». Сказать можно только в настоящем: «Бог есть». Он всегда нов, девствен. И он имеет к тебе доступ.

Помни: все новое, приходящее в твою жизнь, есть послание Бога. Если ты принимаешь его, ты религиозен. Если ты отвергаешь его, ты не религиозен. Нужно лишь немного расслабиться, чтобы принять новое; немного раскрыться, чтобы впустить новое. Уступи дорогу входящему в тебя Богу.

В этом весь смысл молитвы или медитации – ты раскрываешься, ты говоришь «Да», ты говоришь: «Входи!» Ты говоришь: «Я так долго ждал, я так благодарен, что ты пришел». Всегда принимай новое с великой радостью. Даже если иногда новое ведет тебя в неудобство, все же оно того стоит. Даже если иногда из-за него ты упадешь в яму, все же оно того стоит, потому что только на ошибках человек учится, только в трудностях человек растет. Новое принесет трудности. Именно поэтому ты выбираешь старое – оно не приносит никаких трудностей. Это утешение, это приют.

И только новое, принятое глубоко и тотально, может тебя трансформировать. Ты не можешь принести новое в свою жизнь; новое *приходит*. Ты можешь либо принять его, либо отвергнуть. Отвергая его, ты остаешься камнем, закрытым и мертвым. Принимая его, ты становишься цветком, начинаешь раскрываться... и это раскрытие и есть празднование.

Только проникновение нового может тебя трансформировать, нет другого способа трансформации. И помни, это не имеет ничего общего с тобой и твоими усилиями. Но ничего не делать – не значит прекратить действовать; это значит действовать без воли, направления или импульса из прошлого. Поиск нового не может быть обычным поиском, потому что это поиск нового – как ты можешь его искать? Ты его не знаешь, ты его никогда не встречал. Поиск нового будет просто открытым исследованием. Человек не знает. Человек должен начать с состояния не-знания, он должен идти невинно, как ребенок, трепещущий от возможностей, – и возможности безграничны.

Ты не можешь создать ничего нового, потому что, что бы ты ни сделал, это будет принадлежать старому, исходить из старого. Но это не значит, что ты должен перестать действовать. Это значит действовать без воли, направления или импульса из прошлого. Действуй без всякой воли, направления или импульса из прошлого – а это значит действовать медитативно. Действуй спонтанно. Позволь решать мгновению.

Не навязывай решение, потому что решение будет исходить из прошлого, и это разрушит новое. Просто действуй в мгновении, как ребенок. Полностью оставь себя ради мгновения – и каждый день ты будешь находить новые двери, новый свет, новое прозрение. И эти новые прозрения будут постоянно тебя менять. Однажды внезапно ты увидишь, что нов в каждое мгновение. Старое больше не сохраняется, старое больше не окружает тебя, как облако. Ты – как капля росы, свежая и молодая.

В этом смысл воскресения. Понимая это, ты будешь свободен от памяти, то есть психологической памяти. Память – это мертвая вещь. Память – это не истина и не может быть истиной, потому что истина всегда жива, истина есть жизнь; память – это продолжающееся существование того, чего уже нет. Это жизнь в мире привидений, но она содержит нас, это наша тюрьма. Фактически, это и есть мы. Память создает узел, комплекс под названием «я»,

эго. И естественно, эта ложная сущность под названием «я» постоянно боится смерти. Именно поэтому ты боишься нового.

Это «я» боится, не настоящий ты. В существе нет страха, но эго полно страха, потому что эго очень, очень боится умереть. Оно искусственно, оно произвольно, собрано из частей. Оно может развалиться в любой момент. Кое-как ему удавалось держать себя в руках, поддерживать себя в собранном состоянии, и тут приходит что-то новое – это будет потрясением. Именно поэтому ты не принимаешь новое с радостью. Эго не может с радостью принять собственную смерть – как оно может с радостью принять собственную смерть?

Ты не сможешь принимать новое, пока не поймешь, что ты не эго. Как только ты видишь, что эго представляет собой твою память о прошлом и ничего больше, что ты не память, что память похожа на биокомпьютер, что это машина, полезный механизм, но ты за его пределами... Ты – сознание, не память. Память есть нечто, содержащееся в сознании, ты же есть само сознание.

Например, ты видишь, что кто-то идет по дороге. Ты помнишь лицо, но не можешь вспомнить имя. Если бы ты был памятью, ты должен был бы вспомнить и имя. Но ты говоришь: «Я узнаю лицо, но не могу вспомнить имя». Ты начинаешь искать в памяти, погружаешься в память, смотришь с одной стороны, с другой, и вдруг имя всплывает, и ты говоришь: «Да, вот как его зовут». Память – это твои заметки. Ты – тот, кто просматривает заметки, не сама память.

Часто бывает, что ты так напрягаешься, пытаешься что-то вспомнить, что вспомнить становится трудно, потому что сама попытка, само напряжение в твоём существе не позволяет памяти выдать тебе информацию. Ты изо всех сил пытаешься вспомнить чье-то имя, но оно не приходит, хотя ты и говоришь, что оно вертится у тебя на языке. Ты знаешь, что знаешь его, но имя все не приходит.

Это странно. Если бы ты был памятью, кто бы тебе мешал, как бы оно могло не прийти? И кто бы говорил: «Я знаю, но оно не приходит?» Ты пытаешься изо всех сил, и чем больше ты пытаешься, тем труднее это становится. Наконец, устав от всего этого, ты идешь гулять в сад и внезапно, когда ты смотришь на куст роз, оно всплывает на поверхность.

Твоя память – это не ты. Ты – сознание, память – это содержание сознания. Но память – это вся жизненная энергия эго. Память, конечно, стара, и она боится нового. Новое может быть тревожащим, новое может быть неудобоваримым. Новое может принести проблемы. Тебе придется расфокусировать себя и сфокусировать снова. Тебе придется перенастроиться. Кажется, что это тяжело.

Чтобы быть новым, человек должен разотождествиться со своим эго. Как только ты разотождествляешься со своим эго, тебя больше не беспокоит, живо оно или мертво. Фактически, ты знаешь, что, живо оно или мертво, оно уже мертво. Это только механизм. Используй его, но не позволяй ему использовать себя. Эго постоянно боится смерти, потому что оно произвольно; отсюда страх. Оно не возникает из существа; оно не может возникать из существа, потому что существо есть жизнь. Как может жизнь бояться смерти? Жизнь ничего не знает о смерти. Она возникает из произвольного, искусственного, высосанного из пальца, притянутого за уши, фальшивого. И все же именно такое позволение, такое позволение, как смерть, делает человека живым. Умереть в эго значит родиться в *существо*.

Новое – это посланник Бога, новое – это послание Бога. Это евангелие! Прислушивайся к новому, иди в новое. Я знаю – ты боишься. Вопреки страху иди в новое, и твоя жизнь будет становиться богаче и богаче, и однажды ты сможешь высвободить свой скрытый аромат.

Мы продолжаем упускать многое в жизни просто из-за недостатка храбрости. Фактически, не нужно никаких усилий, чтобы достичь, – только храбрость, и все начинает приходить

к тебе, вместо того чтобы ты куда-то за чем-то шел... по крайней мере, во внутреннем мире это так.

И для меня быть блаженным есть величайшая храбрость. Быть несчастным очень трусливо. Фактически, чтобы быть несчастным, ничего не нужно. Это может любой трус, любой дурак. Каждый способен быть несчастным, но, чтобы быть блаженным, нужна великая храбрость – это подъем в гору.

Обычно мы так не думаем – мы думаем: «Что нужно, чтобы быть счастливым? Каждый хочет быть счастливым». Это абсолютно неправильно. Очень редко встречается человек, который хочет быть счастливым, вопреки тому, что все постоянно говорят. Очень редко человек готов быть счастливым – люди столько вложили в свое несчастье. Они любят быть несчастными... фактически, они счастливы в своем несчастье.

Нужно понять многие вещи, иначе будет трудно выбраться из несчастья. Вот первое: никто тебя в нем не держит, именно ты решил оставаться в тюрьме несчастья. Никто никого не держит. Человек, готовый выйти, может сделать это в любое мгновение. Никто другой не ответствен. Если человек несчастен, он за это ответствен, но несчастный человек никогда не принимает ответственности – это его способ оставаться несчастным. Он говорит: «Кто-то другой делает меня несчастным».

Если кто-то другой делает тебя несчастным, естественно, что ты можешь сделать? Если ты делаешь себя несчастным, что-то можно сделать... можно что-то сделать тотчас же. Тогда в твоих силах не быть несчастным. Поэтому люди продолжают перекладывать ответственность: иногда на жену, иногда на мужа, иногда на семью, на обусловленность, детство, мать, отца... иногда на общество, историю, судьбу, бога, – но всегда на что-то другое. Названия могут быть разными, но трюк остается прежним.

Человек действительно становится человеком, когда он принимает полную ответственность – кем бы он ни был, он за это ответствен. Это первая храбрость, величайшая храбрость. Очень трудно это принять, потому что ум постоянно говорит: «Если ты ответствен, зачем ты это делаешь?» Чтобы этого избежать, мы делаем ответственным кого-то другого: «Что я могу сделать? Я беспомощен... Я жертва! Меня толкают туда и сюда силы большие, чем я, и я ничего не могу сделать. Поэтому, самое большее, я могу поплакать о том, как я несчастен, и от этого стать еще несчастнее». Все растет – все, что ты практикуешь, растет. Тогда ты идешь глубже и глубже... погружаешься глубже и глубже.

Никто, никакая другая сила не делает этого с тобой. Это ты и только ты. В этом вся философия кармы – это твое действие; «карма» означает действие. Ты это сделал, ты можешь это переделать. И не нужно ничего ждать, не нужно ничего откладывать. Времени не нужно – ты можешь просто выпрыгнуть из этого!

Но мы привыкли. Мы чувствуем себя очень одиноко, если перестаем быть несчастными, мы теряем нашего ближайшего друга. Несчастье стало нашей тенью – оно следует за нами всюду. Когда никого нет, по крайней мере, с тобой твое несчастье – человек женат на нем. И это долгий, долгий брак; ты остаешься женатым на нем многие жизни.

Теперь пришло время с ним развестись. Это я называю великой храбростью – развестись со страданием, потерять старую привычку человеческого ума, старейшего компаньона.

Храбрость любви

Если ты глубоко любишь, страха не найти. Страх – это отрицание, отсутствие. Это нужно понять очень, очень глубоко. Если ты это упустишь, то никогда не сможешь понять природы страха. Он подобен темноте. Темноты не существует, она только кажется существующей. Фактически, это просто отсутствие света. Свет существует; удали свет – появится темнота.

Темноты не существует; удалить темноту нельзя. Делай, что хочешь, но темноты тебе не удалить. Ты не можешь ее принести, не можешь ее изгнать. Если хочешь сделать что-то с темнотой, тебе придется сделать что-то со светом, потому что ты можешь установить контакт лишь с тем, что существует. Выключи свет – и вот темнота; включи свет – и темноты нет, но ты делаешь что-то со *светом*. С темнотой ничего сделать нельзя.

Страх есть темнота. Это отсутствие любви. Ты не можешь ничего с ним сделать, и чем больше ты делаешь, тем больше в тебе будет страха, потому что тем более ты найдешь, что ничего сделать нельзя. Проблема будет становиться более и более сложной. Если ты борешься с темнотой, ты будешь побежден. Ты можешь принести меч и попытаться убить темноту, это только изнурит тебя. И в конце концов ум подумает: «Темнота так сильна, вот почему я побежден».

Вот где логика заблуждается. Это абсолютно логично – ты боролся с темнотой и не смог ее победить, не смог ее уничтожить; абсолютно логично прийти к заключению, что «темнота очень сильна, очень мощна. Я перед ней бессилен». Но реальность прямо противоположна. Ты не бессилен, бессильна темнота. Фактически, темноты вообще нет – именно поэтому ты не можешь ее победить. Как ты можешь победить то, чего нет?

Не борись со страхом; иначе ты будешь становиться более и более испуганным, и новый страх войдет в твое существо: страх страха, что очень опасно. Во-первых, страх – это отсутствие; во-вторых, страх страха – это страх отсутствия отсутствия. Теперь ты двнешься в безумие!

Страх есть не что иное как отсутствие любви. Сделай что-то с любовью, забудь о страхе. Если ты хорошо любишь, страх исчезает. Если ты любишь глубоко, страха не найти.

Когда ты был в кого-то влюблен, даже на одно мгновение, был ли какой-то страх? Его никогда не бывает в отношениях, когда, хотя бы на одно мгновение, двое пребывают в глубокой любви, и происходит встреча, они обращены друг к другу – в это мгновение никогда не бывает страха. Точно как когда свет горит, темноты нет – вот тайный ключ: больше любви.

Если ты чувствуешь страх в своем существе, больше любви. Будь храбрым в любви, наберись храбрости. Будь искателем приключений в любви; люби больше и люби безусловно, потому что чем больше ты любишь, тем меньше будет страха.

И когда я говорю: люби, я имею в виду все четыре слоя любви, от секса до самадхи.

Люби глубоко.

Если ты любишь глубоко в сексуальных отношениях, много страха исчезнет из тела. Если тело дрожит от страха, это страх секса; ты не был в глубоких сексуальных отношениях. Твое тело дрожит, твое тело не расслаблено, не дома.

Люби глубоко – сексуальный оргазм разгонит весь страх тела. Когда я говорю: разгонит страх тела, я не имею в виду, что ты должен стать смелым, потому что смелые люди – не кто иные, как трусы вверх ногами. Когда я говорю: весь страх исчезнет, я имею в виду, что не будет ни трусости, ни смелости. Это два аспекта страха.

Посмотри на смелых людей: ты найдешь, что глубоко внутри они боятся, они просто окружили себя достижениями. Смелость – это не бесстрашие, это страх, защищенный, закованный в латы, доспехи.

Когда страх исчезает, ты становишься бесстрашным. А бесстрашный человек – это тот, кто никогда не создает ни в ком страха и никогда не позволяет никому создать страх в себе.

Глубокий сексуальный оргазм дает телу ощущение, что оно – как дома. Глубокое, глубокое здоровье случается с телом, потому что тело чувствует себя целым.

Затем второй шаг – любовь. Люби людей – люби безусловно. Если у тебя в уме есть какие-то условия, ты не сможешь любить; эти условия станут преградами. Если любовь для тебя благотворна, зачем беспокоиться об условиях? Она так благотворна, она дает тебе такое хорошее самочувствие – люби безусловно, не проси ничего взамен. Если ты приходишь к пониманию того, что, просто любя людей, ты растешь в бесстрашии, ты будешь любить просто ради самой радости любви!

Обычно люди любят, только когда удовлетворены их условия. Они говорят: «Ты должен быть таким-то и таким-то, только тогда я буду тебя любить». Мать говорит ребенку: «Я буду тебя любить, если ты будешь себя хорошо вести». Жена говорит мужу: «Ты должен быть вот таким, только тогда я смогу тебя любить». Каждый ставит условия: любовь исчезает.

Любовь – это безбрежное небо! Ты не можешь втиснуть ее в узкое пространство, обусловленное, ограниченное. Если ты принесешь в дом свежий воздух и закупишь его со всех сторон: закроешь все окна, закроешь все двери, – вскоре он станет затхлым. Когда бы ни случилась любовь, это часть свободы; скоро ты принесешь этот свежий воздух в дом, и все станет затхлым, грязным.

Это глубокая проблема человечества – это была проблемой. Когда ты влюбляешься, кто-то выглядит красивым, потому что в эти мгновения ты не ставишь никаких условий. Два человека движутся рядом без условий. Как только они фиксируются, как только начинают принимать друг друга как должное, навязываются условия: «Ты должен быть вот таким, ты должен вести себя вот так, только тогда я буду любить», – любовь становится сделкой.

Когда ты не любишь из полноты своего сердца, ты торгуешься. Ты хочешь заставить другого человека что-то для тебя сделать, лишь тогда ты можешь любить; иначе ты предашь свою любовь. Теперь ты используешь любовь как наказание, как карательную меру, но не любишь. Ты либо пытаешься удержать любовь, либо отдаешь любовь, но в обоих случаях любовь – это не цель, целью является что-то другое.

Если ты муж, ты приносишь жене подарки – она счастлива, она цепляется за тебя, целует тебя; если ты ничего не приносишь в дом, появляется дистанция; она не цепляется, она к тебе не подходит. Когда ты делаешь такие вещи, то забываешь, что твоя любовь благотворна для тебя, не только для других. Прежде всего, она помогает тем, кто любит. Во-вторых, она помогает тем, кого любят.

И как я это вижу... люди приходят ко мне, они всегда говорят: «Другой меня не любит». Никто не приходит и не говорит: «Я не люблю другого». Любовь стала требованием: «Другой меня не любит». Забудь о другом! Любовь – это такое красивое явление, и если *ты* любишь, ты будешь им наслаждаться.

И чем больше ты любишь, тем более будешь привлекателен для любви. Чем меньше ты любишь, чем больше требуешь, чтобы тебя любили другие, тем менее и менее ты привлекателен для любви, тем более ты закрыт, ограничен эго. И ты станешь недотрогой – даже если кто-то приблизится, чтобы тебя полюбить, ты испугаешься, потому что в каждой любви есть возможность быть отвергнутым, покинутым.

Никто тебя не любит – эта мысль стала выгравированной в тебе надписью. Этот человек пытается заставить тебя передумать? Он собирается любить *тебя*? – наверное, это что-то фальшивое, он пытается тебя обмануть. Наверное, это коварный, хитрый человек. Ты защищаешь себя. Ты никому не позволяешь любить себя и не любишь других сам. Тогда возникает страх. Ты один в мире, совершенно один, ты так одинок, отсоединен.

Что же такое тогда страх? Страх – это ощущение потери связи с существованием. Пусть это будет определением страха: состояние вне связи с существованием есть страх. Ты остался один, ребенок, плачущий в доме, мать, отец и вся семья которого ушла в театр. Ребенок плачет

и рыдает в коляске. Он остался один, без связи, его некому защитить, некому утешить, ему некого любить; одиночество, безграничное одиночество всюду вокруг. Это состояние страха.

Страх возникает в тебе, потому что тебя воспитали таким образом, что ты не позволяешь случиться любви. Все человечество обучали всему, кроме любви. Убивать нас научили. И существуют армии, где многие годы обучают убивать! Считать нас обучили: существуют колледжи, университеты, где многие годы тебя обучают быть расчетливым, чтобы никто не мог тебя обмануть, а ты сам мог обманывать других. Но нигде нет никакой возможности, которая позволила бы тебе любить – а любовь есть свобода.

Фактически, более того, общество препятствует любой попытке любить. Родителям не нравится, когда их дети влюбляются. Это не нравится никакому отцу, это не нравится никакой матери; как бы они ни притворялись, ни одному отцу, ни одной матери не нравится, когда их ребенок влюбляется. Им нравится брак по расчету.

Почему? Потому что, когда молодой человек влюбляется в женщину или девушку, он уходит из семьи, он создает новую семью, собственную семью. Конечно, он идет против старой семьи, он бунтует, он говорит: «Теперь я уйду, я создам собственный дом». И он выбирает себе женщину; отец не имеет с этим ничего общего, мать не имеет с этим ничего общего, им кажется, что они совершенно отсоединены.

Нет, им хочется все рассчитать: «Ты создашь дом, но позволь нам устроить все таким образом, чтобы мы имели в нем право голоса. И не влюбляйся – потому что, когда ты влюбляешься, любовь становится целым миром». Если брак происходит по расчету, это просто социальное действие, ты не влюблен, твоя жена не стала для тебя целым миром, твой муж не стал целым миром. Поэтому везде, где продолжается брак по расчету, продолжается семья. Везде, где в существование пришел брак по любви, семья исчезает.

На Западе семья исчезает. Теперь ты можешь увидеть всю логику брака по расчету: семья борется за существование. Неважно, если разрушен ты, если в тебе разрушена всякая возможность любви; ты должен быть принесен в жертву семье. Если брак случается по расчету, семья может оставаться сплоченной. Тогда в ней может жить сто человек – если брак по расчету. Но если какой-то парень или какая-то девушка влюбляются, они становятся миром сами по себе. Они хотят быть одни, они хотят личного пространства. Они не хотят, чтобы вокруг было сто человек, дяди, дяди дядь, двоюродные братья двоюродных сестер и... они не хотят всего этого базара вокруг; они хотят иметь свой частный мир. Все это так беспокоит.

Семья против любви. Наверное, ты слышал, что семья – это источник любви, но я тебе говорю: семья против любви. Семья существует, чтобы убить любовь, она не позволяет случиться любви.

Общество не допускает любви, потому что, если человек действительно влюблен, им нельзя манипулировать. Его нельзя послать на войну; он скажет: «Я так счастлив там, где я есть! Куда вы меня посылаете? И почему я должен идти и убивать незнакомых людей, которые, может быть, счастливы в своих домах? Мы никогда не ссорились, нам нечего делить...»

Если молодое поколение будет двигаться глубже и глубже в любовь, войны исчезнут, потому что нельзя будет найти достаточно сумасшедших, чтобы послать на войну. Если ты любишь, ты вкусил нечто от жизни; тебе не нравится смерть, тебе не нравится убивать людей. Если ты не любишь, ты ничего не вкусил от жизни; ты любишь смерть.

Страх убивает, хочет убивать. Страх разрушителен, любовь же – это творческая энергия. Когда ты любишь, тебе хочется создавать: может быть, петь песню, писать картины, создавать поэзию, но ты не возьмешь пулемет или атомную бомбу и не бросишься убивать людей, которые тебе абсолютно неизвестны, которые ничего не сделали; которые так же незнакомы тебе, как ты незнаком им.

Мир отбросит войны, только когда в него снова войдет любовь. Политики не хотят, чтобы вы любили, общество не хочет, чтобы вы любили, семья не позволяет вам любить. Все они

хотят контролировать энергию вашей любви, потому что это единственная энергия. Именно поэтому существует страх.

Если ты хорошо меня понял, отбрось все страхи и люби больше – и люби без условий. Не думай, что ты делаешь что-то для другого, когда любишь; ты делаешь что-то *для себя*. Когда ты любишь, это благотворно для тебя. Не жди; не говори, что когда другие будут любить, будешь любить и ты, – суть совершенно не в этом.

Заботясь о себе. Любовь заботится о себе. Люби людей – это принесет тебе осуществление, ты будешь получать от этого больше и больше блаженства.

И когда любовь становится глубже, страх исчезает; любовь – это свет, страх – это темнота.

Тогда приходит третья стадия любви – молитва. Церкви, религии, организованные секты – они учат молиться. Но фактически они мешают тебе молиться, потому что молитва – это спонтанное явление, ему нельзя научить. Если тебя учили молиться с детства, тебе помешали испытать прекрасный опыт, который мог бы случиться. Молитва – это спонтанное явление.

Я должен вам рассказать одну историю, которую очень люблю. Лев Толстой написал небольшой рассказ: в определенной области России было озеро, известное своими тремя святыми. Ими заинтересовалась вся страна. Тысячи людей приходили и приезжали на это озеро, чтобы увидеть этих трех святых.

Архиепископ страны испугался: что происходит? Он никогда не слышал об этих «святых», они не утверждены церковью; кто сделал их святыми? Именно это делало христианство – глупее ничего быть не может – выдавало удостоверения: «Этот человек святой». Как будто можно сделать человека святым, выдав ему удостоверение!

Но люди выходили из-под контроля, ходили слухи, что совершалось много чудес, поэтому священнику пришлось выехать на место и оценить ситуацию. Он отправился в лодке на остров, где жили эти люди; это были простые, бедные люди, но очень счастливые – потому что есть лишь одна бедность, и это сердце, не способное любить. Они были бедны, но в то же время богаты, богаче, чем можно себе представить.

Они были счастливы, сидя под деревом и смеясь, наслаждаясь, радуясь. Увидев священника, они поклонились, и священник сказал:

– Что вы здесь делаете? Ходят слухи, что вы великие святые. Умеете ли вы молиться? – потому что, при виде этих троих, священник сразу ощутил, что они совершенно неграмотные, немного идиоты – счастливые, но глупые.

Они переглянулись и сказали:

– Извините, господин, но мы не знаем правильной молитвы, освященной церковью, потому что мы невежественны. Но мы придумали свою молитву – самодельную. Если это вас не оскорбит, мы можем ее вам показать.

– Да, покажите ее мне, – сказал священник, – покажите мне, как вы молитесь.

Они сказали:

– Мы думали и думали – но мы не мыслители, мы глупые, невежественные крестьяне. Мы придумали простую молитву. В христианстве Бог считается троичей, тремя: Бог-отец, Сын и Святой Дух. Нас тоже трое. И мы придумали молитву: Трое вас, трое нас, Господи, помилуй нас. Вот наша молитва: Трое вас, трое нас, Господи, помилуй нас.

Священник был вне себя от гнева, просто в бешенстве. Он сказал:

– Какая чепуха! Это неслыханно. Прекратите! Никакие вы не святые. Вы просто глупцы.

Они упали ему в ноги и сказали:

– Научи нас настоящей, подлинной молитве.

И он рассказал им утвержденную версию молитвы русской православной церкви. Она была длинная и сложная; большие, помпезные слова. Они переглянулись – это казалось невозможным; двери в рай были для них закрыты. Они сказали:

– Пожалуйста, повтори еще раз, потому что эта молитва очень длинная, а мы не образованны.

Он повторил снова. Они сказали:

– Еще один раз, господин, потому что мы забудем или скажем что-то неправильно.

И он повторил еще раз. Они от души его поблагодарили, и он почувствовал себя очень хорошо, сделав доброе дело, приведя этих трех дурачков обратно в лоно церкви.

Он сел в лодку и отплыл. Доплыв до середины озера, он обернулся и не мог поверить своим глазам – эти трое, эти три дурака бежали к нему по воде! Они сказали:

– Подожди... еще раз... мы забыли!

Этому было невозможно поверить! Священник упал к их ногам и сказал:

– Простите меня. Продолжайте молиться по-своему.

Третья энергия любви есть молитва. Религии, организованные церкви разрушили ее. Они дали готовые молитвы. Молитва – это спонтанное чувство. Помните эту историю, когда молились. Пусть молитва будет спонтанным явлением. Если даже молитва не может быть спонтанной, что же тогда вообще может быть спонтанным? Если даже к Богу ты приходишь с заготовленной заранее речью, когда же ты будешь подлинным, истинным и естественным?

Говори те вещи, которые тебе хочется. Говори с Богом, как говорил бы с мудрым другом. Но не вноси в это формальностей. Формальные отношения – это вообще не отношения. Не стал ли ты формальным и с Богом? Ты упускаешь всю спонтанность.

Внеси любовь в молитву. Тогда ты можешь говорить! Это красиво, это диалог со вселенной.

Ты не замечал? Если ты действительно спонтанен, люди подумают, что ты сумасшедший. Если ты подойдешь к дереву, или к цветку, к розе, и начнешь с ней разговаривать, люди подумают, что ты сумасшедший. Если ты пойдешь в церковь и будешь разговаривать с крестом или иконой, никто не посчитает тебя сумасшедшим, все подумают, что ты религиозный человек. Ты разговариваешь с камнем в храме, и все считают тебя религиозным, потому что это утвержденная форма.

Если ты разговариваешь с розой, в которой гораздо больше жизни, чем в любой каменной скульптуре, в которой гораздо больше жизни, чем в любом каменном изваянии... Если ты разговариваешь с деревом, которое гораздо более укоренено в Боге, чем любой крест, потому что у креста нет корней, это мертвая вещь – именно поэтому он убивает... Дерево живо, с корнями глубоко в земле, с ветвями в небе, связанное с целым, с лучами солнца, со звездами – разговаривай с деревьями! Это может быть точкой связи с божественным.

Но если ты будешь это делать, люди подумают, что ты сумасшедший. Спонтанность считается безумием. Формальности считаются нормой. Реальность прямо противоположна. Если ты идешь в церковь и просто повторяешь какую-то заученную молитву, ты просто ведешь себя, как дурак. Иди от сердца к сердцу! Молитва красива, в ней ты начинаешь течь.

Молитва означает: быть влюбленным – влюбленным в целое. Иногда ты злишься на целое и не разговариваешь с ним; это красиво! Ты говоришь:

– Я не буду с тобой разговаривать, с меня довольно – ты меня все равно не слушаешь!

Прекрасный жест, не мертвый. Иногда ты совершенно забрасываешь молитву, потому что ты продолжаешь молиться, а Бог все не слушает. Это отношения, в которые ты глубоко вовлечен, ты злишься. Иногда ты чувствуешь себя очень хорошо, ты признателен, благодарен; иногда ты раздосадован. Но пусть это будут *живые* отношения. Тогда молитва будет истинной. Если ты просто бубнишь, как граммофон, повторяя каждый день одно и то же, это не молитва.

Я слышал об одном адвокате, который был очень расчетливым человеком. Каждую ночь он ложился в постель, смотрел на небо и говорил: «*Ditto*. То же, что и вчера», – и с этим засыпал. Лишь однажды он помолился – первый раз в жизни – и с тех пор он говорил: «То же самое». Это было похоже на законный контракт; какой смысл снова повторять молитву? Говоря «дитто»,

ты повторяешь то же самое. Говоришь ли ты «дитто», или просто повторяешь то же самое, это все равно.

Молитва должна быть живым переживанием, диалогом от сердца к сердцу. И вскоре, если она из сердца, ты почувствуешь, что ты не только говоришь, но и получаешь ответ. Молитва встала на ноги, достигла совершеннолетия. Ты чувствуешь отклик, не только ты говоришь – если это монолог, это еще не молитва – она становится диалогом. Ты не только говоришь, но и слушаешь.

И я говорю тебе, что все существование готово откликнуться. Как только твое сердце открыто, целое откликается.

Нет ничего подобного молитве. Ни одна любовь так не прекрасна, как молитва. Точно как никакой секс не может быть таким красивым, как любовь, никакая любовь не может быть такой красивой, как молитва.

Но затем идет четвертая стадия, которую я называю медитацией. В ней прекращается и диалог. Тогда диалог происходит в молчании. Слова отпадают, потому что, когда сердце действительно полно, ты не можешь говорить. Когда сердце переполнено, только молчание может быть проводником. Тогда нет «другого». Ты един со вселенной. Ты ничего не говоришь и ничего не слышишь. Ты *пребываешь* с единым, с вселенной, с целым. Единство – это медитация.

Вот четыре стадии любви, и в каждой стадии страх будет все более исчезать. Если случится красивый секс, страх исчезнет из тела. Тело не будет невротичным. Обычно – я видел тысячи тел – тела невротичны, тела сошли с ума... Не осуществленные, не как дома.

Если случится любовь, страх исчезнет из ума. Ты будешь жить жизнью свободы, расслабленный, как дома. Не будет никакого страха, никаких кошмарных снов.

Если случится молитва, страх исчезнет полностью, потому что в молитве ты сливаешься воедино – ты начинаешь чувствовать взаимосвязь с целым. Страх исчезает из духа; страх смерти исчезает, когда ты в молитве, не раньше.

А когда ты медитируешь, исчезает даже бесстрашие. Страх исчезает, бесстрашие исчезает. Ничего не остается. Или остается лишь *ничто*. Безграничная чистота, девственность, невинность.

Не отношения, но состояние бытия

Любовь – это не отношения. Любовь – это состояние бытия; она не имеет ничего общего ни с кем другим. Человек не *в* любви, он *есть* любовь. И, конечно, когда человек есть любовь, он в любви – это исходный результат, побочное следствие, не источник. Источник заключается в том, что он *есть* любовь.

А кто может быть любовью? Конечно, если ты не осознаешь, кто ты такой, ты не можешь быть любовью. Ты будешь страхом. Страх – это противоположность любви. Помни, не ненависть противоположна любви, как думают люди. Ненависть – это любовь вверх ногами, не противоположность любви. Настоящая противоположность любви – страх. В любви человек расширяется, в страхе сжимается. В страхе человек становится закрытым, в любви – раскрывается. В страхе человек сомневается, в любви – доверяет. В страхе человек остается одиноким. В любви он исчезает; поэтому не может быть совершенно никакой речи об одиночестве. Когда

человека нет, как он может быть одиноким? Тогда все эти деревья, птицы, облака и солнце у тебя внутри. Любовь – это когда ты познал внутреннее небо.

Маленький ребенок свободен от страха; дети рождаются без всякого страха. Если общество может помочь и поддержать их в том, чтобы оставаться без страха, лазать по деревьям и горам, плавать в океанах и реках – если общество всеми возможными способами может им помочь быть искателями приключений, приключений неизвестного, если общество может создать в них великий поиск, вместо того чтобы давать мертвые верования, тогда дети превратятся в великих влюбленных, влюбленных в жизнь. А это истинная религия. Нет религии выше любви.

Медитируй, танцуй, пой и иди глубже внутрь себя. Слушай птиц внимательнее. Смотри на цветы с благоговением, с удивлением. Не становись знающим, не продолжай вешать на вещи ярлыки. Именно это и значит быть знающим – великое искусство вешать ярлыки, распределять вещи по категориям. Встречайся с людьми, смешивайся с людьми, с как можно большим числом людей, потому что каждый из людей выражает одно из разных лиц Бога. Учись у людей. Не бойся, это существование тебе не враг. Это существование тебе как мать, это существование готово поддержать тебя всеми возможными способами. Доверяй, и ты почувствуешь в себе новый подъем энергии. Эта энергия – любовь. Эта энергия хочет благословить все существование, потому что в этой энергии человек чувствует себя блаженным. А когда ты чувствуешь себя блаженным, что еще остается делать, как не благословлять все существование?

Любовь – это глубокое желание благословить все существование.

Это пирожное восхитительно!

Любовь очень редка. Встретить человека в его центре – значит претерпеть революцию, потому что если ты хочешь встретить человека в самом его центре, тебе придется позволить и ему проникнуть к тебе в центр. Тебе придется стать уязвимым, абсолютно уязвимым, открытым.

Это рискованно. Позволить кому-то достичь своего центра рискованно, опасно, потому что ты никогда не знаешь, что сделает этот человек. И если все твои тайны известны, если твое скрытое становится явным, если ты совершенно обнажен, ты никогда не знаешь, что сделает другой человек. Есть страх. Именно поэтому мы никогда не открыты.

Только знакомство – а мы думаем, что случилась любовь. Периферии встречаются, а мы думаем, что встретились мы. Ты – это не твоя периферия. На самом деле, периферия – это граница, там, где ты кончаешься, просто окружающая тебя ограда. Это не ты! Периферия – это место, где ты кончаешься и начинается мир.

Даже мужья и жены, которые, может быть, прожили вместе много лет, могут быть просто знакомыми. Они могут так и не встретить друг друга. И чем дольше ты с кем-то живешь, тем больше забываешь, что центры остались неизвестными.

Поэтому первое, что нужно понять: не принимай знакомство за любовь. Вы можете заниматься любовью, вы можете быть связаны сексуально, но секс перифериен. Пока не встретились центры, секс – это просто встреча двух тел. А встреча двух тел – это не ваша встреча. Секс тоже остается только знакомством – физическим, телесным, но только знакомством. Ты можешь позволить кому-то войти в свой центр, только когда не боишься, когда в тебе нет страха.

Есть два образа жизни: ориентированный на страх и ориентированный на любовь. Ориентированная на страх жизнь не может привести к глубоким отношениям. Ты останешься испуганным и не сможешь впустить другого, не сможешь позволить другому проникнуть в себя до самого ядра. Ты допускаешь другого до определенных пределов, затем появляется стена, и все останавливается.

Ориентированный на любовь человек – это тот, кто не боится будущего, кто не боится результата и последствий, кто живет здесь и сейчас. Не беспокойся о результате; это ориентированный на страх ум. Не думай о том, что из этого выйдет. Просто будь здесь и действуй тотально. Не рассчитывай. Ориентированный на страх человек всегда считает, планирует, организует, стоит на страже. Таким образом теряется вся его жизнь.

Я слышал историю об одном дзэнском монахе.

Он был при смерти. Пришел последний день, и он объявил, что этим вечером его не станет. Стали собираться последователи, ученики, друзья. У него было много влюбленных, и все они стали собираться; люди приходили издалека.

Один из его старых учеников, услышав, что мастер вот-вот умрет, побежал на рынок. Кто-то спросил:

– Мастер умирает в хижине, почему ты бежишь на рынок?

Старый ученик сказал:

– Я знаю, что мой мастер любит определенный вид пирожных; я иду купить такое пирожное.

Найти пирожное было трудно, но в конце концов ему это удалось. Он прибежал с пирожным.

Все беспокоились – похоже было, что мастер кого-то ждет. Он открывал глаза и оглядывался, снова закрывал глаза. Когда пришел ученик, он сказал:

– Хорошо, ты пришел. Где пирожное?

Ученик достал пирожное – он был очень рад, что мастер его попросил.

Умиравший мастер взял в руку пирожное... но его рука не дрожала. Он был очень стар, но его рука не дрожала. Кто-то спросил:

– Ты так стар, ты на грани смерти. Вскоре тебя покинет последнее дыхание, но твоя рука не дрожит.

– Я никогда не дрожу, – ответил мастер, – потому что во мне нет страха. Мое тело составилось, но я по-прежнему молод, и останусь молодым, даже когда тела не станет.

Затем он откусил кусочек, стал есть пирожное. Кто-то спросил:

– Каково твое последнее послание, мастер? Вскоре ты покинешь нас. Что бы ты хотел, чтобы мы запомнили?

Мастер улыбнулся и сказал:

– Ах, это пирожное восхитительно!

Вот человек, который живет здесь и сейчас. *Это пирожное восхитительно*. Даже смерть не важна. Следующее мгновение бессмысленно. В *это* мгновение пирожное восхитительно. Если ты можешь быть в этом мгновении, в этом настоящем мгновении, в этом настоящем, в этом изобилии, лишь тогда ты можешь любить.

Любовь – это редкое цветение. Она случается лишь изредка. Многие миллионы людей несправедливо считают себя влюбленными. Они верят, что любят, но это только верование.

Любовь – это редкое цветение. Иногда оно происходит. Оно редко, потому что может случиться, лишь когда нет страха, не раньше. Это означает, что любовь может случиться только с глубоко духовным, религиозным человеком. Секс возможен для всех. Знакомство возможно для всех. Не любовь.

Когда ты не боишься, тебе нечего скрывать; тогда ты можешь быть открытым, ты можешь открыть все границы. Тогда ты можешь пригласить другого проникнуть в самое ядро.

И помни, если ты позволишь кому-нибудь проникнуть в себя глубоко, другой позволит тебе проникнуть глубоко в себя, потому что когда ты позволяешь кому-то проникнуть в себя, это создает доверие. Когда ты не боишься, другой становится бесстрашным.

В твоей любви всегда присутствует страх. Муж боится жены, жена боится мужа. Любовники всегда боятся. Тогда это не любовь. Тогда это соглашение двух испуганных людей, зависящих друг от друга, ссорящихся, эксплуатирующих, манипулирующих, контролирующих, доминирующих, пытающихся владеть – но не любовь.

Если ты можешь позволить случиться любви, не нужно будет молитвы, не нужно будет медитации, не нужно будет никакой церкви, никакого храма. Ты можешь совершенно забыть Бога, если можешь любить, потому что в любви с тобой случится все: медитация, молитва, Бог, с тобой случится *все*. Именно это имеет в виду Иисус, когда говорит, что любовь есть Бог.

Но любовь трудна. Нужно отбросить страх. И это странная вещь: ты так боишься, в то время как тебе нечего терять.

Мистик Кабир где-то говорит: «Я заглядываю в людей... они так боятся, но я не вижу, почему – потому что им нечего терять». Кабир говорит: «Они подобны голому человеку, который никогда не ходит купаться на реку, потому что боится – как он высушит одежду?» Вот ваша ситуация – голые, без одежды, вы всегда беспокоитесь об одежде.

Что вам терять? Нечего. Это тело будет отнято смертью; прежде чем его отнимет смерть, отдай его любви. Что бы ты ни имел, это будет отнято; прежде чем это отнято, почему бы этим не поделиться? Это *единственный* способ владеть. Если ты можешь делиться и отдавать, ты хозяин. Это будет отнято – ничто ты не можешь сохранить навсегда. Смерть разрушит все.

Поэтому, если ты понимаешь меня правильно, борьба происходит между смертью и любовью. Если ты можешь отдавать, смерти не будет. Прежде чем у тебя что-то отняли, ты уже все отдал, ты уже принес дар. Смерти быть не может.

Для влюбленного смерти нет. Для не влюбленного каждое мгновение есть смерть, потому что в каждое мгновение что-то вырывается у него из рук. Тело исчезает, он теряет его с каждым мгновением. Затем придет смерть, и все будет уничтожено.

Что такое страх? Почему ты так боишься? Даже если о тебе все известно, и ты открытая книга, зачем бояться? Как это может тебе повредить? Просто ложные концепции, просто обусловленности, данные обществом, – что ты должен скрываться, что ты должен защищаться, что ты должен быть постоянно в боевом настроении, что каждый – тебе враг, что все против тебя.

Никто не против тебя! Даже если ты чувствуешь, что кто-то против тебя, даже он не против – потому что каждый озабочен самим собой, не тобой. Бояться нечего. Это нужно осознать, прежде чем могут случиться настоящие отношения. Бояться нечего.

Медитируй на это. И тогда позволь другому войти в себя, пригласи другого войти. Не создавай никаких препятствий; пусть проход будет открытым, без всяких замков, без дверей; пусть в тебе не будет никаких закрытых дверей. Тогда любовь возможна.

Когда встречаются два центра – это любовь. Любовь – это алхимическое явление – точно как водород и кислород, встречаясь, создают новое явление – воду. Может быть, у тебя есть кислород, а у другого – водород, но если вы испытываете жажду, они будут бесполезны. У тебя может быть сколько угодно кислорода, сколько угодно водорода, но жажда не уйдет.

Когда встречаются два центра, создается нечто новое. Это новое и есть любовь. Она точно подобна воде; жажда многих, многих жизней утолена. Внезапно ты удовлетворен. Это видимый признак любви: ты становишься удовлетворенным, словно достиг всего. Теперь нечего достигать; ты достиг цели. Дальнейшей цели нет; предназначение исполнено. Семя стало цветком, пришло к полному цветению.

Глубокая удовлетворенность есть видимый признак любви. Когда человек влюблен, он в глубокой удовлетворенности. Любовь нельзя увидеть, но удовлетворенность, глубокая испол-

ненность, окружающая его... в каждом дыхании, в каждом движении, в самом его существе – удовлетворенность.

Ты можешь удивиться, когда я скажу, что любовь делает тебя не-желающим, но желание приходит от неудовлетворенности. Ты желаешь, потому что у тебя нет. Ты желаешь, потому что думаешь, что если у тебя что-то будет, это даст тебе удовлетворенность. Желание приходит из неудовлетворенности.

Когда есть любовь, и два центра встретились, растворились и слились, и родилось новое алхимическое качество, есть удовлетворенность. Будто бы все существование остановилось – никакого движения. Тогда настоящее мгновение – единственное мгновение. И тогда ты можешь сказать: «Ах, это пирожное восхитительно». Даже смерть ничего не значит для человека, который влюблен.

Мир без границ

Любовь – это выход в мир без границ, в мир, который нигде не кончается. Любовь начинается, но не кончается никогда; это начало без конца.

Помни одну вещь: обычно ум вмешивается и отказывает любви в ее бесконечности и просторе. Если ты действительно любишь человека, ты дашь ему безграничный простор. Само твое существо будет просто пространством для его роста, пространством, с которым он мог бы расти. Ум вмешивается и пытается владеть этим человеком, и тогда любовь уничтожена. Ум очень жаден – ум есть жадность. Ум очень ядовит. Поэтому, если человек хочет двигаться в мире любви, он должен отбросить ум. Человек должен жить без вмешательства ума. Ум хорош, когда он на своем месте. Он нужен на рынке; в любви он не нужен. Он нужен, когда ты составляешь бюджет, но не нужен, когда ты движешься во внутреннее пространство. Он нужен в математике; он не нужен в медитации. У ума есть полезное применение, но это применение – во внешнем мире. Во внутреннем мире он просто неуместен. Поэтому стань более и более любящим... любящим безусловно. Стань любовью. Стань раскрытием – просто будь любящим.

Птицы и деревья, земли и звезды, мужчины и женщины – все это понимают. Черное и белое, есть лишь один язык, язык вселенной – и это язык любви. Так стань этим языком. И как только ты стал любовью, раскрывается совершенно другой мир, в котором нет границ.

Всегда помни, что ум является фактором, заставляющим людей быть закрытыми. Ум очень боится раскрытия, потому что ум по своему существу основан на страхе. Чем более человек бесстрашен, тем менее он пользуется умом. Чем более человек испуган, тем более он пользуется умом.

Может быть, ты замечал, что, когда ты испуган, когда в тебе есть тревога, когда тебя что-то беспокоит, ум приходит в твой фокус. Когда ты встревожен, ума слишком много. Когда ты спокоен, ума не так много.

Когда все хорошо, и страха нет, ум плетется позади. Когда дела плохи, ум просто набрасывается на тебя, становится лидером. Во времена опасности он становится лидером. Ум похож на политиков. Адольф Гитлер написал в своей автобиографии «Майн Кампф», что, если хочешь сохранить лидерство, страну нужно всегда держать в страхе. Пугай страну тем, что на нее нападет соседняя страна, что есть страны, замышляющие нападение, готовые нападение, – продолжай распускать слухи. Никогда не оставляй людей в покое, потому что если

они смогут расслабиться, то не будут беспокоиться о политиках. Когда люди действительно спокойны, политики теряют важность. Держи людей в постоянном страхе, тогда политик останется у власти.

Когда идет война, политик становится великим человеком. Черчилль, Гитлер, Сталин или Мао – все это продукты войны. Если бы не было второй мировой войны, не было бы ни Уинстона Черчилля, ни Гитлера, ни Сталина. Война создает ситуации, дает людям возможности доминировать и становиться лидерами. Точно то же самое происходит в политике ума.

Медитация – это не что иное, как создание ситуации, когда у ума все меньше и меньше забот. Ты настолько лишен страха, настолько полон любви и мира, так удовлетворен всем, что бы ни происходило, что уму нечего сказать. Тогда ум постепенно отстает, плетется позади, и созданная дистанция становится все больше и больше.

Однажды ум отстает окончательно – и тогда ты становишься вселенной. Тогда ты больше не ограничен телом, ничем не ограничен – ты чистый простор. Именно это и есть Бог. Бог – это чистый простор.

Любовь есть путь к этому простору. Любовь – это средство, Бог – цель.

Люди, которые боятся, – это люди, способные к огромной любви. Страх – это отрицательная сторона любви. Если любви не позволено течь, она становится страхом. Если любовь может течь, страх исчезает. Именно поэтому лишь в мгновения любви страха нет. Если ты любишь человека, страх исчезает. Влюбленные – это единственные люди, которые бесстрашны; даже смерть не создает проблем. Только влюбленные могут умереть в безмерном молчании и бесстрашии.

Но всегда происходит так, что чем больше ты любишь, тем больше чувствуешь страх. Именно поэтому женщины боятся больше мужчин – у них больший потенциал любви. В этом мире мало возможностей претворить любовь в действительность, и потенциал остается висящей на тебе тяжестью. А если какой-то потенциал остается в зависшем состоянии, он обращается в свою противоположность. Он может стать ревностью; это тоже часть страха. Он может стать стремлением к обладанию; это тоже часть страха. Он может стать даже ненавистью; это тоже часть страха. Стань более и более любящим. Люби безусловно, люби, где только возможно. У человека есть миллионы возможностей любить.

Можно любить просто незнакомца, идущего по дороге. Можно просто почувствовать любовь к нему и пойти дальше. Не нужно даже разговаривать. Не нужно этого высказывать. Можно просто почувствовать и пойти дальше своей дорогой. Можно любить скалу. Можно любить деревья, можно любить небо, звезды. Можно любить друга, мужа, детей, отца, мать. Возможностей любить миллионы.

Помни: смелость не значит бесстрашие. Если кто-то бесстрашен, его нельзя назвать смелым. Нельзя назвать смелой машину; она бесстрашна. Смелость существует только в океане страха, смелость – это остров в океане страха. Есть страх, но несмотря на страх человек рискует; это смелость. Он дрожит, он боится идти в темноту, но все же идет. Вопреки себе он идет; вот смысл смелости. Это не значит бесстрашие. Это значит, что ты полон страха, но все же он не движет тобой.

Величайший страх возникает, когда ты движешься в любовь. Страх охватывает твою душу, потому что любить – значит умереть, умереть в другом. Это смерть, и гораздо более глубокая, чем обычная смерть. В обычной смерти умирает только тело; в смерти любви умирает эго. Чтобы любить, нужна великая храбрость. Человек должен быть способен идти в любовь несмотря на все собирающиеся вокруг него страхи.

Чем больше риск, тем больше возможность роста – ничто так не помогает человеку расти, как любовь. Люди, которые боятся влюбиться, остаются инфантильными, незрелыми, неопевшими. Только пламя любви дает тебе зрелость.

Ни легко, ни трудно – просто естественно

Любовь – это естественное состояние сознания. Это ни легко, ни трудно; эти слова совершенно неприменимы. Это не усилие, поэтому это не может быть ни легким, ни трудным. Это подобно дыханию! Это подобно биению твоего сердца, циркуляции крови в теле.

Любовь – это само твое существо... но такая любовь стала почти невозможной. Общество ее не терпит. Общество обуславливает тебя таким образом, что любовь становится невозможной, а ненависть становится единственной возможной вещью. Тогда ненависть легка, а любовь не только трудна, но и невозможна. Человек подвергся искажению. Человека нельзя низвести до раба, если сначала его не исказить. Политик и священник были в тайном заговоре веками. Они низводили человечество до толпы рабов. Они разрушили в человеке всякую возможность бунта, а любовь – это бунт, потому что любовь слушает только сердце и ни капли не заботится ни о чем другом.

Любовь опасна, потому что она делает тебя индивидуальностью. А государство и церковь... они не хотят индивидуальностей, совершенно не хотят. Они не хотят человеческих существ, они хотят овец. Они хотят людей, которые только выглядят как человеческие существа, но чьи души совершенно раздавлены, повреждены так глубоко, что кажутся почти неизлечимыми.

А лучший способ разрушить человека – это разрушить спонтанность его любви. Если у человека есть любовь, не может быть никаких наций; нации существуют на ненависти. Индийцы ненавидят пакистанцев, пакистанцы ненавидят индийцев, только тогда могут существовать эти две страны. Если появляется любовь, границы исчезают. Если появляется любовь, кто будет христианином, кто будет евреем? Если появится любовь, религии исчезнут.

Если появится любовь, кто пойдет в храм? Зачем? Именно потому, что не хватает любви, вы ищете Бога. Бог – это не что иное, как заменитель вашей отсутствующей любви. Потому что вы не блаженны, не мирны, не экстатичны, вы ищете Бога – иначе кого он волнует? Кому он нужен? Если твоя жизнь – танец, Бог уже достигнут. Любящее сердце наполнено Богом. Не нужно никакой церкви, не нужно никаких молитв, не нужно никакого храма, никакого священника.

Поэтому священник и политик, эти двое – враги человечества. Они в сговоре, потому что политик хочет править твоим телом, а священник хочет править твоей душой. Секрет один и тот же: разрушить любовь. Тогда человек – не более чем полость, пустота, бессмысленное существование. Тогда ты можешь делать с человечеством все, что хочешь, и никто не взбунтуется, никто не соберет достаточно храбрости для бунта.

Любовь дает храбрость, любовь отнимает страх, а угнетатели зависят от твоего страха. Они создают в тебе страх, тысячу и один вид страха. Ты окружен страхами, вся твоя психология полна страха. Глубоко внутри ты дрожишь. Лишь на поверхности ты поддерживаешь определенный фасад; внутри сохраняются многие слои страха.

Человек, полный страха, может только ненавидеть, ненависть – это естественный результат страха. Человек, полный страха, полон и гнева; человек, полный страха, скорее против жизни, чем за жизнь. Смерть кажется спокойным состоянием полному страху человека. Испуганный человек суицидален, он отрицает жизнь. Жизнь кажется ему опасной, потому что жить означает, что тебе придется любить, как еще ты можешь жить? Точно как телу нужно дышать, чтобы жить, душе нужно любить. А любовь абсолютно отравлена.

Отравив энергию твоей любви, они создали в тебе расщепление; они создали твоего врага у тебя внутри, они разделили тебя надвое. Они создали гражданскую войну, и ты всегда в конфликте. В конфликте твоя энергия рассеивается; поэтому в твоей жизни нет энтузиазма, веселья. Она не переполняется энергией; она тупа, глупа, неразумна.

Любовь обостряет разум, страх притупляет его. Кто хочет, чтобы ты был разумным? Не те, кто у власти. Как они могут хотеть, чтобы ты был разумным? – потому что, если ты разумен, ты начнешь видеть всю эту стратегию, все эти игры. Они хотят, чтобы ты был глупым и посредственным. Они, конечно, хотят, чтобы ты был эффективным в том, что касается работы, но не разумным; поэтому человечество живет на самом нижнем уровне, по минимуму своего потенциала.

Научные исследователи говорят, что обычный человек использует за всю жизнь лишь пять процентов своего потенциального разума. Обычный человек – только пять процентов, что же с необычными? Альберт Эйнштейн, Моцарт, Бетховен? Исследователи говорят, что даже те, кто талантлив, не используют более десяти процентов. А те, кого мы называем гениями, используют лишь пятнадцать.

Представь себе мир, в котором каждый использует свой потенциал на сто процентов... тогда даже боги позавидуют земле, тогда даже богам захочется родиться на земле. Тогда земля будет раем, свержаем. Прямо сейчас это ад.

Если человека оставить в покое, оставить неотравленным, тогда любовь будет проста, очень проста. Не будет никаких проблем. Она будет в точности подобна воде, текущей вниз, пару, поднимающемуся вверх, цветению деревьев, пению птиц. Она будет так естественна и так спонтанна!

Но человека не оставляют в покое. Как только ребенок рождается, угнетатели готовы наброситься на него, раздавить его энергии, исказить их до такой степени, чтобы человек никогда не осознал, что живет фальшивой жизнью, ложной жизнью, что не живет тем, чем ему предназначено быть, жизнью, для которой рожден; что он живет какой-то синтетической, пластмассовой, но не своей настоящей душой. Именно поэтому миллионы людей так несчастны – потому что они чувствуют, что где-то сбились с пути, что они не могут быть самими собой, что что-то неправильно в самой основе...

Любовь проста, если ребенку позволить расти, помочь расти естественным путем. Если ребенку помочь быть в гармонии с природой и в гармонии с самим собой, если ребенка поддерживать, питать, поощрять быть естественным, быть самим собой, быть светом самому себе, тогда любовь проста. Тогда человек просто будет любящим!

Ненависть будет почти невозможной, потому что, прежде чем ненавидеть кого-то другого, ты должен создать этот яд у себя внутри. Ты можешь кому-то дать только то, что у тебя уже есть. Ты можешь ненавидеть, лишь будучи полным ненависти. А быть полным ненависти значит страдать в аду. Быть полным ненависти значит гореть в огне. Быть полным ненависти значит, что сначала ты должен ранить самого себя. Прежде чем ты можешь ранить кого-то другого, ты должен ранить самого себя. Другой, может быть, не будет ранен, это зависит от другого. Но одно абсолютно определено: прежде чем ненавидеть, ты должен пройти через долгое страдание и несчастье. Другой может не принять твоей ненависти, другой может ее отвергнуть. Другой может быть буддой – он может просто посмеяться над ней. Он может простить тебя, он может не реагировать. Может быть, ты не сможешь его ранить, если он не готов реагировать.

Если ты не можешь его потревожить, что ты можешь сделать? Ты почувствуешь себя бессильным перед ним.

Поэтому не обязательно, что другой будет ранен. Но одно абсолютно определено: если ты кого-то ненавидишь, сначала ты должен многими способами ранить собственную душу; ты должен наполниться ядом, прежде чем выбросить его на других.

Ненависть неестественна. Любовь – это состояние здоровья; ненависть – это состояние болезни. Она настолько же неестественна, как болезнь. Она случается, лишь когда ты теряешь чувство своей природы, когда ты больше не в гармонии с существованием, не в гармонии со своим существом, со своим глубочайшим ядром. Тогда ты болен – психологически, духовно болен. Ненависть – это просто символ болезни, а любовь – символ здоровья, целостности и святости.

Любовь должна быть одной из самых естественных состояний, но это не так. Напротив, она стала самым трудным, почти невозможным. Ненависть стала легкой; ты обучен, подготовлен ненавидеть. Быть индуистом – значит быть полным ненависти к мусульманам, христианам, евреям; быть христианином – значит быть полным ненависти к другим религиям. Быть националистом – значит быть полным ненависти к другим национальностям.

Ты знаешь только один способ любить: ненавидеть других. Ты можешь показать любовь к своей стране, только ненавидя другие страны; ты можешь показать любовь к своей церкви, только ненавидя другие церкви. Ты в таком замешательстве!

Эти так называемые религии продолжают говорить о любви, а все, что они делают, – это продолжают создавать в мире все больше ненависти. Христиане говорят о любви, тогда как именно они создавали крестовые походы, войны. Мусульмане говорят о любви, тогда как именно они создали *джихады* – религиозные войны. Индуисты говорят о любви, но загляни в их писания – они полны ненависти, ненависти к другим религиям. И мы принимаем весь этот вздор! И мы принимаем его без всякого сопротивления, потому что нас обусловили принимать эти вещи, нас научили, что все это именно так. И тогда вы продолжаете отвергать свою природу.

Любовь была отравлена, но не разрушена. Яд можно выбросить из системы – ты можешь быть очищен. Ты можешь вытошнить все то, что общество впихнуло тебе в горло. Ты можешь отбросить все верования и всю свою обусловленность – ты можешь быть свободным. Общество не может удерживать тебя в рабстве вечно, если ты решишь быть свободным.

Пришло время вырваться из старых образцов и начать новый образ жизни, естественный образ жизни, неподавляющий образ жизни – жизнь не отречения, но наслаждения. Ненависть станет более и более невозможной. Ненависть – это полярная противоположность любви, в том же смысле, что и болезнь полярно противоположна здоровью. Но не обязательно выбирать болезнь.

У болезни есть свои преимущества, которых не может быть у здоровья; не привязывайся к этим преимуществам. У ненависти тоже есть несколько преимуществ, которых не может быть у любви. И ты должен быть очень наблюдательным. Больной человек от всех получает сочувствие; никто его не обижает, все очень заботливо в том, что ему говорят, потому что он так болен. Он остается в фокусе, в центре внимания – семьи, друзей, он становится центральным человеком, он становится важным. Если он слишком привяжется к этой важности, к этому осуществлению этого, он никогда больше не захочет быть здоровым. Он будет сам цепляться за болезнь. Психологи говорят, что многие люди цепляются за болезни из-за преимуществ, которые имеет больной. И они так долго и так много вкладывали в свои болезни, что совершенно забыли, что цепляются за эти болезни. Они боятся, что если будут совершенно здоровы, то снова станут никем.

Вы учите и этому. Когда маленький ребенок болеет, вся семья становится внимательной. Это абсолютно ненаучно. Когда ребенок болеет, позаботьтесь о его теле, но не уделяйте ему слишком много внимания. Это опасно, потому что болезнь и внимание станут ассоциироваться

друг с другом... что неизбежно произойдет, если это повторяется снова и снова. Как только ребенок заболевает, он становится центром всей семьи: папа приходит, садится рядом и спрашивает, как он себя чувствует, приходит доктор, приходят соседи, приходят друзья, люди приносят ему подарки... Теперь он может слишком привязаться ко всему этому; это может быть так питательно для эго, что он может не захотеть выздоравливать. И если это происходит, быть здоровым невозможно. Теперь не поможет никакое лекарство. Человек решительно посвящает себя болезни. И именно это случилось со многими людьми – с большинством.

Когда ты ненавидишь, твое эго удовлетворено. Эго может существовать, только если оно ненавидит, потому что в ненависти ты чувствуешь свое превосходство, в ненависти ты чувствуешь себя отделенным, в ненависти ты становишься определенным. В ненависти ты получаешь определенное отождествление. В любви эго должно исчезнуть. В любви ты больше не отделен – любовь помогает тебе раствориться и смешаться с другими. Это встреча и слияние.

Если ты слишком привязан к эго, ненависть легка, а любовь труднее всего. Будь бдительным, наблюдательным: ненависть – это тень эго. Для любви требуется огромная храбрость. Для любви нужна огромная храбрость, потому что она требует принести в жертву эго. Лишь те, кто готов стать никем, способны любить. Лишь те, кто готов стать ничем, совершенно опустошиться от себя, способны принять дар любви от запредельного.

Эго есть трусость. Трусость – не часть эго, это эго целиком. И это неизбежно так, потому что эго живет в постоянном страхе разоблачения: оно пусто внутри, оно не существует; это только видимость, не реальность. А когда что-то только на поверхности, когда что-то подобно миражу, в самом его центре обязательно будет страх.

В пустыне ты видишь мираж издалека. Он кажется таким реальным, что даже деревья отражаются в воде, которой не существует. Ты видишь деревья, видишь отражение; ты видишь волны на воде, отражение, дрожащее в волнах, – но все на расстоянии. По мере того, как ты подходишь ближе, мираж начинает рассеиваться. Там никогда ничего не было; это было просто сочетанием солнечных лучей, отражающихся от песков пустыни. В этом отражении солнечные лучи возвращаются, и создается мираж оазиса. Но он может существовать лишь вдалеке; он не может существовать, когда ты подходишь ближе. Тогда есть только горячие пески, и ты видишь, как отражаются лучи солнца.

Это легче будет понять в другом контексте.

Ты видишь Луну, видишь ее красоту, видишь ее прохладный свет. Но первые космонавты были потрясены, потому что, когда они приблизились к Луне, света не было. Луна была просто плоским, безжизненным куском камня – никакой зелени, никакой жизни, мертвая скала. Но когда, стоя на Луне, они посмотрели на Землю, то были изумлены: Земля светилась прекрасным светом.

В сравнении с этим светом красота Луны была ничем, потому что Земля в восемь раз больше Луны; ее свечение, серебряное свечение, в восемь раз интенсивнее. И астронавты знали, что все это ложно, но в то же время видели это. Этого нет... странное дело: с Земли они видели прекрасное серебряное свечение Луны. Теперь, когда они на Луне, она оказалась просто мертвым камнем, и всю красоту излучает Земля. А они знали Землю, прожили на Земле всю жизнь; они никогда не видели ничего подобного. Чтобы увидеть отражение солнечного света, нужно расстояние.

Земля тоже светится: когда приходит солнечный свет, некоторое количество его поглощается поверхностью, но большая часть отражается обратно. Отраженный свет можно увидеть только вдали от Земли; иначе его увидеть нельзя.

Эго – это несуществующее явление; люди, которые от него дальше, могут его почувствовать, увидеть, могут быть им ранены. Твоя единственная забота – в том, чтобы они не подошли

слишком близко. Каждый держит всех остальных на расстоянии, потому что позволить людям подойти слишком близко значит раскрыть двери своей пустоты.

Эго не существует. А ты так отождествлен с эго, что смерть эго, исчезновение эго ощущается как твоя собственная смерть. Это не так; напротив, когда эго умрет, ты узнаешь свою реальность, свое настоящее существо.

Эгоист будет трусливым. Он никому не сможет позволить никакой близости – никакой дружбы, любви, даже компании. Адольф Гитлер никогда никому не позволял спать в своей комнате. Он всегда спал один, запирая комнату изнутри. Он никогда не женился по той простой причине, что если ты женат, тебе придется допустить женщину в свою комнату – не только в комнату, но и в постель. Это слишком близко и слишком опасно.

У него не было друзей. Он всегда держал людей на как можно большем расстоянии; в его жизни не было ни единого человека, который мог бы хотя бы положить руку ему на плечо – даже такой близости он не допускал.

Откуда такой страх? Чего он боялся? Он боялся того, что в то мгновение, когда он позволил бы кому-то близость, его величие – «великий Адольф Гитлер» – исчезло бы. Ты нашел бы крошечное, карликовое существо, без всякого величия – величия, изображенного на всех транспарантах, созданного великой пропагандой.

Чем более человек эгоистичен, тем более ему приходится оставаться в одиночестве. А быть одиноким значит быть несчастным; за все приходится платить. Тебе приходится платить за несуществующее эго, которое кажется реальным, – своим страданием, своей болью, своей тоской. И в любом случае, даже если ты преуспеешь в том, чтобы никого не подпускать близко, ты сам прекрасно знаешь, что все это только мыльный пузырь – небольшой иголочный укол, и он исчезнет.

Наполеон Бонапарт был одним из величайших эгоистов в истории эгоизма, но он был побежден, и причину его поражения стоит рассмотреть...

Когда он был маленьким ребенком, когда ему было шесть месяцев, няня, которая заботилась о нем, оставила его в саду и пошла за чем-то в дом, и на ребенка прыгнула бездомная кошка. Шестимесячный ребенок... наверное, кошка показалась ему огромным львом! Все относительно, и для маленького ребенка это был большой лев. Кошка просто играла, но ребенок был так потрясен, и этот шок проник так глубоко... когда он стал молодым человеком, он сражался во многих войнах, был великим солдатом, мог бы сразиться со львом – но боялся кошек. Увидев кошку, он тотчас же терял всю храбрость; внезапно он становился шестимесячным ребенком.

Этот факт был известен английскому главнокомандующему Нельсону; иначе Нельсона нельзя было бы сравнить с Наполеоном Бонапартом. Это была единственная война, в которой Наполеон потерпел поражение. Нельсон выпустил впереди своей армии семьдесят кошек – для бедняги было достаточно одной, – и с ним случился нервный припадок. Он просто сказал своему помощнику:

– Прими командование армией. Я не могу сражаться; я не в состоянии думать. Эти кошки убивают меня.

И, конечно, он был побежден.

Историки, которые говорят, что его победил Нельсон, не правы. Нет, его победил психологический трюк. Его победили кошки, его победило его детство, его победил страх, над которым у него не было контроля.

Его заключили под стражу и сослали на маленький остров Святой Елены. Не нужно было никаких наручников, потому что остров был маленький, и с него нельзя было убежать.

Однажды он вышел на прогулку. Из-за нервного срыва и поражения к нему приставили доктора, который о нем заботился. Доктор был с ним. Они шли по узкой тропинке, а им

навстречу шла женщина с большим грузом сена. Тропа была очень узкая; кто-то должен был уступить дорогу. Хотя доктор и был англичанином, он крикнул женщине:

– Отойди! Ты не знаешь, кто идет. Хотя он и побежден, это неважно: он все еще Наполеон Бонапарт.

Но женщина была не образована и никогда не слышала о Наполеоне Бонапарте. Она сказала:

– Ну и что? Пусть он отойдет с дороги! А тебе должно быть стыдно. Я женщина, я несую такой тяжелый груз... Почему я должна уступать дорогу?

Наполеон Бонапарт взял доктора за руку, отступил с дороги и сказал:

– Времена, когда горы расступались перед Наполеоном, прошли; мыльный пузырь лопнул. Я должен уступить дорогу женщине, несущей сено.

В поражении он смог увидеть, что произошло: всю жизнь он подавлял страх. Его держали в тайне, но теперь он стал явным, страх вышел наружу. Наполеон Бонапарт стал никем.

Это ситуация великого эгоиста.

Поэтому не думай, что трусость является составляющей эгоизма; это весь эгоизм. Эго есть трусость. А быть без эго значит быть бесстрашным, потому что теперь у тебя ничего нельзя отнять; даже смерть ничего не может в тебе разрушить. Единственное, что можно разрушить, – это эго.

Эго, балансирующее на самой грани смерти, так хрупко, что люди, которые за него цепляются, всегда дрожат.

Отбросить эго – величайший подвиг, который может совершить человек. Это показывает твой характер, это доказывает, что в тебе есть больше, чем кажется, это доказывает, что в тебе есть нечто бессмертное, неразрушимое, вечное.

Эго делает тебя трусом.

Отсутствие эго делает тебя бесстрашным паломником в вечном таинстве жизни.

Отделись от толпы

Медитация – это просто храбрость быть молчаливым и одиноким. Мало-помалу ты начинаешь чувствовать в себе новое качество, новую живость, новый разум, который ни у кого не заимствован, который растет изнутри тебя. Он укоренен в твоём существовании. И если ты не трус, он придет к созреванию, цветению.

Никто не становится тем, кем ему предназначено быть существованием. Общество, культура, религия, образование – все они в сговоре против невинных детей. У них есть вся власть – ребенок беспомощен и зависим, поэтому, что бы они ни хотели из него сделать, им это удастся. Они не позволяют ребенку вырасти в его естественное предназначение. Каждое их усилие направлено на то, чтобы превратить человеческие существа в полезные функции. Кто знает, если ребенку предоставить расти самому, будет ли он полезен для интересов круговой поруки? Общество не готово пойти на такой риск. Оно хватается ребенка и начинает переплавлять его во что-то другое, в то, что нужно обществу.

В определенном смысле, оно убивает душу ребенка и дает ему ложную личность, чтобы он никогда не хватился своей души, своего существа. Ложная личность – это заменитель. Но этот заменитель полезен лишь в той же самой толпе, что тебе его дала. В то мгновение, когда ты один, ложное начинает разваливаться на части, а подавленное реальное начинает выражать себя. Поэтому ты боишься быть один.

Никто не хочет быть одиноким. Каждый хочет принадлежать к толпе – не только к одной толпе, ко многим толпам. Человек принадлежит к религиозной толпе, к политической партии, к ротари-клубу... есть множество других небольших групп, к которым можно принадлежать. Человек хочет, чтобы его поддерживали двадцать четыре часа в сутки, потому что ложное не может стоять на собственных ногах без поддержки. В то мгновение, когда ты один, ты начинаешь чувствовать странное безумие. Столько лет ты верил, что ты кто-то, и внезапно в этот момент одиночества ты начинаешь чувствовать, что ты не это. Это создает страх: кто же ты тогда?

Многие годы подавления... чтобы реальное выразило себя, потребуется некоторое время. Промежуток между этими двумя состояниями мистики называли «темной ночью души» – очень подходящее выражение. Ты больше не ложное, но еще и не реальное. Ты в промежутке, ты не знаешь, кто ты.

Особенно на Западе эта проблема сложна, потому что люди Запада не разработали никакой методологии, как открыть реальное как можно скорее, чтобы сократить темную ночь души. Запад ничего не знает о том, что касается медитации. А медитация – это только описание человека, когда он один, в молчании, ожидает, пока не утвердит себя реальное. Это не действие, это молчаливое расслабление – потому что, что бы ты ни «делал», это будет исходить из твоей ложной личности... из нее столько лет исходили все твои действия. Это старая привычка.

Привычки умирают тяжело. Столько лет ты жил в ложной личности, навязанной тебе людьми, которых ты любил, которых ты уважал... и они не делали тебе ничего плохого преднамеренно. Их намерения были добрыми, только их осознанность равнялась нулю. Они не были сознательными людьми – твои родители, твои учителя, твои священники, твои политики, – они

не были сознательными людьми, они были бессознательны. Даже хорошее намерение в руках бессознательного человека превращается в ядовитое.

Поэтому каждый раз, когда ты один... глубокий страх – потому что внезапно ложное начинает исчезать. Для реального потребуется некоторое время, ты потерял его столько лет назад. Тебе придется отдать должное тому факту, что нужно преодолеть промежуток во много лет.

В страхе – что я «теряю себя, чувства, нормальность, ум, все»... потому что понятие о себе, данное тебе другими, состоит из всех этих вещей – это выглядит так, будто ты вот-вот сойдешь с ума. Ты тотчас же начинаешь что-то делать, чтобы удерживать себя занятым. Если нет людей, по крайней мере, какое-то действие, чтобы ложное оставалось занятым и не начало исчезать.

Поэтому люди находят, что в выходные им приходится труднее всего. Пять дней они работают, надеясь, что на выходные смогут расслабиться. Но выходной – это самое худшее время в мире, в выходные случается больше несчастных случаев, больше людей совершает самоубийство; больше убийств, больше изнасилований. Странно... эти люди были заняты пять дней, и не было никаких проблем. Но выходной внезапно дает им выбор: заняться чем-то или расслабиться – но расслабиться страшно; ложная личность исчезает. Оставайся занятым, делай какую угодно глупость. Люди несутся на пляж – бампер к бамперу, пробка на многие мили. А если их спросить, что они делают, – они «хотят отдохнуть от толпы», а толпа всюду вокруг них! Они хотят найти безлюдное, тихое место – все они.

Фактически, если бы они остались дома, это было бы более безлюдным и тихим, потому что все идиоты ушли на поиски безлюдного места. И они несутся, как сумасшедшие, потому что два дня скоро окончатся, им нужно добраться – не спрашивайте, куда!

На пляжах ты увидишь... такое столпотворение, даже на рынке нет такой толпы. И, странное дело, люди чувствуют себя очень расслабленно, загорают. Десять тысяч человек на маленьком пляже – загорают, расслабляются. Никто из этих людей, оставшись один на том же самом пляже, не сможет расслабиться. Но он знает, что тысячи людей расслабляются вокруг него. Одни и те же люди в офисах, те же люди на улицах, те же люди на рынке, те же люди на пляже.

Толпа необходима для существования ложного. В то мгновение, когда ложному одиноко, у тебя начинает ехать крыша. Вот почему человек должен понимать нечто от медитации.

Не беспокойся, потому что то, что исчезает, стоит того, чтобы позволить ему исчезнуть. Бессмысленно за него цепляться – это не твое, это не ты.

Ты един, когда ложное ушло, и на его месте возникает свежее, невинное, незагрязненное. Никто другой не сможет ответить на твой вопрос: «Кто я?» – ты знаешь это.

Все медитационные техники помогают разрушить ложное. Они не дают тебе реального – реальное нельзя дать.

То, что может быть дано, не может быть реальным. Реальное у тебя уже есть; нужно только отнять ложное.

По-другому это можно сказать так: мастер отнимает у тебя те вещи, которых у тебя на самом деле нет, и дает то, что у тебя уже есть.

Медитация – это просто храбрость быть молчаливым и одиноким. Мало-помалу ты начинаешь чувствовать в себе новое качество, новую живость, новую красоту, новый разум – которые ни у кого не заимствованы, которые растут у тебя внутри. Это укоренено в твоём существовании. И если ты не трус, это придет к цветению, урожаю.

Только смелые, храбрые, только люди, у которых есть хребет, могут быть религиозными. Не те, кто ходит в церковь, – это трусы. Не индуисты, не мусульмане, не христиане – они против поиска. Та же самая толпа, они пытаются сделать свои ложные личности более плотными.

Ты родился, ты пришел в мир с жизнью, с сознанием, с безмерной чувствительностью. Посмотри на маленького ребенка – посмотри ему в глаза, эта свежесть... Все это было покрыто ложной личностью.

Не нужно бояться. Ты можешь потерять лишь то, что должно быть потеряно. И хорошо потерять это как можно скорее – потому что, чем дольше оно сохраняется, тем становится сильнее.

Человек ничего не знает о завтра.

Не умирай, не реализовав свое подлинное существо.

Лишь те немногие счастливы, кто прожил жизнь с подлинным существом и кто умер с подлинным существом, потому что они познали жизнь, которая вечна, они познали, что смерть есть вымысел.

Политика численности

В обществе глубоко укоренено ожидание, что ты будешь вести себя, точно как другие. В то мгновение, когда ты ведешь себя немного по-другому, ты становишься чужаком, а люди очень боятся чужаков.

Именно поэтому везде, где два человека сидят рядом: в автобусе, в поезде или просто на автобусной остановке, – они не могут сидеть молча, потому что в молчании они отчуждены. Они тотчас же начинают представляться друг другу: «Кто ты? Куда едешь? Чем занимаешься, каким бизнесом?» Несколько вопросов... они устанавливают, что ты такое же человеческое существо, что и они.

Люди хотят постоянно быть в толпе, к которой подходят. В то мгновение, когда ты начинаешь вести себя по-другому, вся толпа становится подозрительной: что-то не так. Они знают тебя, они видят перемену. Они знали тебя, когда ты не принимал себя, а теперь внезапно видят, что ты принимаешь себя...

В этом обществе никто не принимает себя. Каждый себя осуждает. Это стиль жизни общества: осуждай себя. И если ты не осуждаешь себя, если принимаешь себя, ты выпал из общества. А общество не терпит никого, кто выпадает из его стада, потому что общество живет числами; это политика численности. Когда численность большая, люди чувствуют себя хорошо. Огромные числа заставляют людей чувствовать, что, должно быть, они правы – они не могут ошибаться, миллионы других людей с ними.

А когда они остаются одни, начинает возникать сомнение: «Со мной никого нет. Где гарантия, что я прав?»

Именно поэтому я говорю, что, чтобы быть индивидуальностью в этом мире, нужна огромная храбрость.

Самое бесстрашное основание нужно, чтобы быть индивидуальностью: «Неважно, если даже весь мир против меня. Единственное, что важно, это чтобы мой опыт был подлинным. Я не смотрю на числа, на то, сколько человек на моей стороне. Я смотрю на подлинность моего опыта – повторяю ли я чьи-то слова, как попугай, или источник моих слов лежит в моем собственном опыте. Если это мой собственный опыт, если это часть моей плоти и крови, тогда весь мир может быть на противоположной стороне; все равно я прав, а все они не правы. Это

неважно, мне не нужно их голосование, чтобы почувствовать себя правым. Лишь люди, носящие с собой мнения других, нуждаются в поддержке других».

Но именно так человеческое общество функционировало до сих пор. Именно так тебя удерживают в стаде. Если стаду грустно, тебе должно быть грустно; если стадо несчастно, ты должен быть несчастным. Чем бы ни было стадо, ты должен быть таким же. Отличаться не разрешается, потому что отличия ведут к возникновению индивидуальностей, уникальности, а общество очень боится индивидуальности и уникальности. Это означает, что кто-то стал независимым от толпы, что он ни капли не заботится о толпе. Ваши боги, ваши храмы, ваши священники, ваши писания – все это стало для него бессмысленным.

Теперь у него есть собственное существо и собственный путь, собственный стиль – как жить, как умереть, как праздновать, петь, танцевать. Он пришел домой.

Никто не может прийти домой в толпе. Каждый должен прийти домой один.

Слушай свой «внутренний смысл»

Один мальчик постоянно чесал голову. Отец посмотрел на него однажды и сказал:

– Сынок, почему ты все время чешешь голову?

– Я думаю, – ответил мальчик, – это потому, что только я знаю, что она чешется.

Это внутренний смысл! Только ты знаешь. Никто другой не знает. Снаружи это незаметно. Когда у тебя болит голова, только ты это знаешь, – этого нельзя доказать. Когда ты счастлив, только ты это знаешь, – ты не можешь этого доказать. Ты не можешь выложить это на стол, чтобы все могли увидеть, расчленить, проанализировать.

Фактически, внутренний смысл настолько внутренний, что нельзя даже доказать, что он существует. Именно поэтому наука его отрицает, но это отрицание бесчеловечно. Даже ученый знает, что когда он чувствует любовь, это внутреннее чувство. Что-то в этом *есть*! Это не вещь, не объект, его невозможно показать другим – но все же это *есть*.

Внутренний смысл имеет собственную действенность. Но из-за научного образования люди утратили доверие к своему внутреннему смыслу. Они зависят от других. Ты зависишь до такой степени, что если кто-то говорит: «Ты выглядишь очень счастливым», ты начинаешь чувствовать себя счастливым. Если двадцать человек решат сделать тебя несчастным, они могут сделать тебя несчастным. Они просто должны повторять это целый день – каждый раз, когда ты с ними сталкиваешься, они должны тебе говорить: «Ты выглядишь очень несчастным, очень грустным. Что случилось? У тебя что, кто-то умер?» И ты начнешь подозревать: столько людей говорят, что ты несчастен, должно быть, так это и есть.

Ты зависишь от мнений других. Ты зависишь от мнений других настолько, что потерял ощущение внутреннего смысла. Внутренний смысл нужно открыть заново, потому что все, что красиво, все, что хорошо, все, что божественно, можно ощутить лишь внутренним смыслом.

Перестань поддаваться влиянию других. Вместо этого смотри вовнутрь... Позволь своему внутреннему смыслу говорить с тобой. Доверяй ему. Если ты ему доверяешь, он будет расти. Доверяя ему, ты его питаешь, он становится сильнее.

Вивекананда пришел к Рамакришне и сказал:

– Бога нет! Я могу это доказать – Бога нет.

Он был очень логичным, скептическим человеком, хорошо образованным, хорошо подготовленным в западном философском мышлении. Рамакришна был человек необразованный, неграмотный. И вот Рамакришна сказал:

– Ладно, докажи!

Вивекананда долго говорил, выдавая все доказательства, которые у него были. И Рамакришна выслушал его и сказал:

– Но мой внутренний смысл говорит, что Бог есть, а это последний авторитет. Все, что ты сказал, это аргументация. Что говорит твой внутренний смысл?

Вивекананда даже не думал об этом. Он пожал плечами. Он читал книги, собирал аргументы, доказательства за и против и попытался определить, существует ли Бог, согласно этим доказательствам. Но он не смотрел вовнутрь. Он не спрашивал внутренний смысл.

Это так глупо, но скептический ум *глуп*, логичный ум *глуп*.

Рамакришна сказал:

– Твои аргументы прекрасны, я наслаждался ими. Но что я могу сделать? Я *знаю*! Мой внутренний смысл говорит, что он есть. Точно как мой внутренний смысл говорит, что я счастлив, что я болен, что мне грустно, что у меня болит желудок, что сегодня я плохо себя чувствую, точно так же мой внутренний смысл говорит, что Бог есть. Это не дело дебата.

И Рамакришна сказал:

– Я не могу этого доказать, но, если хочешь, могу показать.

Никто раньше не говорил Вивекананде, что Бога можно показать. И прежде чем он успел что-то сказать, Рамакришна прыгнул – он был диким человеком, он прыгнул и поставил ноги на грудь Вивекананде! И что-то случилось, какая-то энергия перекинулась на него, и Вивекананда впал в транс на три часа. Когда он открыл глаза, он был совершенно другим человеком.

Рамакришна сказал:

– Что ты скажешь теперь? Есть Бог или нет? Что теперь говорит твой внутренний смысл?

Он был в такой безмятежности, в таком спокойствии, которых никогда не испытывал раньше. Внутри у него было такое ликование, такое хорошее самочувствие, бьющее через край... Он склонился, коснулся ног Рамакришны и сказал:

– Да, Бог есть.

Бог – это не личность, но предельное состояние хорошего самочувствия, предельное ощущение бытия дома, предельное чувство: «Я принадлежу этому миру, а этот мир принадлежит мне. Я здесь не чужой, не пришелец». Это предельное чувство – экзистенциальное: «Это целое и я неразделимы». Этот опыт и есть Бог. Но это существование возможно, лишь если ты позволяешь действовать внутреннему смыслу.

Начни позволять! Дай ему как можно больше возможностей. Не ищи авторитетов снаружи, не смотри на внешние мнения. Держи себя немного более независимо. Чувствуй больше, думай меньше.

Иди и смотри на цветок розы, но не повторяй, как попугай: «Она красивая». Это может быть просто мнением, люди тебе это говорили; с самого детства ты слышал: «Цветок розы красивый, это прекрасный цветок». И когда ты видишь розу, ты просто повторяешь, как компьютер: «Она красивая». Действительно ли ты это чувствуешь? Если это не так, не говори этого.

Глядя на Луну, не говори, что она красивая – если только это не твой внутренний смысл. Ты будешь удивлен: девяносто девять процентов того, что ты носишь в уме, заимствованно. И в этих девяноста девяти процентах бесполезного мусора один процент внутреннего смысла теряется, тонет. Отбрось это знание. Обнаружь заново свой внутренний смысл.

Именно через внутренний смысл познается Бог.

Есть шесть чувств: пять снаружи; они говорят тебе о мире. Глаза говорят что-то о свете; без глаз ты не знал бы света. Уши говорят что-то о звуке; без ушей ты не знал бы ничего о

звуке. Есть шестое чувство, внутренний смысл, которое показывает и говорит тебе что-то о тебе и о предельном источнике вещей. Это чувство нужно открыть заново.

Медитация есть не что иное, как обнаружение внутреннего смысла.

Величайший в мире страх – это страх перед мнениями других. В то мгновение, когда ты не боишься толпы, ты больше не овца, ты становишься львом. Великий рев раздается в твоём сердце – рев свободы.

Будда буквально назвал это львиным рыком. Когда человек достигает абсолютного молчания, он рычит, как лев. Впервые он знает, что такое свобода, потому что теперь в нём нет страха перед мнениями других. То, что говорят люди, не имеет значения. Называют ли они тебя святым или грешником – несущественно; твой первый и единственный судья – Бог. И под «Богом» совершенно не подразумевается какой-то человек, Бог просто означает всю вселенную.

Дело не в том, чтобы встретить какого-то человека; тебе придется встретить деревья, реки, горы, звезды – всю вселенную. И это наша вселенная, мы её часть. Не нужно её бояться, не нужно ничего от неё скрывать. Фактически, ты не сможешь ничего от неё скрыть, даже если попытаешься. Целое уже знает, целое знает о тебе больше, чем знаешь ты сам.

И второе, ещё более важное: Бог уже рассудил. Это не то, что произойдет в будущем, это уже случилось: Бог уже рассудил. Пусть даже страх суждения отступит. Нет речи ни о каком Судном Дне в конце мира. Не нужно дрожать. Суждение уже случилось в первый день, и в то мгновение, когда он создал тебя, он уже тем самым тебя осудил. Он знает тебя, ты его создание. Если в тебе что-то не так, он за это ответствен – не ты. Если ты сбиваешься в пути, за это ответствен он – не ты. Как ты можешь быть ответственным? – ты его собственное создание. Если ты рисуешь, и что-то неправильно, ты не можешь сказать, что картина была этому причиной – причиной является художник.

Поэтому не нужно бояться толпы или какого-то воображаемого Бога в конце мира, который спросит тебя, что ты сделал и что не сделал. Он уже осудил – это действительно важно – это уже случилось с тобой, и ты свободен. В то мгновение, когда человек знает, что он совершенно свободен быть самим собой, жизнь приобретает динамическое качество.

Страх создает препоны, свобода дает тебе крылья.

Свобода дает тебе крылья

Я всю жизнь ни во что не вписывался: ни в свою семью, ни в свою религию, ни в свою страну – и я наслаждался, как это только возможно, потому что ни во что не вписываться значит быть индивидуальностью.

Вписываться в установленный режим значит утратить свою индивидуальность. А это весь твой мир.

В то мгновение, когда ты идешь на компромисс и теряешь индивидуальность, ты потерял все. Ты совершил самоубийство. Люди, которые вписываются в мир, это люди, разрушившие себя.

Несомненно, это требует храбрости, безмерно сильного чувства свободы; иначе тебе не выстоять одному против всего мира. Но выстоять одному против всего мира – это начало такой

великой радости, наслаждения и благословения, что те, кто никогда не «выпадал», никогда не смогут этого понять.

Все великие имена в истории человечества были «выпавшими» из своих обществ. Все люди, внесшие вклад в счастье человека и красоту Земли, ни во что не вписывались. Это бесценное качество.

Никогда ни в чем не иди на компромисс. Сам компромисс – это начало разрушения.

Я не имею в виду сказать, что ты должен быть упрямым; если ты видишь, что что-то правильно, иди в это. Но в то мгновение, когда ты понимаешь, что что-то неправильно, даже если весь мир чувствует, что это правильно, это неправильно для тебя. Тогда держи свою позицию – это даст тебе стамину, силу, определенную цельность.

Не вписываться не значит быть эгоистом. Если ты эгоист, рано или поздно ты пойдешь на компромисс. Когда ты найдешь любую группу людей, любое общество, любую страну, которая поможет тебе быть более эгоистичным, ты немедленно вступишь в это общество. Настоящий «невписывающийся» – это скромный человек, вот почему никто не может его поглотить. Он свободен, потому что он свободен от эго.

В моем понимании только люди разума, индивидуальности отвергаются. Люди, которые послушны, у которых нет индивидуальности, никакой свободы выражения, которые никогда ничему не говорят нет, даже против воли, – эти люди добиваются в мире большой респектабельности. Они становятся президентами, они становятся премьер-министрами, они почитаются всеми возможными способами по той простой причине, что они совершили самоубийство. Они больше не живут, они мумифицировались. Как можно вписать живых людей в какой-то образец? Каждая индивидуальность уникальна – зачем вписываться в чью-то чужую форму?

Все несчастье мира может быть объяснено очень просто: каждый был изваян, отлит, собран другими, которые даже не беспокоились о том, кем ему было предназначено быть природой. Они не дали существованию ни малейшего шанса. С того самого мгновения, как ребенок рождается, они начинают его портить – с хорошими намерениями, конечно. Ни один родитель не делает этого сознательно, но таким же образом был обусловлен он сам. Он повторяет то же самое со своими детьми; он больше ничего не знает.

Непослушного ребенка постоянно осуждают. Послушного ребенка, с другой стороны, все время хвалят. Но слышали ли вы хоть об одном послушном ребенке, ставшем знаменитым на весь мир в каком-либо измерении творчества? Слышали ли вы о послушном ребенке, который за что-нибудь получил бы Нобелевскую премию – в литературе, мире, науке? Послушный ребенок становится просто обычной толпой.

Я постоянно жил, ни во что не вписываясь, я наслаждался этим, каждым дюймом, каждой каплей. Это такое красивое путешествие: просто быть самим собой.

Свобода от, свобода для

Никогда не мысли в терминах свободы *от*; пусть свобода всегда будет *для*. И разница безгранична, огромна. Не мысли в терминах «от» – пусть будет «для». Будь свободным для Бога, будь свободным для истины, но не думай, что ты хочешь быть свободным от толпы, свободным от церкви, свободным от того или другого. Ты, может быть, сможешь однажды уйти в сторону, но никогда не будешь свободным, никогда. Это будет какого-то рода подавление.

Почему ты так боишься толпы?.. Если есть притяжение... твой страх просто показывает притяжение, влечение. Куда бы ты ни пошел, ты всегда останешься под властью толпы.

Вот что я хочу сказать: просто посмотри на факты – нет необходимости мыслить в терминах толпы. Просто мысли в терминах своего существа. Это можно отбросить прямо сейчас. Ты не можешь быть свободным, если борешься. Ты можешь это отбросить, потому что нет смысла бороться.

Проблема не в толпе, проблема – это ты. Толпа не тянет тебя – ты тянешь, никто другой, только твоя собственная бессознательная обусловленность. Всегда помни, не перекладывай ответственность ни на кого другого, потому что тогда ты никогда от этого не освободишься. Глубоко внутри это твоя собственная ответственность. Чем тебе так досадила толпа? Бедная толпа! Почему ты должен так ее осуждать? Зачем носить в себе такую рану?

Толпа ничего не может сделать, если ты с ней не сотрудничаешь. Поэтому все дело в твоём сотрудничестве. Ты можешь отбросить сотрудничество прямо сейчас, просто взять и отбросить. Если ты приложишь к этому какое-то усилие, это создаст проблемы. Сделай это немедленно. Просто в это мгновение... спонтанное понимание, – если ты видишь суть, – что, борясь, ты сражаешься в проигранной битве. Самой борьбой ты подчеркиваешь толпу.

Именно это происходит с миллионами людей. Кто-то хочет бежать от женщин – в Индии это делалось веками. Тогда люди увязают в этом все больше и больше. Они хотят избавиться от секса, и весь их ум становится сексуальным: они думают только о сексе и ни о чем больше. Они постятся, они не спят; они делают ту или другую *пранаяму*, йогу и тысячу и одну вещь – все это чепуха. Чем больше они борются с сексом, тем более его себе навязывают, тем более концентрируются на нем. Он становится значительным, непропорционально значительным.

Именно это случилось в христианских монастырях. Они стали такими подавленными, просто испуганными. То же самое случится с тобой, если ты слишком боишься толпы. Толпа ничего не может сделать, если ты не сотрудничаешь; все дело за твоей бдительностью. Не сотрудничай!

Вот мое наблюдение: что бы ни случилось с тобой, ты за это ответствен. Никто другой не делает этого с тобой. Ты хотел, чтобы это с тобой сделали, поэтому это сделали. Кто-то эксплуатирует тебя, потому что ты хочешь, чтобы тебя эксплуатировали. Кто-то заключает тебя в тюрьму, потому что ты хочешь быть заключенным. В этом должен быть какой-то поиск. Может быть, ты привык называть это защищенностью. Имена могут быть разными, этикетки могут быть разными, но ты жаждешь быть заключенным, потому что тюрьма безопасна, в ней нет ни малейшей незащищенности.

Но не борись с тюремными стенами. Смотри вовнутрь. Найди эту жажду безопасности, установи, как толпа манипулирует тобой. Наверное, ты чего-то просишь у толпы – признания, почта, уважения, респектабельности. Если ты чего-то просишь у толпы, ты должен ей отплатить. Тогда толпа говорит:

– Ладно, мы дадим тебе уважение, а ты дай нам свою свободу.

Это простая сделка. Но толпа никогда ничего с тобой не делала – все дело в тебе. Так уйди со своей дороги!

Найди свое оригинальное лицо

Просто будь тем, кто ты есть, и не заботься ни капли о мире. Тогда ты почувствуешь безмерное расслабление и глубокий мир в сердце. Вот что люди дзэн называют «оригинальным лицом» – в расслаблении, без напряжений, без притворства, без лицемерия, без так называемых дисциплин в поведении.

И помни, оригинальное лицо – это красивое поэтическое выражение, но это не значит, что твое лицо будет другим. То же самое лицо утратит напряжение, то же самое лицо будет расслабленным, то же самое лицо будет не-судящим, то же самое лицо не будет считать других низшими. То же самое лицо с этими ценностями будет твоим оригинальным лицом.

Есть древняя поговорка:

Многие герои – это люди, которым не хватило храбрости быть трусами.

Если ты трус, что в этом плохого? Если ты трус – все в полном порядке. Трусые тоже нужны, иначе откуда возьмутся герои? Это абсолютно необходимый фон для создания героев.

Просто будь самим собой, кем бы ты ни был.

Проблема в том, что никто раньше не говорил тебе быть собой. Каждый сует в тебя свой нос, говоря, что ты должен быть таким-то и таким-то – даже в обычных вещах.

В моей школе... Я был просто маленьким мальчиком, но я ненавидел, когда мне говорили, каким я должен быть. Учителя стали подкупать меня: «Если будешь хорошо себя вести, станешь гением».

Я сказал:

– К черту гениев – я просто хочу быть собой.

Я сидел, положив ноги на парту, и каждый учитель чувствовал себя обиженным. Они говорили:

– Что это за поведение?

– Стол мне ничего не говорит, – говорил я. – Это личное дело между мной и столом, почему ты выглядишь таким рассерженным? Я же не кладу ноги тебе на голову! Ты должен расслабиться, так же, как расслабляюсь я. В такой позе мне легче понимать тот вздор, которому ты меня учишь.

Как раз напротив моей парты было прекрасное окно, в котором видно было деревья и кукушек. В основном я смотрел в окно, и учитель подходил и говорил:

– Зачем ты вообще ходишь в школу?

– Потому дома нету такого окна, – говорил я, – в котором видно целое небо. И вокруг моего дома не летают кукушки, нет никаких птиц. Дом находится в городе, и другие дома окружают его так плотно, что туда не залетают птицы, и кукушки не чувствуют, что эти люди стоят того, чтобы благословить их своими песнями.

Забудь о том, что я пришел сюда тебя слушать! Я просто плачу за вход, ты просто слуга и должен это помнить. Если я провалюсь на экзамене, я не приду к тебе жаловаться; если я провалюсь, мне не будет грустно. Но если целый год я должен притворяться, что я тебя слушаю, тогда как на самом деле я слушаю кукушек за окном, это будет началом лицемерной жизни. А я не хочу быть лицемером.

В каждой мелочи учителя и профессора хотели, чтобы все было по установленному образцу. В моей школе в то время и, может быть, даже сегодня нужно было носить шапку. Я ничего не имею против шапок; с тех пор, как я оставил университет, я стал носить шапки, но я никогда их не носил до университета. Первый же учитель, который обеспокоился обо мне, сказал:

– Ты нарушаешь дисциплину школы. Где твоя шапка?

– Принеси кодекс поведения школы, – сказал я. – Упоминается ли где-нибудь, что каждый мальчик должен ходить в шапке? И если нет, это значит, что ты навязываешь нечто противоречащее кодексу школы.

Он привел меня к директору школы, и я сказал директору:

– Я готов, просто покажи мне, где написано, что ношение шапки обязательно. Если это обязательно, я могу бросить школу, но дайте мне увидеть, где это написано.

Ничего нигде написано не было, и я сказал:

– Можете ли вы привести мне какие-либо разумные аргументы в пользу ношения шапки? Повысит ли это мой разум? Удлинит ли мою жизнь? Улучшит ли мое здоровье, даст ли больше понимания? Насколько я знаю, Бенгал – это единственная провинция в Индии, в которой не носят шапок, и это самая разумная часть страны. В Пенджабе все наоборот. Там вместо шапок люди носят тюрбаны – такие большие тюрбаны, как будто их разум убегает, а они пытаются его удержать. И это самая глупая часть страны.

Директор сказал:

– Кажется, в том, что ты говоришь, есть смысл, но это школьная дисциплина. Если ты перестанешь носить шапку, перестанут и другие.

– Тогда чего бояться? – сказал я. – Отбросьте всю эту традицию.

Никто не хочет позволить тебе быть собой даже в вещах, которые абсолютно не важны.

В детстве я обычно носил длинные волосы. И я часто приходил в магазин моего отца, потому что магазин и дом были соединены. Дом был за магазином, и было абсолютно необходимо через него пройти. Люди спрашивали:

– Чья это девочка? – потому что у меня были такие длинные волосы, и они не могли себе представить, чтобы у мальчика были такие длинные волосы.

Моему отцу было очень стыдно, и он смущался, когда говорил:

– Это мальчик.

– Но, – говорили они, – зачем тогда эти волосы?

Однажды – что было не в его характере – он так смутился и разозлился, что пришел и остриг мне волосы своими руками. Он принес ножницы, которыми резал ткань в магазине, и остриг мне волосы. Я ничего ему не сказал – он был удивлен. Он сказал:

– Ты ничего не скажешь?

– Я скажу по-своему, – ответил я.

– Что ты имеешь в виду?

– Увидишь, – сказал я.

И я пошел к парикмахеру, потребляющему опиум, который работал как раз напротив нашего дома. Он был единственным человеком, которого я уважал. Парикмахерских был целый ряд, но я любил именно этого старика. В нем было редкостное своеобразие, и он любил меня; часами мы разговаривали друг с другом. Он нес такую чушь! Однажды он сказал мне:

– Если все «сидящие» на опиуме организуют политическую партию, мы можем захватить власть в стране!

– Хорошая мысль, – ответил я.

– Но, – говорил он, – поскольку мы не можем жить без опиума, я сам постоянно забываю собственную идею.

– Не беспокойся, – говорил я. – Я здесь, и я не забуду. Только скажи мне, какие перемены ты хочешь произвести в стране, какого рода политическую идеологию ты хочешь ввести, и я это устрою.

И вот я пришел к нему и сказал:

– Просто побрей меня наголо.

В Индии голова бреется наголо, только когда умирает отец. На мгновение опиумист пришел в чувство. Он сказал:

– Что случилось? Твой отец умер?

– Не беспокойся об этом, – сказал я. – Делай, что я тебе говорю; это не твоя забота! Просто побрей мне голову, побрей меня наголо.

Он сказал:

– Сказано – сделано. Нет ничего проще. Я постоянно вляпываюсь в проблемы. Люди говорят побрить им бороду, а я брею им голову. Они говорят: «Что ты наделал?» А я говорю: «Самое большее, что я могу предложить, это не платить за это, – в чем проблема?»

Я сидел в его магазине, потому что там все время происходило что-то абсурдное. Он мог сбрить человеку половину усов и сказать: «Подожди, я вспомнил, что должен сделать срочную работу». И человек говорил: «Но я застрял в твоём кресле с половиной усов на лице. Я не могу выйти из парикмахерской!» Он говорил: «Просто обожди здесь».

Проходили часы, и этот человек сидел и сидел... «Что за идиот этот парикмахер?»

Однажды мне пришлось помочь одному человеку сбрить половину усов. Я сказал:

– Теперь ты свободен. Просто никогда больше не ходи сюда бриться... потому что этот человек не имеет в виду никакого вреда, он просто ничего не помнит.

И вот этот парикмахер сказал:

– Правильно. Это не моя забота. Если он умер, значит умер.

Он побрил мне голову наголо, и я пришел домой. Я прошел через магазин. Мой отец посмотрел, его покупатели посмотрели. Они сказали:

– Что случилось? Чей это мальчик? У него умер отец.

– Это мой мальчик, и я жив! – сказал мой отец. – Но я так и знал, что он что-то вытворит.

Он хорошо мне отплатил.

Куда бы я ни пришел, люди спрашивали:

– Что случилось? Он был совершенно здоров.

Я говорил:

– Человек может умереть в любом возрасте. Почему вы беспокоитесь о нем, а не о моих волосах?

Это было последним, что когда-либо сделал со мной мой отец, потому что он знал, что ответ может быть гораздо более опасным! Напротив, он принес специальное масло, которое способствует росту волос. Это было очень дорогое масло, которое делают в Бенгале из определенного цветка – *джавакусума*. Оно очень дорогое, редкое, и им пользуются только очень богатые люди – и не мужчины, а женщины, чтобы волосы были как можно длиннее. В Бенгале я видел женщин, волосы которых касались земли – пять, шесть футов длиной. Это масло очень сильно воздействует на рост волос.

Я сказал:

– Теперь ты понимаешь.

– Я понял, – сказал он. – Скорее намажься этим маслом, и через несколько месяцев твои волосы отрастут.

– Ты сам создал всю эту заваруху, – сказал я. – Чем было смущаться? Ты мог бы говорить: «Это моя девочка». У меня нет никаких возражений. Но ты не должен был вмешиваться в мою жизнь. Это было насильственно, это было просто варварство. Вместо того чтобы что-то мне сказать, ты начал стричь мне волосы. Никто никому не позволяет просто быть самим собой. И ты впитал эти идеи так глубоко, что кажется, что эти идеи твои. Просто расслабься. Забудь все эти обусловленности, отбрось их, как сухие листья падают с деревьев. Лучше быть голым деревом без всяких листьев, чем иметь пластмассовые листья, пластмассовую крону и пластмассовые цветы; это уродливо.

Оригинальное лицо просто означает, что тобой не движут никакого рода мораль, религия, общество, родители, учителя, священники, что тобой никто не помыкает. Просто живя жизнь согласно своему внутреннему смыслу – у тебя есть здравый смысл, – ты получишь оригинальное лицо.

Радость жить опасно

Храбрые идут напропалую. Они ищут опасных возможностей. Их жизненная философия – не философия страховой компании. Их жизненная философия – философия скалолаза, каскадера, серфера. И не только снаружи они скользят по волнам, но и во внутренних морях. И не только снаружи они взбираются на вершины Альп и Гималаев; ищут они и внутренних вершин.

Жить опасно значит жить. Если ты не живешь опасно, ты вообще не живешь. Жизнь расцветает только в опасности. Жизнь никогда не цветет в защищенности; она цветет только в незащищенности.

Окружая себя защитой, ты становишься застойным водоемом. Тогда твоя энергия больше не движется. Тогда ты боишься... потому что человек никогда не знает, как идти в неизвестное. И зачем рисковать? Известное безопаснее. Тогда ты становишься одержимым знакомым. Оно тебе постоянно надоедает до смерти, тебе в нем скучно, ты в нем несчастен, но все же оно кажется знакомым и удобным. По крайней мере, оно знакомо. От незнакомого тебя бросает в дрожь. Одной идеи незнакомого достаточно, чтобы ты начал чувствовать, что ты в опасности.

В мире есть два типа людей. Люди, которые хотят жить удобно, – они ищут смерти, они хотят лечь в комфортабельную могилу. А есть люди, которые хотят жить, – они выбирают жить опасно, потому что жизнь бьет ключом, только когда есть риск.

Взбирался ли ты когда-нибудь на вершину горы? Чем выше ты поднимаешься, тем свежее себя чувствуешь, тем моложе. Чем больше опасность падения, чем глубже бездна рядом с тобой, тем более ты живой... между жизнью и смертью, когда ты просто висишь между жизнью и смертью. Тогда нет никакой скуки, тогда нет никакой пыли прошлого, никакого желания будущего. Тогда настоящее мгновение очень остро, подобно пламени. Этого достаточно – ты живешь в здесь и сейчас.

Или серфинг... спуск на горных лыжах, полет на парашюте – где бы ни был риск потерять жизнь, есть и безмерная радость, потому что риск потерять жизнь делает тебя невероятно живым. Поэтому людей так привлекают опасные виды спорта.

Люди постоянно идут в горы... Кто-то спросил Эдмунда Хиллари:

– Почему ты попытался взобраться на Эверест? Почему?

И Хиллари сказал:

– Просто потому что он есть – постоянный вызов.

Это было рискованно, многие люди погибли, пытаясь это сделать. Почти шестьдесят, семьдесят лет группы людей совершали попытки – и это была почти верная смерть, но все же люди шли на это. Что было так привлекательно?

Забираясь выше, отходя дальше от проторенной, рутинной жизни, ты становишься диким, ты снова становишься частью животного мира. Ты снова живешь, как тигр, как лев или как река. Ты снова паришь в небе, как птица, выше и выше. И в каждое мгновение безопасность, счет в банке, жена, муж, семья, общество, церковь, респектабельность... все это бледнеет и становится дальше и дальше. Ты оказываешься один.

Именно поэтому людей так увлекает спорт. Но и это не реальная опасность, потому что ты можешь стать очень, очень искусным. Ты можешь этому научиться, ты можешь натренироваться. Это очень расчетливый риск – позвольте мне так выразиться, расчетливый риск. Ты

можешь научиться альпинизму и принять все меры предосторожности. Или, ведя машину на высокой скорости – ты можешь ехать со скоростью сто миль в час, и это опасно, это приводит в трепет. Но ты можешь стать в этом очень искусным, и опасность будет только видимостью для посторонних; не для тебя. Если есть риск, то только номинальный. К тому же это только физический риск, вовлечено только тело.

Когда я говорю тебе: живи опасно, я имею в виду не только телесный риск, но и психологический, и, в конце концов, духовный риск. Религиозность – это духовный риск. Это значит идти к таким высотам, откуда может не быть возврата. В этом смысл термина Будды – *анагамин* – тот, кто никогда не возвращается. Это значит подняться на такую высоту, в точку, откуда нет возврата... человек просто теряется. Он никогда не возвращается обратно.

Когда я говорю: живи опасно, я имею в виду, не живи жизнью обычной респектабельности, не становись мэром города или членом корпорации. Это не жизнь. Или, если ты министр, или у тебя хорошая профессия, ты хорошо зарабатываешь, деньги накапливаются на счету, и все идет прекрасно. Когда все совершенно прекрасно, просто увидь это – ты умираешь, и ничего не происходит. Люди, может быть, уважают тебя, и когда ты умрешь, за твоим гробом пойдет большая процессия. Хорошо, вот и все, и в газетах напечатают твои фотографии, и статьи о тебе напишут на передовицах, и люди забудут о тебе. А ты прожил всю жизнь только ради этих вещей.

Наблюдай – человек может пропустить всю жизнь за обычными, рутинными вещами. Быть духовным значит понимать, что этим небольшим вещам не стоит придавать слишком много важности. Я не говорю, что они бессмысленны. Я говорю, что они осмысленны, но не настолько, как тебе кажется.

Деньги нужны. Это потребность. Дом, несомненно, нужен. Это потребность. Я не аскет и не говорю вам разрушить свои дома и бежать в Гималаи. Дом нужен – но дом нужен для тебя. Не понимай это неправильно.

Насколько я вижу людей, все стоит вверх тормашками. Они существуют так, словно они нужны для дома. Они продолжают работать для дома. Как будто они нужны для счета в банке – они просто продолжают собирать деньги и в конце концов умирают. А они никогда не жили. Они не испытали ни единого мгновения пульсирующей, бурлящей жизни. Они были заключенными в защищенности, знакомом, респектабельном.

Тогда, если тебе скучно, это естественно. Люди приходят ко мне и говорят, что чувствуют, что им скучно. Они чувствуют, что им надоело, что они застряли, что делать? Они думают, что, просто повторяя мантру, они станут живыми. Это не так просто. Им придется изменить весь жизненный образец.

Люби, но не думай, что завтра женщина будет тебе доступна. Не ожидай. Не низводи женщину до жены. Тогда ты живешь опасно. Не низводи мужчину до мужа, потому что муж – это уродливо. Пусть твой мужчина будет твоим мужчиной, а твоя женщина – твоей женщиной, но не делай завтрашний день предсказуемым. Ничего не ожидай, и будь готов ко всему. Именно это я подразумеваю, когда говорю жить опасно.

Что нам делать? Мы влюбляемся в женщину и тут же бежим в суд, в регистрационное бюро, в церковь, чтобы пожениться. Я не говорю не жениться. Это формальность. Хорошо, удовлетвори общество, но в глубине своего ума не владей женщиной. Никогда, ни на мгновение не говори: «Ты мне принадлежишь». Потому что как человек может тебе принадлежать? И когда ты начинаешь владеть женщиной, она начинает владеть тобой. Но вы оба больше не в любви. Вы просто давите и убиваете друг друга, парализуете друг друга.

Люби, но не позволяй своей любви деградировать до брака. Работай – работа нужна, но не позволяй работе стать твоей единственной жизнью. Игра должна оставаться в твоей жизни, быть центром твоей жизни. Работа должна быть средством к этой игре. Работай в офисе, рабо-

тай на фабрике, работай в магазине, но только чтобы было время, возможность играть. Не позволяй жизни быть низведенной до рабочей рутины – пусть целью будет игра!

Игра означает делать что-нибудь просто ради самого этого. Если ты наслаждаешься большим количеством вещей ради них самих, ты будешь более живым. Конечно, твоя жизнь всегда будет в опасности, в риске. Но именно такой и должна быть жизнь. Риск – это ее часть. Фактически, лучшая ее часть – это риск, самая лучшая. Самая красивая часть – это риск. Это риск в каждое мгновение. Ты можешь не осознавать... Ты вдыхаешь, выдыхаешь – это риск. Даже в выдохе – кто знает, войдет ли вовнутрь следующее дыхание? Это не определено, не гарантировано.

Но есть некоторые люди, религия которых – безопасность. Даже если они говорят о Боге, они говорят о Боге как о высшей безопасности. Если они и думают о Боге, то лишь потому, что боятся. Если они и идут молиться и медитировать, то лишь затем, чтобы оставаться «на хорошем счету» – в хорошем списке Бога: «Если есть Бог, он узнает, что я регулярно ходил в церковь, регулярно поклонялся. Я могу в этом присягнуть». Даже их молитва – только средство.

Жить опасно значит жить жизнь, как будто каждое мгновение – это окончание. Каждое мгновение имеет внутреннюю ценность, и ты не боишься. Ты знаешь, что есть смерть, принимаешь тот факт, что есть смерть, и не имеешь ничего против смерти. Фактически, ты идешь и встречаешь смерть лицом к лицу. Ты наслаждаешься этими мгновениями встречи со смертью – физически, психологически, духовно.

Наслаждаясь этими мгновениями, ты приходишь в прямой контакт со смертью – когда смерть становится почти реальностью – вот что я подразумеваю, когда говорю жить опасно.

Храбрые идут напропалую. Они ищут опасных возможностей. Их жизненная философия – не философия страховой компании. Их жизненная философия – философия скалолаза, каскадера, серфера. И не только снаружи они скользят по волнам, но и во внутренних морях. И не только снаружи они взбираются на вершины Альп и Гималаев; ищут они и внутренних вершин.

Но помни одно: никогда не забывай искусство рисковать – никогда, никогда. Всегда оставайся способным рисковать. Где бы ты ни нашел возможность рискнуть, никогда не упускай ее, и ты никогда не будешь в проигрыше. Риск – это единственная гарантия того, что ты будешь действительно жив.

Что бы ты ни делал, жизнь – это тайна

Уму довольно трудно принять, что есть нечто необъяснимое. Ум полон безумного стремления все объяснить... если не объяснить, то, по крайней мере, отмахнуться! Все, что остается загадкой, парадоксом, продолжает беспокоить ум.

Вся история философии, религии, науки, математики имеет один и тот же корень, один и тот же ум – один и тот же зуд. Ты можешь почесаться определенным образом; кто-то другой сделает это по-другому... но этот зуд нужно понять. Этот зуд – верование, что существование не таинственно. Ум может чувствовать себя, как дома, только если существование разъяснено.

Религия сделала это, создав Бога, Святого Духа, Единородного сына; разные религии делали разные вещи. Это их способы закрыть не закрываемые прорехи; что бы ты ни сделал, прореха сохраняется. Фактически, чем больше ты ее покрываешь, тем более она подчеркнута. Само твое усилие показывает страх, что кто-то увидит это прореху.

Когда я был ребенком, это происходило каждый день, потому что я любил лазать по деревьям, и чем выше было дерево, тем больше это приносило радости. И, естественно, много раз я падал с деревьев; у меня до сих пор шрамы от этих царапин где-то на ногах и на коленях. Поскольку каждый день я лазал по деревьям, моя одежда постоянно была порвана. И моя мать говорила:

– Не иди гулять с этой дыркой. Позволь мне ее заштопать.

– Нет, – говорил я, – не нужно штопать.

– Но люди подумают... ты сын лучшего торговца одеждой в городе, но все время бродишь по всему городу в порванной одежде, и никто о ней не заботится.

– Если ты ее заштопаешь, – говорил я, – она станет уродливой. Прямо сейчас все видят, что дыра свежая. Я не вышел из дому с этой дырой. Она свежая, я просто упал с дерева. Но с твоей заплатой она будет выглядеть, как старая вещь, которую я выдаю за новую. Твоя заплатка заставит меня выглядеть бедным, а моя разорванная рубашка заставляет меня выглядеть храбрым. Не волнуйся об этом. И каждому, кто мне что-то скажет, я могу бросить вызов: «Можешь пойти со мной к этому дереву, и если у тебя получится не упасть, только тогда у тебя будет право что-то сказать».

В Индии есть некоторые деревья, которые очень мягкие и легко ломаются. Одно из них называется *джамун*. У джамуна очень сладкие плоды, но это дерево вырастает очень высоким и очень слабым; его ветки могут сломаться в любой момент. И если не забраться достаточно высоко, нельзя получить самые лучшие фрукты, потому что те, что росли снизу, уже сорвали люди низшего качества – те, кто не осмелился подняться выше десяти футов.

Если тебе хватит храбрости подняться на тридцать футов, там растут действительно сочные фрукты. Они сохраняются для тех, у кого есть храбрость. Но оттуда падение почти гарантировано. С этим ничего нельзя сделать, это не в твоих руках. Небольшой ветер... Ты можешь оказаться внизу очень быстро; целая ветка отламывается от дерева, и прежде чем ты что-нибудь можешь сделать, ты уже на земле.

Но моя мать никогда не могла понять мою идею. Я пытался ей объяснить:

– Это очень просто. Если ты не зашила мне рубашку, это просто значит, что разрыв свежий; это случилось только что. Но если рубашка зашита – это, несомненно, показывает, что дыра не свежая; ты вышел из дому в зашитой рубашке. Она выделяется больше, а я не хочу, чтобы меня считали бедным.

Она говорила:

– Я не могу понять, что у тебя за ум, потому что все остальные в доме... когда у кого-то рвется рубашка или отрываются пуговицы, они приходят ко мне и говорят: «Мне нужно идти – сначала зашей дыру». Ты единственный... Я сама прихожу к тебе, и все же ты не хочешь, чтобы дыра была зашита.

– Нет, дело не в том, зашита ли дыра. Если хочешь, дай мне другую рубашку, я согласен. Зашитую рубашку я не буду носить. Если она останется незашитой, я буду носить ее целый год; нет никаких проблем, потому что дыра всегда свежая. Я могу всегда сказать, что только что упал с дерева.

Вся история ума, в разных его ветвях, делала эту штопку – особенно в математике, потому что математика – это в чистом виде умственная игра. Есть математики, которые думают, что это не так, точно так же, как есть теологи, которые думают, что Бог – это реальность. Бог – это только идея. И если бы у лошадей были идеи, их Бог был бы лошадью. Можно сказать с полной уверенностью, что он не был бы человеком, потому что человек был так жесток к лошадям, что его они могут воспринять только как дьявола, не Бога. Но тогда у любого животного будет свое представление о Боге, точно так же, как свое представление о Боге у каждого человеческого существа.

Идеи становятся заменителями, когда жизнь таинственна, и ты находишь, что прореха не может быть заполнена реальностью. Ты заполняешь эти прорехи идеями; по крайней мере, ты чувствуешь удовлетворение от того, что жизнь понята.

Думал ли ты когда-нибудь о слове «понимать»? Оно означает то, что «стоит под тобой». Странно, что это слово мало-помалу приняло значение, далекое от первоначального, – все, что ты можешь заставить стоять под собой, под твоим большим пальцем, под твоей властью, под твоим каблуком; то, чему ты хозяин.

Люди пытались понять жизнь таким же образом, чтобы они могли бросить жизнь себе под ноги и объявить:

– Мы хозяева. Теперь нет ничего такого, чего мы не понимаем.

Но это невозможно. Что бы ты ни делал, жизнь – это тайна, и она останется тайной.

Запредельное есть во всем. Мы окружены запредельным. Это запредельное есть Бог; в это запредельное нужно проникнуть. Оно внутри, оно снаружи; оно всегда здесь. И если ты забываешь о нем... как мы обычно делаем, потому что очень некомфортно, неудобно смотреть в запредельное. Так человек, заглядывая в бездну, начинает дрожать, ему становится плохо. Само осознание бездны заставляет тебя дрожать. Никто не смотрит в бездну; мы продолжаем смотреть в другие стороны, мы продолжаем избегать реального. Реальное *подобно* бездне, потому что реальное – это великая пустота. Это бесконечное небо без границ. Будда говорит: *дурангама* – быть доступным запредельному. Никогда не оставайся скованным границами, всегда нарушай границы. Создай границы, если они тебе нужны, но всегда помни, что должен из них выйти. Никогда не создавай тюрьму.

Мы создаем все возможные тюрьмы: отношения, верование, религия – все это тюрьмы. Человек чувствует себя уютно, когда не дуют никакие дикие ветры. Он чувствует себя защищенным – хотя защищенность ложна, потому что смерть придет и утащит тебя в запредельное. Прежде чем придет смерть и утащит тебя в запредельное, войди в него сам.

История.

Дзэнский монах собирался умереть. Он был очень стар, ему было девяносто лет. Внезапно он открыл глаза и спросил:

– Где мои туфли?

Ученик сказал:

– Куда ты? Ты что, сошел с ума? Ты умираешь, и доктор сказал, что надежды больше нет; осталось несколько минут.

– Именно поэтому я прошу туфли: я хотел бы пойти на кладбище, потому что я не хочу, чтобы меня тащили. Я пойду сам и встречу смерть там. Я не хочу, чтобы меня тащили. Ты меня знаешь – я никогда ни на кого не опирался. Это будет очень уродливым: четыре человека меня понесут... Нет.

Он пришел на кладбище. Больше того, он выкопал себе могилу, лег в нее и умер. Такая храбрость принять неизвестное, такая храбрость пойти самому и приветствовать запредельное! Тогда смерть трансформирована, тогда смерть больше не смерть.

Такой храбрый человек никогда не умирает; смерть побеждена. Такой храбрый человек выходит за пределы смерти. Для того, кто сам идет к запредельному, нет ничего подобного смерти. Тогда запредельное становится приветствием. Если ты приветствуешь запредельное, запредельное приветствует тебя; запредельное всегда отзывается на тебя эхом.

Жизнь всегда в диких просторах

Эго окружает тебя стеной. Оно убеждает тебя, что, окружив тебя таким образом, оно тебя защитит. Это соблазн эго. Оно продолжает снова и снова тебе говорить:

– Если меня не будет, ты будешь незащищен, ты будешь слишком уязвим, это будет слишком рискованно. Поэтому позволь мне тебя ограждать, позволь мне окружить тебя.

Да, эго дает определенную защиту, но эта стена становится и твоей тюрьмой. Есть определенная защита, иначе никто не страдал бы от несчастья, приносимого эго. Есть определенная защита, которая защищает тебя от врагов, но тогда она защищает тебя и от друзей.

Точно так же ты закрываешь дверь и прячешься за ней, потому что боишься врага. Тогда приходит друг, но дверь закрыта, и он не может войти. Если ты слишком боишься врага, не сможет войти в тебя и друг. А если ты откроешь дверь другу, есть риск, что может войти и враг.

Человек должен глубоко над этим задуматься, это одна из величайших проблем жизни. Только очень храбрые люди решают ее правильно, остальные становятся трусами и прячутся, и вся их жизнь пропадает.

Жизнь рискованна, в смерти риска нет. Умри, и тогда у тебя не будет проблем, и никто тебя не убьет, потому что как можно убить того, кто уже мертв? Войди в могилу, и пусть с тобой будет покончено! Тогда не будет ни болезней, ни тревог, ни каких-либо проблем – ты покончишь со всеми проблемами.

Но если ты живой, проблем миллионы. Чем более человек живой, тем больше у него проблем. Но в этом нет ничего плохого, потому что, именно борясь с проблемами, встречая вызов, ты растешь.

Эго – это тонкая стена вокруг тебя. Она никому не позволяет войти в тебя. Ты чувствуешь себя защищенным, в безопасности, но эта безопасность подобна смерти. Это безопасность растения внутри семени. Растение боится, потому что – кто знает? – мир так опасен, а растение так мягко, так хрупко. За стеной семени, прячась за скорлупой, все защищено.

Или представь себе маленького ребенка в чреве матери. Все есть, каждая потребность ребенка моментально удовлетворена. Нет ни тревоги, ни борьбы, ни будущего. Ребенок просто живет блаженно. Каждая потребность ребенка удовлетворена матерью.

Но хотел бы ты всегда оставаться в чреве матери? Там ты был полностью защищен. Если бы тебе был дан выбор, выбрал бы ты всегда оставаться в чреве матери? Это очень удобно, возможно ли большее удобство? Ученые говорят, что мы еще не смогли создать ситуацию, более комфортную, чем утроба. Утроба кажется последним, предельным словом в комфорте. Так комфортно – ни тревоги, ни проблем, ни необходимости работать. Сущее существование. И все автоматически поставляется – возникает потребность, и она немедленно удовлетворена. Не нужно даже беспокоиться о том, чтобы дышать, – мать дышит за ребенка. Не нужно беспокоиться о еде – мать ест за ребенка.

Но хотел бы ты оставаться в утробе матери вечно? Это удобно, но это не жизнь. Жизнь всегда в диких просторах. Жизнь всегда снаружи.

Английское слово «экстаз» очень, очень значительно. Оно означает: стоять снаружи. Экстаз значит выбраться – из скорлупы, из всех защит, из эго и удобств, из всех подобных смерти

стен. Быть экстатичным значит выбраться, быть свободным, быть движущимся, быть процессом, быть уязвимым, чтобы ветры могли прийти и пройти через тебя.

У нас есть выражение, иногда мы говорим: «Этот опыт был выдающимся». Именно это в точности значение экстаза: стоять снаружи.

Когда семя лопается и скрытый за ним свет начинает проявляться, когда ребенок рождается и оставляет позади утробу со всеми ее удобствами и движется в неизвестный мир, – это экстаз. Когда птица вылупляется из яйца и летит в небо, это экстаз.

Эго – это яйцо, и тебе придется из него вылупиться. Будь экстатичным! Выберись из всех защит, скорлуп и оград. Тогда ты снова достигнешь более широкого мира, безграничного, бесконечного. Только тогда ты живешь, и живешь изобильно.

Но страх калечит тебя. Ребенок, прежде чем выбраться из утробы, наверное, тоже колеблется, выходить или нет. Быть или не быть? Наверное, он делает шаг вперед и шаг назад. Может быть, именно поэтому мать проходит через такую боль. Ребенок колеблется, ребенок еще не готов быть экстатичным. Прошлые тянут его назад, будущее зовет вперед, и ребенок разделен.

Это стена нерешительности, цепляние за прошлое, цепляние за эго. И ты носишь ее с собой всюду. Иногда, в редкие мгновения, когда ты очень живой и бдительный, ты сможешь ее увидеть. Иначе, хотя это и очень прозрачная стена, ты не сможешь ее увидеть. Человеку приходится жить всю жизнь – и не одну, много жизней, не осознавая, что он живет в камере, закрытой со всех сторон, лишенной окон, которую Лейбниц назвал «монадой». Ни дверей, ни окон, просто закрытое пространство – но оно прозрачно, обнесено стеклянной стеной.

Это эго должно быть отброшено. Человек должен набраться храбрости и разбить его об пол. Люди продолжают его питать миллионами способов, не зная, что питают собственный ад.

Миссис Кохрэн стояла у гроба своего покойного мужа. Рядом с ней стоял их сын. Скорбящие, один за другим, проходили мимо и прощались с покойным.

– Ему больше не больно, – сказала миссис Крой. – От чего он умер?

– Бедняга, – сказала миссис Кохрэн, – он умер от гонореи!

Другая женщина воззрилась на труп.

– У него уже нет тревог, – сказала она. – От чего он умер?

– Он умер от гонореи! – сказал вдова.

Внезапно сын потянул ее за рукав в сторону.

– Мама, – сказал он, – ужасно говорить такие вещи о папе. Он умер не от гонореи! Он умер от геморроя.

– Я знаю, – сказала миссис Кохрэн. – Но лучше пусть они думают, что он умер, как мужчина, а не как жопа, которой он был!

До самого конца люди продолжают играть в игры.

Эго не позволит тебе быть правдивым, оно будет продолжать заставлять тебя быть фальшивым. Эго – это ложь, но это решает человек. Великая храбрость требуется, потому что это разобьет вдребезги все, с чем ты нянчился до сих пор. Это разобьет вдребезги все твоё прошлое. Это совершенно разобьет вдребезги *тебя*. Кто-то будет, но ты не будешь этим человеком. В тебе возникнет сущность, которая не будет продолжением тебя, – свежая, неразвращенная прошлым. Тогда не будет стен; тогда, чем бы ты ни был, ты увидишь бесконечное без всяких границ.

Войдя в свой любимый бар, старик обнаружил на месте знакомой барменши незнакомую. После минутного замешательства он галантно сказал ей, что она «самая хорошенькая девушка, которую он видел в последнее время».

Новая барменша, будучи задиристой, ответила ледяным тоном:

- Жаль, что я не могу вернуть вам комплимент.
- Ну, моя дорогая, – ответил старик безмятежно, – не могли бы вы сделать то же, что и я? Солгать?

Всеми нашими формальностями мы делаем не что иное, как помогаем эго друг друга. Они *ложны*. Ты что-то кому-то говоришь, и он возвращает комплимент. Ни ты, ни он не правдивы. Мы продолжаем играть в игру: этикет, формальности, цивилизованные лица и маски.

Тогда тебе придется столкнуться со стеной. И мало-помалу эта стена станет такой толстой, что ты не сможешь ничего увидеть. Эта стена с каждым днем становится все толще и толще, поэтому не жди. Если ты стал чувствовать, что носишь вокруг себя стену, отбрось ее! Выпрыгни из нее! Чтобы из нее выпрыгнуть, нужно только решение, ничего больше. Тогда с завтрашнего дня она тебе не нужна. Тогда, когда бы ты ни увидел, что снова нянчишься с ней, прекрати это. Через несколько дней ты увидишь, что она умерла, потому что ей нужна постоянная поддержка, кормление грудью.

Предельная храбрость: ни начала, ни конца

Есть много страхов, но в своей основе это ответвления одного страха, ветви одного дерева. Имя этого дерева – смерть. Ты можешь не осознавать этого страха, связанного со смертью, но каждый страх связан со смертью.

Страх – это только тень. Он может быть не очевидным, если ты боишься банкротства, но на самом деле ты боишься, что, оставшись без денег, ты станешь более уязвимым для смерти. Люди держатся за деньги, как за защиту, хотя прекрасно знают, что нет способа защитить себя от смерти. Но все же что-то нужно сделать. По крайней мере, это удерживает тебя занятым, а удерживать себя занятым – это какого-то рода бессознательность, некий наркотик.

Поэтому, точно как алкоголики, есть работоголики. Они всегда остаются занятыми какой-то работой; они не могут перестать работать. Праздники вызывают страх; они не могут сидеть молча. Они могут перечитывать одну и ту же газету три раза за одно утро. Они хотят оставаться занятыми, потому что это поддерживает занавес между ними и смертью. Но, если свести это к существу, это страх смерти.

Важно понять, что все остальные страхи – это только ответвления, потому что, если известны корни, можно что-то сделать. Если смерть является основным и фундаментальным страхом, только одно может сделать тебя бесстрашным, и это внутренний опыт бессмертного сознания. Ничто другое: ни деньги, ни власть, ни престиж – ничто не может застраховать от смерти, кроме глубокой медитации... которая открывает, что твое тело умрет, ум умрет, но ты за пределами структуры телуума. Твое существенное ядро, твой существенный источник жизни был до тебя и останется после тебя. Он сменил много форм; он эволюционировал через множество форм. Но он никогда не исчезал с самого начала, если было какое-то начало. И он никогда не исчезнет до самого конца, если есть какой-то конец... потому что я не верю ни в какое начало и ни в какой конец.

Существование безначально и бесконечно. Оно было всегда, и ты был всегда. Может быть, формы были другими, формы изменялись даже в этой жизни.

В первый день, когда тыходишь в матку матери, ты не больше точки в вопросительном знаке. Если тебе показать фотографию, ты не сможешь себя узнать. И фактически, даже до этого...

Два человека спорили о том, как далеко они могут продвинуться в памяти, насколько они помнят свою жизнь. Один сказал, что помнит детство до трех лет. Другой сказал:

– Это ерунда. Я помню тот день, когда моя мать и мой отец отправились на пикник. Когда мы пошли на пикник, я был в отце. Когда мы вернулись с пикника, я был в матери!

Узнаешь ли ты себя, когда ты был в отце? Тебе можно показать фотографию; ее можно увеличить, чтобы ее можно было увидеть невооруженным глазом, но ты не сможешь себя узнать. Это форма одной и той же жизни, тот же источник, что пульсирует в тебе прямо сейчас.

Ты меняешься каждый день. Когда ты только родился, когда тебе был один день отроду, – таким ты тоже не смог бы себя узнать. Ты сказал бы:

– Боже мой, это я?

Все изменится; ты состаришься, молодость пройдет. Детство утрачено давно... придет смерть. Но она придет только к форме, не к существу. И то, что менялось всю твою жизнь, было только формой.

Твоя форма меняется с каждым мгновением. И смерть – это не что иное как перемена, жизненно важная перемена, немного большая перемена, более быстрая перемена. От детства к молодости... ты не узнаешь, когда детство кончается, и ты становишься молодым. От молодости к старости... все происходит так постепенно, что ты не узнаешь, в какой день, какого числа молодость ушла. Эта перемена очень постепенна и медленна.

Смерть – это квантовый скачок из одного тела, из одной формы в другую форму. Но это не твой конец.

Ты никогда не рождался и никогда не умрешь.

Ты всегда есть. Формы приходят и уходят, а река жизни продолжается. Пока ты не испытываешь это, страх смерти не оставит тебя. Только медитация... только медитация может помочь.

Я могу сказать, все писания могут говорить, но это не поможет; все же может остаться сомнение. Кто знает, эти люди, может быть, лгут, а может быть, эти люди обманывают сами себя. Или этих людей обманывает литература, другие учителя. И если остается сомнение, останется и страх.

Медитация ставит тебя лицом к лицу с реальностью.

Как только ты узнаешь сам, что такое жизнь, ты никогда не сомневаешься о смерти.

Ты можешь выйти за пределы... Это в твоей власти, это твое право. Но тебе придется приложить небольшое усилие, чтобы переместиться из ума в не-ум.

В то мгновение, когда ребенок рождается, ты думаешь, что это начало его жизни. Это неправда. В то мгновение, когда старик умирает, ты думаешь, что это конец его жизни. Это не так. Жизнь гораздо больше рождения и смерти. Рождение и смерть – это не два конца жизни: в жизни происходит много рождений и смертей. Сама жизнь не имеет ни начала, ни конца; жизнь равнозначна вечности. Но ты не можешь легко понять, как жизнь превращается в смерть; даже представить это невозможно.

Но в мире есть некоторые непостижимые вещи, и одна из них заключается в том, как жизнь превращается в смерть. В какой точке это больше не жизнь, в какой точке это стало смертью? Где провести линию? Нельзя провести линию и в рождении, когда начинается жизнь: начинается ли она, когда ребенок рождается, или когда ребенок зачат? Но даже перед зачатием живо материнское яйцо и отцовский сперматозоид – они не мертвы, потому что встреча двух мертвых вещей не может создать жизнь. В какой точке рождается ребенок? Наука так и не смогла этого решить. Нет способа решить, потому что яйцеклетку, которую мать носит в матке, она носила с самого рождения...

Одно нужно принять: часть твоего существа была жива в твоей матери еще до того, как ты был зачат. Часть тебя внес твой отец – его вклад тоже должен был быть внесен живым. Когда сперматозоиды в теле твоего отца, они живые, но у них нет долгой жизни, их жизнь длится

только два часа. Через два часа они должны встретить яйцеклетку матери. Если за два часа они не встретятся, если они начнут бродить по сторонам...

Абсолютно определенно, что каждый сперматозоид должен обладать характерной личностью. Некоторые – ленивые ребята; другие бегут к яйцеклетке, а они просто совершают утреннюю прогулку. Таким образом они никогда никуда не доберутся, но что они могут сделать? Их характеристики заложены с самого рождения: они не могут бегать, они предпочитают умереть; и они даже не осознают, что происходит.

Но некоторые ребята – чистые олимпийские бегуны: они тут же стремглав бросаются бежать. И соревнование напряженно, потому что несколько сотен клеток бегут к одной-единственной яйцеклетке... В матке матери есть резервуар яйцеклеток, который выпускает одну яйцеклетку в месяц. Именно поэтому у матери происходят месячные; каждый месяц выпускается одна яйцеклетка. И только один парень из всей этой толпы, состоящей из миллионов клеток... это действительно великая философская проблема!

Это ничто, просто биология, потому что проблема в том, что из стольких миллионов людей родиться может только один. А кто остальные миллионы, которые не смогли добраться до яйцеклетки? В Индии ученые, пандиты, *шанкарачарьи* использовали это как один из аргументов против контроля рождаемости.

Индия очень хитра в аргументации. Папа продолжает выступать против контроля рождаемости, не приводя ни единого аргумента. По крайней мере, индийская сторона привела несколько разумно звучащих аргументов. Вот один из них. В какой точке прекратить производить детей? – двух, трех детей? Говорят, что Рабиндранат Тагор был тринадцатым ребенком в семье; если бы его родители практиковали контроль рождаемости, Рабиндраната не было бы.

Этот аргумент кажется разумным, потому что контроль рождаемости предполагает остановиться, родив двух детей, самое большее – трех: не рискуйте, один может умереть, что-то может случиться. Ты можешь произвести на свет двух детей, чтобы заменить себя и жену, и не произойдет никакого роста населения; но Рабиндранат был тринадцатым ребенком своих родителей. Если бы они остановились на дюжине, даже тогда Рабиндранат упустил бы поезд. Сколько Рабиндранатов упускает поезд?

Я говорил с одним из *шанкарачарий*. Я сказал:

– Совершенно правильно, ради самого аргумента я принимаю, что это правильно: мы лишились бы одного Рабиндраната Тагора. Но я готов его лишиться. Если вся страна сможет жить спокойно, получит достаточно еды, достаточно одежды, и все ее основные нужды будут удовлетворены, я считаю, что это того стоит. Я готов потерять Рабиндраната Тагора, это не так много. Ты должен увидеть баланс: миллионы людей умирают, голодают, только чтобы произвести одного Рабиндраната Тагора? И ты хочешь сказать, что каждые родители должны дойти до тринадцати? Но как насчет четырнадцати? Пятнадцати?

Забудьте об этих маленьких числах; каждый раз, занимаясь любовью, мужчина высвобождает миллионы сперматозоидов – и не каждый раз, когда он занимается любовью, рождается ребенок. Миллионы людей просто исчезают. Мы никогда не узнаем, сколько Нобелевских лауреатов потеряли, сколько президентов, премьер-министров... наверное, там были все возможные люди.

Вот мои расчеты: если с четырнадцати до сорока двух лет мужчина занимается любовью с нормальной интенсивностью, он выпустит количество сперматозоидов, равное населению земли. Один-единственный мужчина может населить всю землю – и перенаселить! – она уже перенаселена. И все эти люди будут уникальными индивидуальностями, не имеющими друг с другом ничего общего, кроме человечности.

Нет, жизнь не начинается и там; жизнь начинается раньше. Но для тебя это только гипотеза – для меня это опыт. Жизнь начинается в точке смерти в твоей прошлой жизни. Когда ты умираешь, с одной стороны главы жизни – которую люди считают своей жизнью – эта глава

закончена. Это была только глава в книге с бесконечным количеством глав. Одна глава кончается, но книга не закрыта. Просто переверни страницу, и начнется другая глава.

Умиравший человек начинает визуализировать следующую жизнь. Это известный факт, потому что это происходит, прежде чем закроется глава. Изредка человек возвращается в самой последней точке. Например, он тонет и как-то спасается. Он почти в коме; воду нужно извлечь, сделать искусственное дыхание, и он спасен. Он был на самой грани того, чтобы закрыть главу. Эти люди сообщают интересные факты.

Один из них: в последний момент, когда они чувствуют, что умирают, все кончено, вся их прошлая жизнь проходит перед ними, как вспышка, – с рождения до этого момента. На долю секунды они видят все, что с ними случилось, что они помнят, и даже то, чего никогда не помнили; многие вещи, на которые они не обратили внимания или о которых они не знали, что они есть в памяти. Весь фильм памяти прокручивается так быстро, как вспышка, – он должен уместиться в долю секунды, потому что человек умирает, времени нет, нет трех часов, чтобы увидеть весь фильм.

И даже если ты увидишь весь фильм, ты не сможешь пересказать всю историю человеческой жизни, со всеми ее небольшими, незначительными деталями. Но все это проходит перед ним – это определено, это очень важное явление. Прежде чем закрыть главу, он вспоминает весь прошлый опыт, неисполненные желания, ожидания, разочарования, огорчения, страдания, радости – все.

У Будды есть для этого слово, он называет это *танха*. Буквально это означает желание, но метафорически это означает всю жизнь желания. Все эти вещи случились: разочарования, исполнения, огорчения, успехи, неудачи... но все это случилось на определенной арене, которую можно назвать желанием.

Умиравший человек должен увидеть все это, прежде чем двигаться дальше, просто вспомнить, потому что тело уходит: этого ума с ним не будет, его мозга с ним не будет. Но желание, высвободившееся из ума, прицепится к его душе и определит всю его будущую жизнь. Что бы ни осталось неисполненным, он будет двигаться к этой цели.

Твоя жизнь начинается до твоего рождения, до беременности матери, дальше, в конце твоей прошлой жизни. Конец той жизни является началом этой. Одна глава закрывается – новая открывается. Теперь то, какой будет твоя новая жизнь, на девяносто девять процентов будет определено последним моментом твоей смерти. Что ты собрал, что ты принес с собой как семя – это семя станет деревом, принесет плоды, принесет цветы или... что бы с ним ни случилось. Ты не можешь прочитать этого в семени, но семя содержит весь эскиз.

Возможно, что однажды наука сможет прочитать всю программу в семени – какие ветви будут у этого дерева, сколько дерево проживет, что случится с этим деревом. Потому что эскиз есть, мы просто не знаем языка. Все, что случится дальше, уже потенциально присутствует.

Поэтому то, что ты делаешь в момент смерти, определяет то, каким будет твое рождение. Большинство людей умирает, цепляясь. Они не хотят умирать, и можно понять, почему они не хотят умирать. Только в момент смерти они осознают тот факт, что никогда не жили. Жизнь просто прошла, как сон, и вот пришла смерть. Теперь больше нет времени жить – смерть стучится в двери. А когда было время жить, ты делал тысячу и одну глупую вещь, тратил время впустую, вместо того чтобы жить.

Я спрашивал людей, играющих в карты, играющих в шахматы:

– Что вы делаете?

– Убиваем время, – говорили они.

С самого детства я был против этого выражения: «Убивать время». Мой дедушка был прекрасным игроком в шахматы, и я спрашивал его:

– Ты становишься старше и старше, а все же убиваешь время. Разве ты не видишь, что на самом деле время убивает тебя? И ты продолжаешь говорить, что убиваешь время. Ты даже не знаешь, что такое время, не знаешь, где оно. Поймай его и покажи мне.

Эти выражения, что время летит, бежит, уходит, – просто утешения. На самом деле уходишь ты – уходишь впустую в каждое мгновение. И ты продолжаешь думать, что уходит время, что ты останешься, а время уйдет! Время останется, где и было; оно не уходит. Часы – это человеческое изобретение для измерения уходящего времени, которое на самом деле совершенно не уходит.

В Индии, в Пенджабе, никогда не спрашивай путешественника, сколько времени, потому что, если окажется двенадцать, тебя побьют, и если ты уйдешь живым, это будет чудо. Для этого есть очень философская причина, но когда философия попадает в руки дураков, происходит именно это.

Нанак, основатель сикхизма, сказал, что момент *самадхи*, просветления, в точности подобен встрече двух стрелок часов в двенадцать, когда их больше не две. Он просто приводил пример – в мгновение самадхи двойственность существа растворяется, и ты приходишь в единство. То же самое происходит в смерти. Позднее он объяснил, что то же самое происходит в смерти: снова две стрелки, которые двигались раздельно, встречаются и останавливаются, становятся одной: ты становишься единым с существованием.

Поэтому в Пенджабе двенадцать часов – это символ смерти. И если ты спросишь какого-нибудь сардарджи, сколько времени, и будет двенадцать, он просто начнет тебя бить, потому что подумает, что ты дразнишь его, проклинаешь его смертью. Если у кого-то вытянутое, печальное, тоскливое лицо, в Пенджабе скажут: «У него на лице двенадцать часов». Я видел сардаров, поспешно переводящих часы: когда стрелки приходят к двенадцати, они поскорее переводят их на пять минут вперед. Они не позволяют им встретиться в двенадцати; им больно, что их собственные часы играют с ними трюки. Двенадцать часов напоминает им только о страдании, печали, смерти; они совершенно забыли о самадхи, которое на самом деле пытался объяснить Нанак.

Когда человек умирает – когда для него наступает двенадцать часов – он цепляется за жизнь. Всю жизнь он думал, что время уходит; теперь он чувствует, что уходит он, что он ушел. Никакое цепляние не поможет. Он становится таким несчастным, страдание становится настолько невыносимым, что большинство людей впадает в некое бессознательное состояние, в кому, прежде чем умереть. И они упускают воспоминание всей жизни.

Если смерть происходит без цепляния, если нет желания остаться живым ни на одно мгновение, ты умрешь сознательно, потому что природе не нужно делать тебя бессознательным и заталкивать в кому. Ты умрешь бдительным и вспомнишь все свое прошлое. Ты сможешь увидеть, что все, что ты ни делал, было просто глупо.

Желания были удовлетворены – что ты выиграл? Желания остались неудовлетворенными, и ты страдал, но что бы ты выиграл, если бы они были удовлетворены? Это странная игра, в которой ты всегда проигрываешь, победа или поражение ничего не меняют.

Твои удовольствия были ничем, просто надписями, сделанными на воде, а твоя боль была выгравирована в граните. И ты страдал от всей этой боли ради этих надписей на воде. Ты страдал всю жизнь ради маленьких радостей, которые кажутся не более чем игрушками в этой стадии, на этой высоте, с этой точки, откуда ты можешь увидеть всю долину своей жизни. Успехи были также и поражениями. Поражения, конечно, были поражениями, но удовольствия были не более чем стимулами, чтобы страдать от боли.

Вся твоя эйфория была просто функцией способности к сновидению. Ты уходишь с пустыми руками. Вся эта жизнь была просто порочным кругом: ты продолжал двигаться по одному и тому же кругу, снова, снова и снова. И ты ни к чему не пришел, потому что ходил

кругами, как ты мог куда-то прийти? Центр всегда оставался на каком-то расстоянии, в какой бы точке круга ты ни находился.

Приходил успех, приходило поражение; приходило удовольствие, приходила боль; было страдание и была радость. Все продолжало происходить в этом круге, но центр твоего существа всегда оставался на одном расстоянии от любого места. Трудно было увидеть, что ты движешься по кругу, – ты был слишком вовлечен, слишком отождествлен с ним. Но теперь внезапно все это выпало у тебя из рук – ты стоишь пустым.

У Халиля Джибрана в его шедевре «Пророк» есть одно предложение... Аль-Мустафа, пророк, подбегает к людям, работающим в полях, и говорит: «Прибыл мой корабль, мне пришло время уйти. Я пришел сюда, просто чтобы оглянуться на все, что случилось и чего не случилось. Прежде чем я взойду на борт, во мне велико стремление увидеть, какой была здесь моя жизнь».

Вот предложение, которое я хотел вам напомнить... он говорит: «Я точно как река, которая вот-вот впадет в океан. Мгновение она медлит, чтобы оглянуться на всю территорию, которую пересекала: джунгли, горы, люди. Это была богатая жизнь в тысячи миль, и теперь, через мгновение все это растворится. Поэтому, точно как оглядывается река на грани впадения в океан, хочу оглянуться и я».

Но оглянуться возможно, лишь если ты не цепляешься за прошлое; иначе ты так боишься его потерять, что у тебя нет времени наблюдать, видеть. А время есть лишь на долю секунды. Если человек умирает полностью бдительным, видя всю территорию, которую он пересек, и видя всю глупость этого, он рождается с ясностью, с разумом, с храбростью – автоматически. Это не что-то, что он делает.

Люди спрашивают меня:

– Ты был ясным, храбрым, разумным даже ребенком; я не храбр даже сейчас...

Причина в том, что в прошлой жизни я умер не так, как умер он. Это имеет огромное значение, потому что ты рождаешься точно таким же, как умираешь. Твоя смерть – это одна сторона монеты, рождение – другая.

Если с одной стороны были замешательство, страдание, тоска, цепляние, желание, тогда и с другой стороны нельзя ожидать ясности, разума, храбрости, видения, осознанности. Тогда это абсолютно исключено, этого нельзя ожидать.

Вот почему все это очень просто, но мне трудно это объяснить, потому что я ничего не сделал в этой жизни, чтобы быть храбрым, ясным или разумным – с самого начала. И я никогда не думал о храбрости, ясности или разуме.

Только позднее мало-помалу я осознал, как глупы люди. Это было лишь позднейшее отражение; раньше я не осознавал, что был храбр. Я думал, что все остальные точно такие же. Лишь позднее мне стало ясно, что не все такие же.

Когда я начал расти, я стал осознавать прошлую жизнь и смерть и вспомнил, как легко я умер – не только легко, но и с энтузиазмом. Мне было интереснее познать неизвестное впереди, чем известное, которое я уже видел. Я никогда не оглядывался назад. И это было путем всей моей жизни – никогда не оглядываться. Не было смысла. Ты не можешь вернуться назад, так зачем тратить время? Я всегда смотрел вперед. Даже в мгновение смерти я смотрел вперед – и это сделало для меня ясным, поэтому во мне не хватало тормозов, которые удерживают других людей от того, чтобы что-то делать.

Эти тормоза обеспечиваются тебе страхом перед неизвестным. Ты цепляешься за прошлое и боишься идти в неизвестное. Ты цепляешься за известное, знакомое. Это может быть больно, это может быть уродливо, но, по крайней мере, ты это знаешь. Ты взрастил с этим своего рода дружбу.

Ты удивишься, но это опыт тысяч людей: они цепляются за страдание по той простой причине, что взрастили некого рода дружбу со страданием. Они жили с ним так долго, что теперь оставить его почти равносильно разводу.

Такая же ситуация с браком и разводом. Мужчина думает, по крайней мере, двенадцать раз, прежде чем развестись; женщина тоже думает, но как-то им удается жить вместе по той простой причине, что оба боятся неизвестного. Этот мужчина плохой, ладно, но кто знает, каким будет другой мужчина? – он может оказаться еще хуже. По крайней мере, ты привыкла к этому мужчине, к тому, что он плохой, не любящий, ты можешь это терпеть. Ты это терпела, ты тоже стала толстокожей. С новым мужчиной ты никогда не знаешь; тебе снова придется начать с самого начала. Поэтому люди цепляются за известное.

Просто наблюдай людей в момент смерти. Их страдания – не смерть. В смерти нет боли, она абсолютно безболезненна. На самом деле, она приятна; это просто как глубокий сон. Думаешь ли ты, что глубокий сон болезнен? Но они не заботятся о смерти, глубоком сне и удовольствии; они беспокоятся об известном, которое ускользает у них из рук. Страх означает только одно: потерять известное и войти в неизвестное.

Храбрость – это просто противоположность страху.

Всегда будь готов отбросить известное – более чем стремись его отбросить – не дожидаясь даже, чтобы оно созрело. Просто прыгни во что-то новое... сама его новизна, сама свежесть так заманчива. Тогда есть храбрость.

Страх смерти, несомненно, величайший страх, и он более всего разрушителен для твоей храбрости.

Поэтому я могу предложить только одну вещь. Сейчас ты не можешь вернуться к своей прошлой смерти, но ты можешь начать делать одно: всегда будь готов двигаться от известного к неизвестному, во всем, в любом опыте.

Это лучше, даже если неизвестное окажется хуже известного – не в этом суть. Просто перемена от известного к неизвестному, твоя готовность двигаться в неизвестное – вот что имеет значение. Это безмерно ценно. И делай это во всех возможных переживаниях. Это подготавливает тебя к смерти, потому что, когда придет смерть, ты не можешь внезапно решить:

– Я выбираю смерть и покидаю жизнь.

Такие решения нельзя принять внезапно.

Тебе придется идти дюйм за дюймом, подготавливаясь, живя от мгновения к мгновению. И по мере того, как ты знакомишься с красотой неизвестного, это начинает создавать в тебе новое качество. Оно есть, оно просто никогда не используется. Прежде чем придет смерть, продолжай двигаться от известного к неизвестному. Всегда помни, что новое лучше старого.

Говорят, что не все, что старо, золото. Я говорю: даже если это золото, забудь о нем. Выбери новое – золото или нет, неважно. Что важно – это твой выбор: ты выбираешь учиться, ты выбираешь переживать, ты выбираешь идти во тьму. Мало-помалу твоя храбрость начнет функционировать. И острота разума – это не что-то отдельное от храбрости, это почти одно органическое целое.

Со страхом приходит трусость, и она обязательно создает отсталость ума, посредственность. Они взаимосвязаны, они поддерживают друг друга. С храбростью приходят острота, разум, открытость, непредубежденный ум, способность учиться – они приходят вместе.

Начни с простого упражнения. Всегда помни: где бы ни был выбор, выбери неизвестное, рискованное, опасное, незащищенное, и ты никогда не будешь в проигрыше.

И лишь тогда... на этот раз смерть может быть опытом безмерного откровения, может дать тебе новое рождение – не только прозрение, но и определенный выбор. С осознанностью ты можешь выбрать определенную мать, определенного отца. Обычно это происходит бессознательно, просто случайно, но человек, умирающий с осознанностью, рождается с осознанностью.

Ты можешь что-то спросить у моей матери – иногда она приходит сюда... Три дня после моего рождения я не принимал никакого молока, и все беспокоились, волновались. Доктора были встревожены: как выживет этот ребенок, если он просто отказывается от молока? Но они не имели ни малейшего понятия о моем затруднении, о затруднении, которое они для меня создавали. Они пытались меня заставить, как только могли. Ни я не мог им объяснить, ни они не могли понять сами.

В прошлой жизни, прежде чем умереть, я постился. Я хотел завершить двадцатидневный пост, но был убит, прежде чем пост был завершен, – за три дня до этого. Эти три дня остались в моей осознанности даже после рождения; я должен был завершить пост. Я был действительно упрям! Обычно люди не переносят вещи из одной жизни в другую: как только глава закрыта, она закрыта.

Три дня им не удавалось ничего вложить мне в рот; я просто отказывался. Но через три дня я был в полном порядке, и все были удивлены:

– Почему он отказывался три дня? Не было никакой болезни, никакой проблемы – через три дня все пришло в норму.

Я остался для них загадкой. Но об этих вещах я не хочу говорить, потому что они будут гипотетичными, и я никак не могу доказать их научно. И я не хочу давать вам никакого верования; если продолжать говорить об этом, это может создать в ваших умах систему верования.

Вы меня любите, вы мне доверяете, поэтому вы можете начать верить всему, что я говорю. Но я снова и снова настаиваю: все, что не основывается на вашем опыте, принимайте только как гипотезу. Не делайте из этого верования. Если иногда я привожу пример, то из сущей необходимости, потому что люди спрашивают: «Как тебе удалось быть таким храбрым и разумным в детстве?»

Я ничего не сделал, я просто продолжал делать то, что делал в прошлой жизни.

Храбрость придет и к тебе.

Просто начни с небольшой формулы:

Никогда не упускай неизвестного.

Всегда выбирай неизвестное и иди напропалую. Даже если ты пострадаешь, это того стоит – это всегда окупается. Ты всегда выходишь из этого опыта более взрослым, более зрелым, более разумным.

В поисках бесстрашия

Медитационные техники и ответы на вопросы

Каждый боится – это неизбежно. Жизнь так устроена, что человек на это обречен. И те, кто становится бесстрашным, не становятся бесстрашными, практикуя смелость, потому что смелый человек только подавляет страх; на самом деле он не бесстрашен. Человек становится бесстрашным, принимая свои страхи. Дело не в смелости. Просто всматриваясь в факты жизни, человек осознает, что страхи естественны. Он принимает их!

Чувство вины и страх – это одно и то же?

Чувство вины и страх – это не одно и то же. Принятый страх становится свободой; страх отрицаемый, отвергаемый, осужденный становится чувством вины. Если ты принимаешь страх как часть ситуации...

Это часть ситуации. Человек – это часть, очень маленькая, крошечная часть, а целое безгранично: капля, очень маленькая капля, перед целым океаном целого. Возникает дрожь: «Я могу потеряться в целом; моя тождественность потеряется». Это страх смерти. Все страхи – это страх смерти. А страх смерти – это страх уничтожения.

Естественно, человек боится, дрожит. Если ты это принимаешь, если говоришь, что так устроена жизнь, если принимаешь это тотально, дрожь прекращается немедленно, и страх – та же энергия, которая становилась страхом, – разворачивается и становится свободой. Тогда ты знаешь, что даже если капля исчезнет в океане, она будет там. Фактически, она станет всем океаном. Тогда смерть становится нирваной, тогда ты не боишься потерять себя. Тогда ты понимаешь слова Иисуса: «Спаси свою жизнь, ты ее потеряешь, а потеряв, спасешь».

Единственный способ выйти за пределы смерти – это принять смерть. Тогда она исчезает. Единственный способ быть бесстрашным – это принять страх. Тогда эта энергия высвобождается и становится свободой. Но если ты его осуждаешь, если ты его подавляешь, если ты скрываешь тот факт, что боишься, если ты окружаешь себя броней, защищаешься и обороняешься, – тогда возникает чувство вины.

Все подавленное создает вину; все непозволенное создает вину; все, что против природы, создает вину. Тогда ты чувствуешь себя виноватым, потому что лгал другим и себе. Эта неподлинность есть чувство вины.

Ты спрашиваешь: «Страх и чувство вины – это одно и то же?» Нет. Страх может быть виной, может не быть. Все зависит от того, что ты делаешь со страхом. Если ты делаешь с ним что-то неправильное, он становится чувством вины. Если ты просто принимаешь его и ничего не делаешь – делать нечего! – тогда он становится свободой, он становится бесстрашием.

Не говори себе, что ты уродливый, неправильный, грешник. Не осуждай. Кем бы ты ни был, будь собой. Не будь виноватым, не чувствуй себя виноватым. Даже если что-то не в порядке, *ты* в порядке. Может быть, ты действовал неправильно, но это не значит, что из-за этого не в порядке твое существо. Какое-то действие может быть неправильным, но существо всегда правильно.

Я заметил в себе, что всегда пытаюсь убедить других, что я значителен и силен. Я медитировал на причины этого и думаю, что это страх

Эго всегда исходит из страха. У действительно бесстрашного человека нет эго. Эго – это защита, доспехи. Поскольку ты боишься, ты создаешь впечатление, что ты вот такой-то и такой-то, мм? Чтобы никто не осмелился... это страх, в основе это страх. Хорошо! Ты заглянул в это глубоко и правильно. И как только ты видишь основную причину, все становится очень простым. Обычно люди продолжают бороться с эго, а настоящая проблема – не в эго. Ты борешься с симптомом, не с болезнью. Настоящая болезнь – страх. Ты продолжаешь бороться с эго, и продолжаешь промахиваться мимо цели, потому что эго – это не настоящий враг, ложный. Даже если ты победишь, ты никого не победишь. Ты не можешь победить – только настоящего врага можно победить, не ложного врага, которого вообще не существует. Это фасад. Это все равно что у тебя есть рана, она выглядит уродливо, и ты закрываешь ее украшением.

Однажды случилось так, что я жил в доме одной кинозвезды, и он пригласил много людей на встречу со мной. Была приглашена и одна актриса, у которой были очень красивые часы с очень большим и красивым браслетом. Кто-то, сидящий рядом с ней, спросил ее о часах, и она немного обеспокоилась. Я просто наблюдал. Он хотел посмотреть часы, а она не хотела их снимать. Но человек настаивал, и она их сняла. Тогда я увидел, в чем была проблема. На руке у нее было большое белое пятно, пятно проказы. Она прятала это пятно проказы под браслетом красивых часов. Теперь она была разоблачена – она покрылась потом и стала нервничать...

Эго устроено точно так же. Есть страх, но никто не хочет показывать страх, потому что, если ты покажешь свой страх, найдутся многие люди, которые заставят тебя бояться еще больше. Как только они узнают, что ты в глубоком страхе, каждый из них постарается побольнее тебя ударить. Они будут наслаждаться, унижая тебя, найдя кого-то слабее. Люди любят эксплуатировать, бить лежачего...

Поэтому каждый боится; глубоко внутри создается большое эго, и страх продолжает накачивать больше и больше воздуха в баллон эго, оно становится большим. Адольф Гитлер, Иди Амин из Уганды – человек такого типа становится очень раздутым. И он начинает заставлять других бояться себя. Каждый, кто пытается заставить других бояться, – знай, что глубоко внутри он боится сам, иначе зачем это делать? Какой смысл? Кто будет беспокоиться о том, боишься ты его или нет?

Люди, полные страха, заставляют бояться других, чтобы сами они могли расслабиться. Они прекрасно знают, что теперь ты их не тронешь, не пересечешь их границ.

Ты заглянул глубоко – так точно и есть. Поэтому не борись с эго. Лучше наблюдай страх и прими его. Он естествен... это часть жизни. Нет необходимости его прятать; не нужно и притворяться. Он есть – все человеческие существа полны страха. Это часть человечности. Прими это, и в то мгновение, когда ты его примешь, эго исчезнет, потому что тогда в существовании эго нет смысла. Борьба с эго не поможет; принятие страха поможет тотчас же. Тогда ты знаешь, что да, ты такой крошечный в такой безграничной вселенной – как не бояться? Жизнь окружена смертью – как можно не бояться? В любой момент мы можем исчезнуть... какая-то мелочь испортится, и мы исчезнем – как можно не бояться? Когда ты принимаешь, страх исчезает, потому что нет смысла. Если ты принимаешь, ты принимаешь его как должное – это так и есть!

Не противопоставляй ему ничего, чтобы его спрятать. А когда ты ему ничего не противопоставляешь, он просто уменьшается. Я не говорю, что в тебе не будет страха – я говорю, что ты не будешь испуган. Страх будет, но тебе не будет страшно. Ты понимаешь меня? Боязнь подразумевает, что ты против страха, – ты не хочешь, чтобы он был, а он есть.

Когда ты его принимаешь... Деревья зеленые; человечество полно страха. Что делать? Деревья не прячутся. Каждый обречен умереть. Страх – это тень смерти. Прими его!

Оставаясь наедине с собой, я чувствую, что могу немного расслабиться и любить людей, но когда я оказываюсь среди них, ставни закрываются

Трудно любить реальных людей, потому что реальный человек не станет соответствовать твоим ожиданиям. Он и не должен. Он живет не для того, чтобы соответствовать чьим-то ожиданиям, он должен прожить собственную жизнь. А когда он движется в направлении, которое тебе претит и противоречит твоим чувствам, эмоциям, твоему существу, это становится трудно.

Очень легко думать о любви. Очень трудно любить. Очень легко любить весь мир. Настоящая трудность в том, чтобы любить реальное человеческое существо. Очень легко любить Бога или человечество. Настоящая проблема возникает, когда ты лицом к лицу сталкиваешься с реальным человеком. Столкнуться с ним лицом к лицу значит претерпеть великую перемену и принять великий вызов.

Он не будет твоим рабом, и ты не будешь его рабом. Вот где возникает настоящая проблема. Если ты будешь рабом или он будет рабом, проблемы нет. Проблема возникает, потому что никто не предназначен для роли раба – и никто не может быть рабом. Каждый остается свободным радикалом... все существо состоит из свободы. Человек есть свобода.

Поэтому помни: это настоящая проблема, она не имеет ничего общего лично с тобой. Проблема связана со всем явлением любви. Не делай это личной проблемой, иначе ты окажешься в затруднении. Каждому в большей или меньшей мере приходится сталкиваться с одной и той же проблемой. Я никогда не встречал человека, у которого не было бы трудностей в любви. Это как-то связано с любовью, с самим миром любви.

Сами отношения приводят тебя в такие ситуации, в которых возникают проблемы... и хорошо через них пройти. На Востоке люди бежали, просто видя, что это трудно. Они стали отрицать любовь, отвергать любовь. Они лишили себя любви и назвали это не-привязанностью. Мало-помалу они омертвели. Любовь почти исчезла с Востока, осталась только медитация.

Медитация означает, что ты хорошо себя чувствуешь в одиночестве. Медитация означает, что ты связан только с самим собой. Твой круг замыкается на тебе самом, ты не выходишь из него. Конечно, девяносто девять процентов твоих проблем решены – но великой ценой. Теперь ты будешь менее встревоженным. Восточный человек не так тревожен, не так напряжен... почти что живет во внутренней пещере, защищенный, с закрытыми глазами. Он не позволяет своей энергии двигаться. Он создает короткое замыкание... небольшое движение энергии внутри его существа, и он доволен. Но это счастье немного мертво. Его счастье – только торжество, не радость.

Самое большее, ты можешь сказать, что это не несчастье. Самое большее, что можно сказать об этом, негативно, все равно что вместо того, чтобы сказать, что ты здоров, сказать, что у тебя нет никакой болезни. Но в этом мало здоровья. В здоровье должно быть что-то утвердительное, какое-то собственное свечение – не просто отсутствие болезни. В таком смысле и мертвое тело здорово, потому что у него нет никаких болезней.

Поэтому на Востоке мы попытались жить без любви, отречься от мира – это значит отречься от любви – отречься от женщины, отречься от мужчины, от всех возможностей, в которых может цвести любовь. Джайнским, индуистским монахам не разрешается разговари-

вать с женщиной наедине; им не разрешается касаться женщины, не разрешается встречаться с ней лицом к лицу. Если женщина приходит и о чем-то спрашивает, они должны опустить глаза. Они должны смотреть на кончик носа, чтобы не увидеть женщину даже по ошибке. Потому что, кто знает... что-то может шелкнуть... и человек почти беспомощен в руках любви.

Они не живут в домах людей, они не остаются долго на одном месте, потому что становится возможной привязанность, любовь. Они продолжают двигаться, бродить, избегать – избегать любых отношений. Они достигли определенного качества покоя. Они безмятежные люди, не отвлеченные миром, но не счастливые, не празднующие.

На Западе случилось противоположное. Люди попытались найти счастье в любви и создали много проблем. Они потеряли всякий контакт с самими собой. Они далеко отошли от самих себя и не знают, как вернуться снова. Они не знают пути, они не знают, где их дом. Они чувствуют себя бессмысленными, бездомными и продолжают прилагать больше и больше усилий в любви, с этой женщиной, с этим мужчиной – любви гетеросексуальной, гомосексуальной, аутосексуальной. Они пытаются изо всех сил, но чувствуют себя пустыми, потому что сама по себе любовь может дать тебе счастье, но в нем не будет молчания. А когда счастье без молчания, снова чего-то не хватает.

Когда ты счастлив без молчания, твое счастье подобно лихорадке, волнению... много шума из ничего. Это судорожное состояние создаст в тебе большое напряжение, и из него ничего не происходит, просто гонка, погоня. И однажды человек осознает, что все попытки были безосновательными, потому что он пытался найти другого, тогда как не нашел еще самого себя.

Оба эти верования потерпели поражение. Восток потерпел поражение, потому что испробовал медитацию без любви. Запад потерпел поражение, потому что испробовал любовь без медитации. Все мое усилие в том, чтобы дать вам синтез, целое – что значит медитация плюс любовь. Человек должен быть способным быть счастливым и один, и с людьми. Человек должен быть счастливым и внутри, и в отношениях. Человек должен построить прекрасный дом и внутри, и снаружи. У тебя должны быть и прекрасный сад, окружающий дом, и красивая спальня. Сад не против спальни; спальня не против сада.

Так, медитация должна быть внутренним приютом, внутренним алтарем. Когда бы ты ни почувствовал, что мира с тебя достаточно, ты можешь войти в свой алтарь. Ты можешь принять ванну в своем внутреннем существе. Ты можешь обновить себя. Ты можешь выйти воскресшим; снова живой, свежий, молодой, обновленный... чтобы жить, чтобы быть. Но ты должен быть способен и любить людей, и смотреть в лицо проблемам, потому что молчание, которое бессильно и не может смотреть в лицо проблемам, немного стоит.

Только молчание, способное справляться с проблемами и оставаться молчаливым, есть нечто, чего можно жаждать, к чему можно стремиться.

Поэтому я хотел бы сказать тебе эти две вещи: начни с медитации... потому что всегда хорошо начать с ближайшего центра своего существа, и это медитация. Но никогда не застревай в ней. Медитация должна двигаться, цвести, разворачиваться и становиться любовью.

Никогда не волнуйся, не создавай проблем – это не проблема. Это просто человеческо; это естественно. Каждый испуган – это неизбежно. Жизнь так устроена, что это неизбежно. И те, кто стал бесстрашным, не пришли к бесстрашию, практикуя смелость, потому что смелый человек только подавляет страх, на самом деле он не бесстрашен. Человек становится бесстрашным, принимая свои страхи. Дело не в храбрости. Человек просто вглядывается в жизнь и осознает, что эти страхи естественны. Человек их принимает!

Проблема возникает, потому что ты хочешь их отвергнуть. Тебя обучили эгоистическим идеям: «Будь храбрым». Какая чушь! Глупо! Как разумный человек может избежать страха? Если ты глуп, у тебя не будет никаких страхов. Тогда водитель автобуса продолжает сигналить,

а ты храбро стоишь посреди дороги, ничего не боясь. Или тебя давит автобус, а ты стоишь и ничего не боишься. Но это глупо! Разумный человек должен отскочить с дороги.

Если в тебе вырабатывается привыкание к страху, и ты начинаешь во всех кустах высматривать змей, это проблема. Если на дороге никого нет, а ты пугаешься и убегаешь, это проблема; иначе это естественно.

Поэтому, когда я говорю, что ты избавишься от страха, я не имею в виду, что в твоей жизни не будет страхов. Ты придешь к пониманию, что девяносто девять процентов твоих страхов – только воображение. Десять процентов реальны, поэтому их нужно принять. Я не делаю людей храбрыми. Я делаю их более восприимчивыми, чувствительными, бдительными, и их бдительности достаточно. Они осознают, что могут использовать свои страхи, как ступеньки. Поэтому не волнуйся, мм?

Из чего состоит страх? Он всегда где-то за углом, но когда я разворачиваюсь, чтобы встретить его, он всегда оказывается лишь тенью. Если он невеществен, как ему удастся иметь надо мной такую власть?

Страх так же невеществен, как и твоя тень, но он есть. Тень тоже существует – невещественно, негативно, но существует, и иногда тень может оказать на тебя огромное влияние. В джунглях, когда приближается ночь, ты можешь испугаться даже собственной тени. В одиноком месте, на одинокой тропе ты можешь начать убежать от собственной тени. Твой бег будет реальным, бегство будет реальным, но причина будет невещественной.

Ты можешь убежать от веревки, приняв ее за змею; вернувшись, присмотревшись и увидев, что это такое, ты рассмеешься над всей этой глупостью. Но люди боятся входить в места, вызывающие страх. Люди боятся страха больше всего, потому что само существование страха потрясает до основания. Потрясение до основания реально, помни. Страх похож на сон, кошмарный сон, но когда утром, после кошмарного сна, ты просыпаешься, его след, пережиток продолжается. У тебя учащено дыхание, ты покрылся испариной, твое тело все еще дрожит, тебе жарко. Теперь ты знаешь, что это был просто кошмарный сон, невещественное видение, но даже этому знанию потребуется какое-то время, чтобы проникнуть в самое ядро твоего существа. Тем временем последствие сна будет продолжаться. Страх – это кошмарный сон.

Ты спрашиваешь меня: «Из чего состоит страх?» Страх состоит из невежества о собственном «я». Есть лишь один страх; он проявляется по-разному, у него может быть тысяча и одно проявление, и это «глубоко внутри, может быть, меня нет». И, в определенном смысле, правда, тебя нет.

Бог есть, тебя нет. Хозяина нет, Гость есть. И поскольку ты это подозреваешь – и твое подозрение совершенно обоснованно, – ты не смотришь вовнутрь. Ты продолжаешь притворяться, что ты есть; ты знаешь, что если ты посмотришь вовнутрь, тебя не будет. Это глубокое, молчаливое понимание. Оно не интеллектуально, оно экзистенциально, оно пронизывает до мозга костей, ты чувствуешь: «Может быть, меня нет. Лучше туда не смотреть. Продолжай смотреть наружу». По крайней мере, это удерживает тебя в одураченном состоянии, это поддерживает иллюзию, что «я есть». Но поскольку это чувство «я есть» ложно, это создает страх; его может разрушить что угодно, любое глубокое столкновение может его разрушить. Его может разрушить любовь, его может разрушить встреча с мастером, его может разрушить сильная болезнь, его может разрушить вид того, как кто-то умирает. Его можно разрушить по-разному, оно очень хрупко. Кое-как тебе удастся не смотреть вовнутрь.

Мулла Насреддин ехал на поезде. Пришел контролер и спросил билет. Мулла обыскал все карманы, чемоданы и сумки, но билет не нашелся. Он покрылся потом; ему становилось страшнее и страшнее. И контролер сказал:

– Господин, вы не искали в одном из карманов. Почему бы вам в него не заглянуть?

Мулла Насреддин сказал:

– Пожалуйста, ничего не говорите об этом кармане. Это моя единственная надежда! Если я поищу в этом кармане, и билет не найдется, тогда его нет, *вообще* нет. Я не могу проверить этот карман. Не думайте, я поищу во всех остальных; но этот карман – моя безопасность, и я все еще надеюсь, что он может оказаться в этом кармане. Я преднамеренно обошел его стороной и не собираюсь его касаться. Найду я билет или нет, я не собираюсь смотреть в *этот* карман.

Такая же ситуация с эго. Ты в него не смотришь, это твоя единственная надежда: «Кто знает? Может быть...» Но если ты посмотришь, твое чувство реальности скажет, что его нет.

Ложное эго, которое ты создал, не заглядывая в него, постоянно смотря наружу, есть коренная причина страха. Ты будешь бояться любых состояний, в которых тебе придется смотреть в него. Ты будешь бояться красоты, потому что красота просто швыряет тебя вовнутрь. Прекрасный закат, все эти сияющие цвета и облака... – тебе будет страшно на него смотреть, потому что такая великая красота может отбросить тебя вовнутрь. Такая великая красота прекращает мышление: на мгновение ум в таком благоговении, что забывает думать, прекращает жить и праять. Внутренний разговор приходит к остановке, перерыву, и внезапно – ты внутри.

Люди боятся великой музыки, люди боятся великой поэзии, люди боятся глубокой близости. Их любовные романы – это просто игра «ударь и убеги». Они не идут глубоко в существо друг друга, потому что идти глубоко в существо друг друга страшно – потому что водоем существа другого отразит тебя. Если в этом водоеме, в этом зеркале существа другого ты не найдешь себя, если зеркало останется пустым, если оно ничего не отразит, что тогда?

Люди боятся любви. Они только притворяются, но продолжают играть в игры под именем любви. Они боятся медитации; даже под именем медитации, самое большее, они начинают думать по-новому. Именно это представляет собой Трансцендентальная Медитация Махариши Махеш Йоги – это не медитация, не трансцендентальная. Это просто распевание мантры, а распевание мантры есть не что иное как процесс мысли, концентрированной мысли. Снова это новое средство, средство не медитировать. Люди повторяют христианские молитвы, мусульманские молитвы, индуистские молитвы, всеми способами избегая медитации. Это не медитации, помни. Ум так коварен, что под именем медитации он создал много ложных явлений.

Медитация – это когда ты вообще ничего не делаешь, когда ум вообще не функционирует. Это не-функционирование ума есть медитация – не повторение, не мантра, не образ, не концентрация. Человек просто есть. В этой есть-ности эго исчезает, а с эго исчезает и тень эго. Эта тень – страх.

Страх – одна из самых важных проблем. Каждое человеческое существо должно через него пройти, чтобы прийти к определенному пониманию. Эго дает тебе страх, что однажды ты можешь умереть. Ты продолжаешь обманывать себя, что смерть случается только с другими, и в некотором смысле это правда: умирает какой-то сосед, умирает какой-то знакомый, умирает друг, умирает твоя жена, твоя мать – это всегда случается с кем-то другим, никогда не с тобой. Ты можешь скрыться за этим фактом: может быть, ты исключение, ты не умрешь. Эго пытается защитить тебя.

Но каждый раз, когда кто-то умирает, что-то в тебе дрожит. Каждая смерть – это небольшая смерть для тебя. Никогда не посылай никого спросить, по ком звонит колокол, – он звонит по тебе. Каждая смерть – это твоя смерть. Даже когда сухой лист падает с дерева – это твоя смерть. Поэтому мы продолжаем защищать себя.

Кто-то умирает, а мы говорим о бессмертии души, когда лист падает с дерева, мы говорим: «Не о чем беспокоиться. Вскоре придет весна, и на дереве вырастет новая листва. Это только перемена, изменилась только одежда».

Люди верят в бессмертие души не потому, что *знают*, но потому, что боятся. Чем трусливее человек, тем вероятнее, что он верит в бессмертие души – не потому, что он религиозен, он просто трус. Верование в бессмертие души не имеет ничего общего с религией. Религиозный человек знает: «Меня нет», и тогда все, что остается, бессмертно, но не имеет ничего общего со «мной». Это «я» не бессмертно, это «меня» не бессмертно. Это «я» временно, оно произведено нами. Страх – это тень «я», и из-за этого «я» всегда осознает, что глубоко внутри «я исчезну в смерти»... Основной страх – страх смерти; все другие страхи только отражают этот основной страх. И красота в том, что смерть так же невещественна, как и эго, и между этими двумя несуществующими вещами – эго и смертью – мостом является страх.

Страх совершенно бессилен, у него нет власти. Ты говоришь: «Если он невеществен, как ему удастся иметь надо мной такую власть?» Ты хочешь верить в него – в этом его власть. Ты не готов совершить прыжок в свою внутреннюю глубину и столкнуться со своей внутренней пустотой – это его власть. Иначе он бессилен, совершенно бессилен. Ничто никогда не рождается из страха. Любовь дает рождение, любовь созидательна; страх бессилен.

Мистер и миссис Смит предстали перед вершителем правосудия.

– Я хотела бы развестись с этим персонажем, – сказала жена.

– Я хотел бы избавиться от этого боевого топора, – простонал муж.

Судья: Сколько у вас детей?

Жена: Трое.

Судья: Почему бы вам не остаться в браке еще на год и не родить еще одного ребенка, чтобы было четыре? Каждый из вас может взять двоих, и вы оба будете удовлетворены.

Муж: Да, но вдруг родится двойня?

Жена: Ха! Посмотрите на этого производителя детей. Если бы я полагалась на него, у меня не было бы и этих троих!

Страх абсолютно бессилен. Он никогда ничего не создал. Он не может создавать; его нет. Но он может разрушить всю твою жизнь, он может окружить тебя, как темное облако, он может эксплуатировать твои энергии. Он не позволит тебе глубоко двигаться в любой глубокий опыт красоты, поэзии, любви, радости, празднования, медитации. Нет, он заставит тебя оставаться на поверхности, потому что он может существовать только на поверхности. Это рязь на поверхности.

Иди вовнутрь, смотри вовнутрь, и если там пусто, ну и что? Тогда это наша природа, тогда это то, что мы есть. Зачем человеку волноваться о пустоте? Пустота так же красива, как и небо. Твое внутреннее существо – это не что иное как внутреннее небо. Небо пусто, но именно пустое небо содержит все, все существование, солнце, луну, звезды, землю, планеты. Именно внутреннее небо сообщает всему этому благодать. Именно это пустое небо становится фоном для всего, что существует. Вещи приходят и уходят, а небо остается прежним.

Точно таким же образом у тебя есть и внутреннее небо, и оно так же пусто. Облака приходят и уходят, планеты рождаются и исчезают, звезды рождаются и исчезают, но внутреннее небо остается прежним, незатронутым, незадетым, и на нем не остается шрамов. Мы называем внутреннее небо *сакином*, свидетелем – и в этом вся цель медитации.

Иди вовнутрь, наслаждайся внутренним небом. Помни: все, что ты можешь видеть, – не ты. Ты можешь видеть свои мысли, значит, ты – не мысли; ты можешь видеть свои чувства, значит, ты – не чувства; ты можешь видеть свои сны, желания, воспоминания, воображения, проекции, значит, это не ты. Продолжай уничтожать все, что можешь видеть. Тогда однажды

наступит невыразимое мгновение, когда не останется ничего. Все увиденное исчезло, и остался только видящий. Этот видящий и есть пустое небо.

Знать его – значит быть бесстрашным, знать его – значит быть полным любви. Знать его – значит быть Богом, быть бессмертным.

Почему я по-прежнему так боюсь обнажить себя?

Кто не боится? Нагота себя создает великий страх. Это естественно, потому что обнажить себя значит обнажить весь мусор, который ты носишь в уме, мусор, который накапливался веками, многие, многие жизни. Обнажить себя значит обнажить свою слабость, свои ограничения, недостатки. Обнажить себя в конце концов значит обнажить свою уязвимость. Смерть... Обнажить себя значит обнажить свою пустоту.

За всем этим мусором ума и шумом ума есть измерение внутренней пустоты. Человек пуст без Бога; без Бога человек просто пустота и ничто. Он хочет скрыть свою наготу, свою пустоту, свое уродство. Он прикрывает его красивыми цветами, он украшает эти покровы. По крайней мере, он притворяется, что он кто-то, что-то. И это не что-то личное, свойственное тебе; это вселенское, это ситуация каждого.

Никто не может раскрыть себя, как книгу. Тебя охватывает страх: «Что люди подумают обо мне?» С самого детства тебя учили носить маски, красивые маски. Не нужно иметь красивое лицо, подойдет прекрасная маска; маска так дешева. Трансформировать лицо трудно. Нарисовать лицо очень просто.

Теперь внезапно ты выставляешь свое настоящее лицо, и это заставляет тебя дрожать до глубочайшего ядра твоего существа. Возникает дрожь: понравится ли это людям? примут ли тебя люди? будут ли люди по-прежнему тебя любить, уважать? Кто знает? – потому что они любили твою маску, они уважали твой характер, они почитали твою одежду. Теперь возникает страх: «Если внезапно я останусь обнаженным, будут ли они по-прежнему меня любить, уважать, восхищаться мной, или все они убегут от меня? Они могут повернуться ко мне спиной, и я останусь один».

Поэтому люди продолжают притворяться. Из страха возникает притворство, из страха возникает ложность. Чтобы быть подлинным, человек должен быть бесстрашным.

Вот один из фундаментальных законов жизни: все, что бы ты ни прятал, продолжает расти, все, что ты обнажаешь, если оно неверно, исчезает, испаряется на солнце, а если оно правильно, получает питание. Прямо противоположное происходит, когда ты что-то прячешь. Правильное начинает умирать, потому что не получает питания; ему нужны ветер, дождь и солнце. Ему нужно, чтобы была доступна вся природа. Оно может расти только с истиной, оно питается истиной. Прекрати давать ему питание, и оно начнет становиться тоньше и тоньше. И люди истощают свою реальность, позволяя жиреть нереальному.

Твои нереальные лица питаются ложью, поэтому тебе приходится изобретать больше и больше лжи. Чтобы поддержать одну ложь, ты продолжаешь изобретать больше и больше лжи. Чтобы поддержать одну ложь, тебе придется солгать еще сто раз, потому что ложь может поддержать только еще большая ложь. Поэтому, если ты прячешься за фасадом, реальное начинает умирать, а нереальное жиреет, становится больше и больше. Если ты обнажаешь себя, нереальное умирает, обречено умереть, потому что нереальное не может оставаться открытым. Оно может сохраняться только в тайне, оно может оставаться только в темноте, оно может оставаться только в туннелях твоего бессознательного. Если ты вынесешь его в сознание, оно начнет испаряться.

В этом весь секрет психоанализа. Это простой секрет, но это *весь* секрет. Психоаналитик помогает вынести все, что заключено внутри бессознательного, в темных царствах твоего существа, на уровень сознательного. Он помогает ему выйти на поверхность, чтобы ты мог

его видеть, чтобы другие могли его видеть, и происходит чудо: даже если ты видишь это, это начало его смерти. И если ты можешь передать его кому-то другому – в психоанализе происходит именно это: ты обнажаешь себя перед психоаналитиком, – даже обнажить это перед одним-единственным человеком достаточно, чтобы произвести великие перемены в существе. Но открытие перед психоаналитиком ограничено: ты показал себя только одному человеку, в глубокой тайне, с условием, что он не вынесет это на люди. Это часть профессии психоаналитика, врача, терапевта, часть его присяги; он ничего никому не скажет, все останется в тайне. Поэтому это открытие очень ограничено; тем не менее, это помогает. На это требуются годы; то, что можно сделать за несколько дней, в психоанализе занимает годы – четыре года, пять лет, и даже тогда психоанализ ничем не кончается. Мир еще не знал ни одного случая тотального психоанализа, заверщенного процесса, законченного, окончательного, – нет, еще нет. Даже ваши психоаналитики сами не психоанализированы полностью – потому что само обнажение очень ограничено и сопровождается условиями. Психоаналитик слушает тебя, как будто не слушает, потому что он не должен никому говорить. Но даже это помогает, это освобождает от огромного бремени.

Если ты можешь обнажить себя религиозно – не в закрытом пространстве, не профессионально, но просто во всех твоих отношениях – именно это и есть *санньяса*. Это само-психоанализ. Это психоанализ двадцать четыре часа в сутки, день за днем. Это психоанализ всех возможных ситуаций: с женой, с другом, с родственником, с врагом, с незнакомцем, с начальником, со слугой. Двадцать четыре часа в сутки ты общаешься.

Если ты продолжаешь обнажать себя... Поначалу это будет действительно очень страшно, но вскоре ты начнешь набираться сил, потому что как только правда обнажена, она становится все сильнее, а неправда умирает. И по мере того, как правда становится сильнее, ты становишься все более укорененным, ты становишься более центрированным. Ты начинаешь становиться индивидуальностью; личность исчезает, и появляется индивидуальность.

Личность ложна, индивидуальность существенна. Личность – это только фасад, индивидуальность – твоя истина. Личность навязана снаружи; это *персона*, маска. Индивидуальность – это твоя реальность, таким тебя сделал Бог. Личность – это социальная изоционность, социальный лоск. Индивидуальность – сырая, дикая, сильная, обладающая огромной энергией.

Только поначалу будет страшно. Поэтому нужен мастер, чтобы поначалу он мог держать тебя за руку, чтобы поначалу он мог тебя поддержать, чтобы поначалу ты мог сделать несколько шагов вместе с ним. Мастер не психоаналитик; он и это, и гораздо большее. Психоаналитик – профессионал; мастер – не профессионал. Помогать людям – не его профессия, это его призвание. Это его любовь, это его сострадание. И из своего сострадания он ведет тебя ровно столько, сколько тебе нужно. В то мгновение, когда он начинает чувствовать, что ты можешь продолжать один, его рука начинает выскользывать из твоей. Тебе хочется продолжать цепляться, но он не может этого допустить.

Как только ты готов, храбр, дерзок, как только ты вкусил свободу обнажения своей реальности, ты можешь продолжать сам. Ты можешь быть светом самому себе.

Но страх естествен, потому что с самого детства тебя учили лгать, и ты так отождествился с ложным, что отбросить его кажется равнозначным самоубийству. И возникает страх, потому что возникает великий кризис тождественности.

Пятьдесят лет, шестьдесят лет ты был определенным человеком. Теперь задавшему этот вопрос, должно быть, около шестидесяти – шестьдесят лет ты был определенным человеком. Теперь, в этой последней фазе твоей жизни, перспектива отбросить эту отождествленность и начать учиться с самых азов пугает. Смерть подходит ближе с каждым днем – время ли сейчас начинать новый урок? Кто знает, сможешь ты его закончить или нет? Кто знает? Ты можешь потерять старую тождественность, а времени окажется недостаточно, недостаточно энергии, недостаточно храбрости, чтобы достичь новой. И ты умрешь без тождественности? Проживешь

ли ты последнюю фазу жизни без тождественности? Это будет своего рода безумием – жить без тождественности – сердце замирает, сердце сжимается. Человек думает: «Лучше продолжать еще несколько дней. Лучше жить со старым, знакомым, безопасным, удобным». Ты стал в этом очень искусным. Это было великим капиталовложением, ты вложил в это шестьдесят лет жизни. Кое-как ты справлялся, каким-то образом ты создал представление о том, кто ты такой, а теперь я говорю тебе отбросить это представление, потому что ты – не это!

Никакой идеи не нужно, чтобы знать себя. Фактически, все идеи должны быть отброшены, только тогда ты можешь знать, кто ты такой.

Страх естествен. Не осуждай его, не чувствуй, что с тобой что-то не так. Это просто часть твоего социального воспитания. Мы должны его принять и выйти за его пределы; не осуждая его, мы должны идти за его пределы.

Раскройся мало-помалу – не нужно совершать прыжков, которые тебе не по силам; иди постепенно, шаг за шагом. Но вскоре ты научишься различать вкус истины, и ты будешь удивлен тем, что эти шестьдесят лет были пустой растратой. Твоя старая личность будет утрачена, у тебя появится совершенно другая концепция. Это будет на самом деле не отождествление, но новое видение, новый способ смотреть на вещи, новая перспектива. Ты не сможешь снова сказать «я», чтобы что-то за этим стояло; ты будешь использовать мир, потому что он полезен, но ты будешь в то же время знать, что мир не несет в себе никакого смысла, никакой вещественности, никакой экзистенциальной вещественности; что за «я» скрыт океан, бесконечное, безграничное, божественное.

Ты никогда не достигнешь другой тождественности; старая тождественность уйдет, и впервые ты начнешь чувствовать себя волной в океане Бога. Это не тождественность, потому что тебя в ней нет. Ты исчез, Бог ошеломил тебя.

Если ты можешь рискнуть ложным, истина может быть твоей. И она того стоит, потому что ты рискуешь только ложным, а достигаешь истины. Ты рискуешь ничем, а получаешь все.

Я только что обнаружил, что скучен самому себе, во мне нет сока. Ты сказал нам принимать себя, какими бы мы ни были. Я не способен принять жизнь, зная, что я упускаю какую-то внутреннюю радость. Что делать?

Я слышал... есть новый вид транквилизатора, который не расслабляет тебя – просто напрягает твою способность расслабляться.

Попробуй его!.. попробуй его снова и снова – будь американцем! – но не больше трех раз. Попробуй раз, попробуй два, попробуй три, затем перестань, потому что в этой глупости нет смысла.

Ты спрашиваешь меня:

«Я обнаружил, что скучен самому себе...»

Это великое открытие. Да, я не шучу! Очень немногие люди осознают, что скучны самим себе – что им *скучно*, предельно скучно. Все это знают, кроме них самих. Знать, что тебе скучно, – великое начало; теперь нужно понять некоторые следствия этого.

Человек – это единственное животное, которое чувствует скуку; это великая привилегия, достоинство человеческих существ. Видел ли ты когда-нибудь буйвола, которому скучно, осла, которому скучно? Им не скучно. Скука просто означает, что то, как ты живешь, неправильно; поэтому это может стать великим событием: пониманием, что «мне скучно, и что-то нужно сделать, нужна какая-то трансформация». Поэтому я не думаю, что это плохо, что тебе скучно, – это хороший признак, хорошее начало, очень благоприятное начало. Но не останавливайся на этом.

Почему человек чувствует, что ему скучно? Человеку скучно, потому что он живет мертвыми образцами, данными другими. Отрекись от этих образцов, выйди из этих образцов! Начни жить сам.

Только подлинному человеку не скучно, ложному человеку обязательно скучно. Христианину будет скучно, джайну будет скучно, парсу будет скучно, коммунисту будет скучно, потому что они разделили свои жизни на две части. Их настоящая жизнь остается подавленной, потому что они стали изображать нереальную жизнь. Именно нереальная жизнь создает скуку. Если ты делаешь именно то, что тебе предназначено делать, тебе никогда не будет скучно.

В тот день, когда я покинул дом, чтобы отправиться в университет, мои родители, мой отец, моя семья, – все хотели, чтобы я стал ученым – у ученого было бы гораздо лучшее будущее – или хотя бы доктором, или инженером. Я наотрез отказался. Я сказал:

– Я буду делать то, что хочу, потому что я не хочу жить скучной жизнью. Как ученый я могу добиться успеха: могу приобрести респектабельность, деньги, власть, престиж, – но глубоко внутри мне будет скучно, потому что это не то, что я хотел бы делать.

Они были в шоке, потому что не видели никаких перспектив в изучении философии; философия была самым бедным предметом в университетах. Неохотно они согласились, чувствуя, что я ставлю крест на своем будущем. Но в конце концов они признали, что были не правы.

Это не вопрос денег, власти или престижа; это вопрос того, чтобы ты делал то, что тебе свойственно. Делай это, независимо от результата, и твоя скука исчезнет. Наверное, ты следуешь идеям других, наверное, ты все делаешь «правильно», наверное, ты все делаешь, как надо. Это фундамент в основании скуки.

Все человечество скучает, потому что человек, который мог бы быть мистиком, – математик; человек, который мог бы быть математиком, – политик; человек, который мог бы быть поэтом, – бизнесмен. Каждый – кто-то другой; никто не там, где должен быть. Человек должен рисковать. Скука может исчезнуть в одно мгновение, если ты готов рискнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.